

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ВЫПУСК 2020

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР из горячих точек

**ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР
ИЗ ГОРЯЧИХ ТОЧЕК**

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЖИЗНЬ
2020

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ГОРЯЧИХ ТОЧЕК

Сергей Брилёв,

*Заместитель директора телеканала «Россия»
по специальным информационным проектам*

Забытые союзники: албанцы-короли,
«ценная пешка» и генсек 3

Александр Кузнецов,

Полковник в отставке, очевидец афганских событий

Афганистан 1978-1980: взгляд сквозь время 74

Константин Дударев,

Востоковед, журналист, редактор, корреспондент

«Шалом» на Синае 93

Дмитрий Трофимов,

Заместитель директора 4 ДСНГ МИД России

К вопросу о британской колониальной
политике в Индии 117

Николай Бурляев,

Режиссер, актер, публицист

Сербский Дневник 131

Борис Лунин,

Доктор исторических наук

Владимир Наливкин. Жизнь. Деятельность. Судьба 147

СПЕЦВЫПУСК

ЗАБЫТЫЕ СОЮЗНИКИ: АЛБАНЦЫ-КОРОЛИ, «ЦЕННАЯ ПЕШКА» И ГЕНСЕК

Сергей Брилёв

«Албания вообще во все века всегда была с Россией. И в Первой мировой войне, и во Второй. В отличие от соседей - болгар и хорватов. Они всегда почему-то, хотя и славяне, воевали вместе с врагами России. Албанцы народ простой».

Яны Кичо Люфи, албанец,
советский военачальник
(Из интервью ГТРК «Кубань»)

«АЛБАНЦЫ народ простой»? Ну, наверное, и так можно сказать. И все же факт есть факт: Албания - единственная страна Европы, освободившая себя во Вторую мировую сама, то есть без участия и Красной армии, и англо-американских союзников. Сами от оккупантов свою родину очистили албанцы-партизаны. Поначалу их было много разных. Но в столицу, в Тирану, осенью 1944 года вошли коммунисты во главе с Энвером Ходжей.

Еще факт: хотя качество пленки оставляет желать лучшего, но на хронике парада партизан по случаю освобождения Тираны отчетли-

Сергей Брилёв - заместитель директора телеканала «Россия» по специальным информационным проектам, кандидат исторических наук.

во видно нечто такое, что противоречит сказанному выше. А именно: на трибуне для руководства - люди в советской военной форме.

При этом, современный специалист по Албании Элидо Мехилли пишет, что «советское влияние в Албании основывалось не столько на прямом военном присутствии, сколько на стратегической инфильтрации»¹.

А как же советские военные на трибуне?! Это - не инфильтрация. Это очень даже явственное присутствие!

Если же почитать справочник по Албании, который вышел под редакцией Рэймонда Зиккеля и Уолтера Иваскива в 1992 году в США, то о роли СССР во время Второй мировой там нет вообще ни единого слова. Отчасти это, наверное, объясняется, что книжка вышла сразу после развала Советского Союза, когда, наверное, казалось, что все русское можно списать со счетов. Но и о роли Соединенных Штатов там - минимум. В книге - сплошная Британия-Британия-Британия².

В свою очередь, у самих англичан весьма популярна та версия, что в определенный момент Лондон отказал своим повстанцам в Албании и расчистил дорогу для коммунистов, так как в рядах британских спецслужбистов, ответственных за Албанию, завелись советские шпионы-«кроты», завербованные НКВД. Интересный замес!

...Признаться, заинтересовавшись этой темой и затеяв для журнала «Международная жизнь» целую статью про Албанию, я несколько рискую. Дело в том, что я там... никогда не был. Но, во-первых, как, наверное, уже видит читатель, я основательно покопался в самых разных источниках и выявил поистине странные противоречия. Будем разбираться! Во-вторых, в этой статье нам предстоит встреча с тем совершенно удивительным албанцем, чьи слова вынесены в эпиграф. Это - тот, кто, отвоевав в годы войны в рядах партизан у себя на родине, стал генерал-майором советской армии. У него - все основания рассуждать не темы и политические, и профессионально-военные.

СЛОЖНАЯ «ПЬЕСА»

К сожалению, я обделен даром драматурга. Тем не менее, как в пьесе, расположу здесь список тех действующих лиц, кто на мой взгляд сыграл по-настоящему знаковые роли при поворотных моментах всей этой истории не только в высоких кабинетах в Москве и в Лондоне. И то будут не только «обычные подозреваемые» из числа военных, дипломатов и разведчиков. В алфавитном порядке:

АГАПКИН Василий - русский и советский трубач, композитор и дирижер, автор пронзительного марша «Прощание славянки».

ВИКТОР ЭММАНУИЛ III - король Италии, который в 1939 году, «так и быть» принял корону и Албании.

ЗОГУ Ахмет-бей - довоенный премьер-министр, «регент», президент и король Албании ЗОГ.

ИВАНОВ Константин - руководитель первой советской военной миссии в Албании в годы войны, майор.

КРАКОВЕЦКИЙ Аркадий - первый советский полпред в Албании в 1924 г.

КУПИ Абаз - албанский монархист-участник первой операции в Албании британской службы диверсий и саботажа Special Operations Executive, SOE, в 1941 году Основатель группировки «Легалитет», названный коммунистическими властями «предателем».

КЭМЕРОН Джеймс - британский репортер, пробравшийся в послевоенную коммунистическую Албанию под видом туриста.

ЛЮФИ Яны Кичо - албанский партизан, перешедший на советскую военную службу, генерал-майор

МИКЛАШЕВСКИЙ Илья - русский эмигрант-белогвардеец, полковник сербской службы, майор албанской службы, руководитель похода русских белогвардейцев-наемников против албанских «красных» в 1924 году.

МОИСИУ Спирос - албанский военный, участник боев с русскими белогвардейцами в 1924 году, в 1943-1946 годах - начальник Генерального штаба Народно-освободительной армии Албании.

НОЛИ Фана - албанский православный епископ, в 1924 году - «регент» и премьер-министр.

ПЕТРЯЕВ Александр - первый дипломатический представитель Российской империи в независимой Албании, будущий дипломат сербской службы.

СОКОЛОВ Степан - начальник советской авиабазы в Бари (Италия), откуда в 1944 году осуществлялись полеты в Албанию.

ТЮРИН Володя - радист советской военной миссии в Албании.

ХИЛЛ Джордж - хорошо владевший русским англичанин-уроженец Российской империи, руководитель миссии связи SOE в СССР. В годы Гражданской войны - британский шпион-«нелегал» в России.

ХИЛЛ ОАКЛИ Дайрелл - руководитель первой миссии SOE в Албании. До войны - инструктор албанской жандармерии.

ХОДЖА Энвер - лидер албанских коммунистов в 1941-1985 годах.

ЦУ ВИД Вильгельм Фридрих Генрих - немецкий аристократ, правящий князь Албании в 1914 году, кавалер многочисленных орденов.

ЧИАНО Галеаццо, 2-й граф Кортелаццо и Буккари - итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Бенито Муссолини.

ЧИШОЛМ Брюс - садовник и торговец рыбой в послевоенном английском графстве Дорсет. В годы войны - участник операции SOE «Водораздел» в Албании.

Эйр Джон - сотрудник резидентуры британской SOE в Бари в звании капитана. Именно его подозревали в том, что он был советским «кротом».

Так он ли не он отвернул Лондон от албанских партизан-националистов в сторону коммунистов? И сразу еще вопрос: а повстанцы-коммунисты разве не были и националистами тоже?

Ну, а я лично еще решился сесть за написание этой статьи, потому что быть в Албании я, может, и не был. Но наблюдал ее с весьма интересного ракурса.

ВИД С КОРФУ

- Видите тот берег, Сергей? Это уже материк.

- Ну, вижу. И что? Не слишком-то он отличается от того, что здесь.

- О! Это Вы не понимаете. У нас, на Корфу, все по-другому. И оливки слаще, и уза - яко слеза дьявола, - мой знакомый, никакой не грек, но осевший на Корфу, хитро подмигнул, кивая на накрытый стол.

- Ой, ладно. И Вы набрались этих греческих штучек!

- А! Так, Вы не посмотрели на карту. На том берегу справа - континентальная Греция. А прямо-то перед нами - Албания!

Перед нами была Чамерия. Так называется эта область на берегу Ионического моря, где с греческой стороны границы есть албанское этническое меньшинство, а с албанской - греческое. Но особый ракурс состоит не только в этом.

ОЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

...Попробуйте сказать при ком-то из молодых «албанский язык». Скорее всего, ваш молодой знакомец оценит вашу «продвинутость», подумав, что Вы в курсе последних тенденций и со знанием дела толкуете об «олбанском». Если Вы не в курсе, то так именуется

интернет-сленг с сознательным гротескным искажением правописания в русском: «превед», «медвед» и т. п. И, в свою очередь, Ваш молодой собеседник вряд ли ассоциирует Албанию с тем, что знают старшие поколения: как после войны лидер этой страны Энвер Ходжа стал, наверное, самым верным последователем

Самый яркий период отношений Москвы и Тираны пришелся, конечно, на 1945-1960 годы, когда дело дошло даже до открытия в Албании военно-морской базы СССР Паша-Лимане: для подлодок. Наличие такой точки на Адриатике давало возможность Советскому Союзу не зависеть от вечной проблемы России: от того, пропустит или нет Турция корабли Черноморского флота через Босфор и Дарданеллы. Впервые за многие столетия у России тогда возникла возможность стоять на берегах открытого Средиземноморья³. На тот момент албанское руководство во главе с Энвером Ходжи было еще самой супер-лояльностью. Сейчас, когда Албания стала стра-

ной НАТО, сразу и не веришь глазам, читая то, что на переговорах в Тиране Ходжа тогда сказал маршалу Жукову: «Мы считаем, что первая линия обороны Одессы и Севастополя должна проходить здесь, у нас»⁴. И совсем потрясающая фраза: «По всем практическим вопросам, связанным с этим предложением, мы будем заранее согласны»⁵.

Кто бы тогда думал, что не пройдет и трех лет, и случится диковинная для нас сегодняшних советско-албанская «схизма».

Этот религиозный термин поистине применим к тому, как Москва и Тирана выясняли

*Албанский художник Гури Мадхи.
Энвер Ходжа разоблачает советских ревизионистов*

отношения после XX съезда КПСС, то есть разоблачения «культы личности» Сталина, которого Ходжа боготворил. Албанские руководители обвиняли Хрущева в, прости, Господи, «ревизионизме». Хрущев, в свою очередь, за словом в карман не лез: «Албанские руководители подняли на щит культ личности Сталина, развернули ожесточенную борьбу против решений XX съезда [...] Все то порочное, что было у нас в период культа личности, все это в худшем виде проявляется в Албанской партии труда⁶. Теперь уже ни для кого не секрет, что албанские руководители держатся у власти, прибегая к насилию и произволу»⁷.

Было ли дело в чистой идеологии или еще и в том, что Энвер Ходжа был оскорблен мыслью Никиты Хрущева о том, что средиземноморской Албании лучше стать садом-огородом соцлагеря, не помышляя об индустриализации? Сегодня суть того конфлик-

та прочувствовать уже невозможно. Но все это приведет к закрытию не только советской базы, но даже посольства! С февраля 1961 года Москва даже стала глушить радиопередачи Тираны на русском языке! А ведь были - не разлей водой.

КООРДИНАТЫ

...39°46' северной широты и 19°58' восточной долготы. Именно в этой точке в проливе Корфу в 1946 году последовательно имели место три инцидента с участием кораблей британского Королевского флота: один попал под обстрел албанской береговой артиллерии, а потом еще были подрывы на минах. Было много погибших и раненых. Десятки!

Важно: когда британцы выловили несколько из мин, то оказались они немецкого производства. Но были без ржавчины и налипших водорослей и ракушек. То есть, их поставили только вот-вот. При этом, в те времена у самой Албании не было кораблей, способных ставить мины. Значит, албанцам помогли либо югославы, либо советские товарищи. Сами албанцы кивали на соседей-греков. Все это привело к первому процессу в истории только-только созданного тогда Международного суда ООН.

То был первый конфликт нарождавшейся холодной войны. А еще, конечно, это было продолжением англо-советского противоречий вокруг Балкан только-только закончившейся Второй мировой.

С АНГЛИЙСКИМ АКЦЕНТОМ

...Конечно, в вопросах «холодной войны» британских журналистов не назовешь «третьейскими судьями». Но памятуя об английском чувстве юмора, вот-вот я все-таки сошлюсь на британского журналиста Джеймса Кэмерона, который в 1963 году пробрался в коммунистическую Албанию под видом туриста.

Надо сказать, что Кэмерон довольно быстро себя выдал, в первой же телеграмме из Тираны якобы просто друзьям (а, на самом деле в редакцию) написав мгновенно узнаваемым журналистским стилем, что «эта маленькая, гордая, изолированная страна, которая галантно бросила вызов и Востоку, и Западу, открыла свои двери». За использование слова «изолированная» последовало проставление выездной визы, что в таких странах является последним актом перед депортацией. Но, по причине того, что в те времена самолеты в Тирану летали только раз в несколько дней, Кэмерон все-таки остался в Народной Республике Албания и до вылета успел много, что увидеть.

В его хронике - весьма остроумно описанные многоходовка по получению албанской въездной визы, проверка этих виз даже не на границе, а еще на борту по приземлении, удивительной красоты природа (но печально пустые пляжи), паршивая еда и дрянное вино (но замечательные уза и коньяк), идиосинкразия персонала гостиниц, паранойя тайной полиции «Сигурими» и жизнерадостные собеседники из числа простых албанцев (от открытых к общению студентов Тиранского университета до крестьян-горцев, у которых Кэмерон стрельнул спичек, будучи в селении, которое когда-то служило базой средневекового албанского героя Скандербега, так и не сдавшегося туркам).

Но в этот репортаж Кэмерон втиснул и весьма емкую справку о мозаичном прошлом этой действительно гордой (а тогда и действительно изолированной) страны:

«Албанцы являются одним из самых древних народов Европы. Это - иллирийцы, кто каким-то образом сохранили свою идентичность в течение шести веков жизни под греками до нашей эры, кто затеял выживание в течение пятисот лет оккупации Древним Римом и еще пятисот лет Византией [...] Албания была плацдармом для все новых вторжений в Европу со стороны норманнов в XI веке, а венецианцев в XIII-м. Даже после великого турецкого завоевания в 1478 году албанцы отказались успокоиться и стать хорошей колонией, оставаясь самым большим *нюансом* (курсив мой - С.Б.) Оттоманской империи в течение четырехсот пятидеся-

ти лет»⁸. Согласимся, что это - не только весьма емкий, но и весьма комплиментарный отзыв!

При этом в той же Османской империи именно два десятка этнических албанцев стали визирями (то есть, говоря по-нынешнему, премьер-министрами), доблестных вояк-албанцев набирали в личную охрану турецких султанов.

Слово еще одному британцу, сэру Уинстону Черчиллю.

АЛБАНИЯ ПО ЧЕРЧИЛЛЮ. ИЗ РАННЕГО

Летом 1939 году даже у себя в Британии Черчилль был еще «белой вороной»: считал, что и Лондон, и остальная Европа зря потакают странам «оси», проповедуя «политику сдерживания» и закрывая глаза на то, как Гитлер «съедал» то Австрию, то Чехословакию. В то лето, 8 августа, Черчилль написал очередную колонку, которую передали по американскому радио. Чувствуя приближение новой войны, параллель он проводил с предыдущей:

«Время отпусков, леди и джентльмены! [...] Как мы проводили летние отпуска четверть века назад? Что ж, в то время немецкий авангард прорывался в Бельгию в надежде протоптать дорожку к Парижу. [...] Но, возможно, нам отказывает память. Доктор Геббельс и его машина пропаганды предлагают свою версию того, что происходило двадцать пять лет назад. Если слушать их, можно предположить, что это Бельгия вторглась в Германию! Там-то они и были, мирные пруссаки, собиравшие урожай, когда на них напали противные бельгийцы, которых подстрекали Англия и евреи [...] А где же мы теперь? [...] В Европе - тишина. Нет! Тишина во всем мире. Ее нарушает разве что скучное глухое падение японских бомб на китайские города [...] Но Китай ведь далеко. Что беспокоиться? [...] Увы! Это - тишина неизвестности. А во многих странах - тишина страха. Прислушайтесь! Нет, слушайте внимательно; мне кажется, я что-то слышу. Да! Вот, сейчас было ясно слышно. Вы не слышите? Это стук сапог по гравию плацов, чавканье сапог по раскисшим полям, сапог двух миллионов не-

мецких и более чем миллиона итальянских солдат «отправляющихся на маневры». Конечно! Только на маневры, как это было в прошлом году. В конце концов, диктаторы должны тренировать своих солдат. По здравому рассуждению, им и не остается ничего более разумного на фоне того, как датчане, голландцы, швейцарцы, албанцы и, конечно, евреи могут в любой момент украсть у них жизненное пространство [...] Только в марте они освободили Чехословацкую республику от страданий независимого существования. Всего два месяца назад, как маленькая Албания получила счет за личную свободу»⁹.

Какой стиль! Какая ирония! Но стоп! Во-первых, с чего это еще до начала Второй мировой войны, уже в июле 1939 года, Албания оказалась в центре внимания самого Черчилля? А, во-вторых, сэр Уинстон был, конечно, во все времена большой хитрец, говоря то, что выгодно ему и вообще замалчивая то, что не вписывалось в его интересы. Что же он тогда ничего не сказал, что не далее, как 22 мая 1939 года советский посол И.М.Майский, председательствовавший на заседании Совета Лиги наций, сделал попытку включить в повестку дня вопрос как раз об итальянской агрессии против Албании? Но западные державы ответили отказом.

Так, в какой системе координат оказалась тогда эта маленькая, но важная страна, Албания? Сразу скажу, что в мои планы входит дать куда более обширный обзор албанской истории, чем тот, что уместился всего в один абзац у моего английского коллеги.

МЕЖДУ РАЗНЫМИ ВОЙНАМИ. ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

...Плох тот русский, кто не знает марш «Прощание славянки». Как и в случае с российским гимном, текст не раз переписывался. Но чаще всего именно под эту мелодию наши предки уходили на фронты. Меньше на слуху то, что композитор Василий Агапкин написал этот марш в 1912 году в разгар так называемой Первой Балканской войны, ставшей предвестницей Первой Мировой. Сла-

вянка на Балканах прощается с отцом, мужем, братом, сыном, которые идут воевать с турками.

В той войне сошлись Балканский союз (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) и уже ослабленная Османская империя. У славян, как водится, были целый набор идеалов и интересов. Но побочным следствием войны стала сначала автономия, а потом и независимость и такой неславянской страны, как Албания. Кстати, если кто не в курсе: на настоящем албанском языке страна называется «Shqipëria». Ни одного родственного.

В этом смысле албанцы напоминают басков и вайнахов.

Даруя албанцам независимость (на конференции в Лондоне), великие державы решили за них, что и для Албании лучшая форма правления - монархия. Первый князем (по-албански, «мбретом») вновь образовавшейся самостоятельной Албании был определен немецкий аристократ Вильгельм Фридрих Генрих цу Вид. Супруга - Софи-Хелен-Сесиль фон Шенбург-Вальденбург. Красивые сочетания имен? Весьма! Но теперь к своему титулу цу Вид добавил еще «Скандербег II». Красив был и набор звезд, крестов и лент, которые украсили грудь, плечи и проч. новоиспеченного монарха. Как это и сегодня свойственно выходцам из привилегированных классов, он не обязательно понимал, какая его постигла не только честь, но и ответственность. Немедленно став по

статусу кавалером высшего албанского ордена «Черного Орла» и быстренько, в течение нескольких месяцев, получив кучу церемониальных в таких случаях орденов иностранных держав (включая, кстати, российский орден Александра Невского), он, однако же, не менее стремительно стал в глазах подданных фигурой весьма сомнительной. Скоро немец понял, что лучше ему в Албании не задерживаться и из страны бежал.

Впрочем, это - как ни странно, частность. Хотя она и означала, что до 1928 года формальным главой государства в Албании оставался именно этот немец, отбывший в более безопасные края, а персонажи, выбивавшиеся в правители Албании, вынуждены были называть себя лишь «регентами». Уже скоро мы разберем судьбы нескольких таких фигур.

А, вот, по-настоящему важный момент состоял в том, что утвержденная в 1913 году в Лондоне и переподтвержденная в 1921 году международно-признанная территория Албания включала отнюдь не все земли, заселенные этническими албанцами. Это оказалось «миной замедленного действия». Отсюда - нет-нет, но возникающая и сегодня идея о «Великой Албании», которая претендовала бы не только на Косово, но просила бы распрощаться с частью своих земель таких славянок, как Северная Македония, Сербия и Черногория, а также Греция.

Кстати, в лондонской конференции послов, на которой обсуждалась автономия/независимость Албании, также принимала участие и Российская империя, еще не знавшая, что доживает последние годы под царскими скипетром и державой.

Именно российский дипломат Александр Петряев отвечал на конференции за разграничение албанско-сербской границы и неоднократно посещал Албанию. Как отмечается на сайте посольства сегодняшней РФ в Тиране, Петряев стал де-факто первым официальным представителем России в Албании. К сожалению, с установлением советской власти он был вынужден покинуть российскую дипломатическую службу и закончил карьеру в МИД Королевства сербов, хорватов и словенцев, которое еще называют «первой Югославией». Впрочем, как мы еще увидим, русские,

оказавшиеся после революции и Гражданской войны в Белграде, еще вновь и вновь увидят на своем горизонте и - Албанию.

АЛБАНСКАЯ ТАЙНА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

До своего крушения Российская империя участвовала в еще одной международной конференции во все том же Лондоне по вопросам, в том числе, все той же Албании.

Дело в том, что к 1915 году страны Антанты (Россия, Британия и Франция) смогли уговорить Италию выйти из «Тройственного союза» с Германией и Австро-Венгрией и перейти на нашу сторону. За это после войны Италии полагалось прирезать новые земли, многие из которых она, кстати, сохраняет до сих пор (например, Южный Тироль и Триест). Но, как мы сказали, в договоре речь шла и об Албании, и по этому новому тайному лондонскому пакту, албанцам предстояло поделиться землями не только с заморской Италией, но и с соседями по Балканскому полуострову.

Между тем, уже считанные месяцы оставались до отречения Николая II, до печальной летней чехарды 1917 года и до прихода к власти в Петрограде большевиков. Как известно, первыми ленинскими постановлениями-сенсациями стали составленные по правилам еще старорежимной орфографии, но поистине революционные «Декретъ о землѣ» и, конечно же, «Декретъ о мирѣ». В последнем случае провозглашался отказ от тайной дипломатии. И хотя потом само же советское правительство отойдет от этой идеалистической точки зрения (достаточно вспомнить секретные протоколы к «пакту Молотова-Риббентропа»), осенью 1917 года ленинский Совнарком приступил к систематическому обнародованию тайных соглашений своих царских предшественников.

Уже 8 ноября 1917 года единственная тогда албанская газета «Поста э Шкюпниес» сообщила о восстании в Петрограде, где «победили рабочие и солдаты». И именно благодаря Ленину албанцы узнали о том самом тайном Лондонском пакте по расчле-

нению их страны. Это, конечно, не добавило им радости, а, вот, к новым российским властям заставило отнестись с интересом.

Почти совсем забытый теперь факт: 4 февраля 1924 года албанские законодатели почтили память Ленина, как защитника «высоких принципов человечности» и интересов Албании!

ПЕРВАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АЛБАНИЯ?

В июне все того же 1924 года в Албании наступил черед собственной революции: выдававший себя за потомка Александра Македонского премьер-министр Ахмет-бей Зогу бежал в Сербию, и на короткое время албанцы приняли нового вождя. То была очень занятная фигура: Фана Ноли.

Кем был этот человек? При рождении - Θεοφάνης Στυλιανού Μαυρομάτης. Это, как видно, на греческом. Феофанис Стилиану Мавроматис. И не просто грек, а еще и православный епископ! И какой епископ!!! Но все-таки в историю он вошел под своим албанизированным именем Фан Ноли (Fan Noli). Но также он вошел в историю, как тот, кого в итоге свергли... русские эмигранты-белогвардейцы.

Истории участия русских белогвардейцев в свержении новой албанской власти посвящена весьма подробная работа, которую в 2005 году для журнала «Солдат удачи» написал Сергей Балмасов. Он не скрывает своих подчеркнуто антикоммунистических взглядов (и, конечно, как свободный человек, имеет полное на них право), но все-таки, как мне кажется, кое-что путает. Во-первых, называет нового албанского премьера «Фаноли». А это - уже примета того, что в материал он вгрызся не до конца. Во-вторых...

Про премьера-епископа С.Балмасов пишет: «Секрет его силы заключался в том, что до мозга костей религиозный «батюшка» вдруг сдружился с коммунистами, которых он еще недавно считал сатанистами»¹⁰. И продолжает: «Захватив власть, «батюшка» [...] занялся распространением коммунистической агитации на соседние страны»¹¹.

Так ли это было на самом деле? В реальности, среди последователей Ф.Ноли будет хватить коммунистов (но также, между прочим, будет хватать и фашистов; логика событий в тогдашней Европе привела к большой чехарде в головах). Но что все-таки с коммунистами?

КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ АЛБАНСКОГО КОММУНИЗМА

На Западе, где, по идее, должны пестовать идею о зловредных красных заговорах на всех возможных этапах, есть, тем не менее, совершенно иная точка зрения, чем та, которую высказывает С.Балмасов. Уже упоминавшийся выше историк Э.Мехилли пишет: «Албанская компартия появилась только *в 1941 году* (курсив мой - С.Б.)». При этом подчеркивается, что создана она была «в значительно степени благодаря югославским усилиям. Посланцы Тито не только объединили разрозненные коммунистические группы; югославы также сыграли центральную роль в определении партийной структуры». Еще один западный исследователь, Николас Пано, к этому добавляет, что сделано это было по инициативе не просто Компартии Югославии, а ее регионального комитета в «Косово и Метохии, за которым в 1928 и 1940 годах югославские коммунисты признали право на самоопределение». Само собой, свою роль в помощи албанским друзьям любили подчеркивать и в Белграде. Понятно без перевода: «Дугим радом другови Миладин Поповић и Душан Мугоша сломили су групашки отпор код већине албанских другова. Они су успели да их убеде како је Партија неопходна радпим масама у њиховој борби за ослобођење од капиталистичке експлоатације и империјалистичког поробљавања»¹².

Итак, выходит, что, во-первых, партия создана лишь в 1941 году, а, во-вторых, главными ее опекунами были югославы, призвавшие албанских друзей покончить с «капиталистической эксплуатацией и империалистическим порабощением». Так ли это было на самом деле?

Сам себе не верю, но обращаюсь к такому необычному, немодному теперь источнику, как сочинения такого, мягко говоря, чудачковатого албанского правителя-отшельника Энвера Ходжи¹³.

Сегодня его принято вспомнить все больше в контексте того, как, порвав и с СССР, и с КНР, он покрыл свою страну исправительными лагерями и бункерами. Но на момент, когда он произнес речь, которую я хочу сейчас процитировать, Ходжа - весьма рискованный сын богатых родителей, которого отправили поучиться и поработать в Европу, а он взял и примкнул там к коммунистам, Парижу предпочел Москву, а к началу войны вернулся на родину, где, получив заочный смертный приговор от оккупантов, приступил к организации массового сопротивления. Как ни относиться к дальнейшим его действиям, наверное, все же, самым верным принципом рассказа является позитивизм: «было, как было». А, как было?

Выступая 8 апреля 1942 года перед активом только-только созданной албанской Компартии, Энвер Ходжа исторический путь албанских коммунистов описал так: «Товарищи! [...] Как вы знаете, у нас было много групп: Корчинская и Шкодерская группы, группа «Молодых»¹⁴.

Взглянем на карту, и, во-первых, обнаружим перечисленные города на территории никакого не Косово, а собственно Албании. Во-вторых, о сроках. «Молодые» были созданы в 1940 году. Но, вот, Шкодерская группа - это 1934 год. А названная Ходжей первой Корчинская группа была вообще создана еще в июне 1929 года. И югославы тут не при чем: произошло это после того, как из Советского Союза в Албанию вернулся албанский коммунист Али Кельменди. По крайней мере, так этот вопрос разъясняли в сносках редакторы собрания сочинений Ходжи¹⁵.

Это вполне соотносится с тем, что советские исследователи писали в тот период, когда отношения между Москвой и Тираной были «ниже плинтуса», и от авторов в СССР никто не ожидал, что они будут слепо повторять, если бы они оказались таковыми, мифы от Ходжи. Читаем: «Первая албанская коммунистическая группа была создана политэмигрантами в Москве в 1928 году с помощью Коминтерна и Балканской коммунистической федера-

ции [...] В записи Балканскому секретариату Исполкома Коминтерна от 12 сентября 1928 года [Георгий Димитров] предложил развернутый план работы по созданию в будущем Албанской коммунистической партии. В частности, Г.Димитров рекомендовал албанским коммунистам возвращаться на родину [...] К этому прислушались, и в 1930 году была распущена московская коммунистическая группа; одна часть ее членов уехала во Францию, другая вернулась в Албанию. Среди последних находился и Али Кельменди [...] Он установил тесные связи с коммунистической организацией Корчи»¹⁶.

Попросив поднять дополнительные документы в рассекреченном ныне архиве Коминтерна, автор этих строк увидел, что, не выходя за рамки идеологем, советские историки, тем не менее, придерживались того, что в научном мире называется «историзмом». Выяснилось, что, если к публикациям советской эпохи и можно добавить какие-то акценты, то минимальные. Например, удалось найти отчет эмиссара Коминтерна, в котором говорится: «В апреле 1932 года по поручению тов. Димитрова я выехал в страну для создания оргцентра коммунистической деятельности»¹⁷. И далее идет перечисление в основном уже знакомых нам групп, а также некоторых «изолированных коммунистов»¹⁸, которых также предстоит объединить. Согласимся, что разница между 1928 и 1932 годом - совершенно не существенна.

Итак, ознакомившись и с этой стороной, пожалуй, подкорректируем и Сергея Балмасова, и Элидора Мехилли, и Николаса Пано. Пусть группы коммунистов в Албании были разрозненными. Но первый толчок к их активизации и объединению дали не Тито и вообще югославы, а все-таки Коминтерн в Москве.

Идем дальше. В выступлении Ходжи перед партактивом в начале 1942 года находим такой пассаж: «Чтобы лучше понять вопрос, вернемся немного к прошлому, к истории. Не вдаваясь в подробности, остановимся только на самом важном... Отсутствие прочных связей и организационного опыта, [...] безответственность со стороны отдельных товарищей, недоверие к директивам Коминтерна, [...] честолюбие и семейственность,

буржуазное влияние, [...] настолько обострили старую вражду между группами, что они даже вынесли сор из избы»¹⁹. Что там были за «семейственность», на кого там зыркал Ходжа за «сор из избы» - неважно. Важно, что упомянутые директивы Коминтерна - важнейшая системная предпосылка организованного сопротивления оккупантам.

Почитаем документ Коминтерна от 3 ноября 1938 года, изначально озаглавленный, как «Предложения о работе в Албании» (позже в машинописный текст было от руки добавлено «нашей работе», то есть работе не только самих албанских коммунистов, а и всего III Интернационала со штаб-квартирой в Москве). В качестве «платформы движения» уже в третьем пункте указывалась борьба «против колонизации и грабежа итальянского фашизма, против вассальных договоров, за независимость страны»²⁰, а на следующих страницах детально описывалось кому куда выдвигаться, где какие издавать листовки и газеты и т. п.

Далее отдельно говорилось: «Борьба против итальянского фашизма должна быть увязана с борьбой против германского фашизма, являющегося его союзником»²¹. Между тем, даже на фоне «пакта Молотова-Риббентропа» эти инструкции Коминтерна никто не отменял. Учитывая же, что пакт пришелся на август 1939 года, а Албания была оккупирована фашистами еще в апреле того года, албанские коммунисты стали, пожалуй, единственными, кто как проводил, так и продолжил проводить изначальную антифашистскую линию III Интернационала. Занятный парадокс!

ПЕРВЫЕ ВЫВОДЫ

Итак, еще раз. Югославы явно сыграли важную роль при учреждении в 1941 году албанской Коммунистической партии, но не югославы, а Коминтерн в Москве снабдил албанцев нужными лозунгами, а еще в конце 1920-х именно Москва дала первый толчок албанскому коммунистическому движению (ну, хорошо, в тот период еще, скорее, не движению, а эдакому брожению).

Но что все-таки было в середине 1920-х? А, вот, что касается того периода (когда к власти в Албании приходит подозревавшийся в связях с коммунистами премьер-епископ Ноли), то ничего особенного по линии Коминтерна еще не происходило. Ноли стал премьером в 1924 г., а, как мы убедились, самая ранняя организационная история хотя бы даже и коммунистических ячеек относится в Албании к 1928 г. Даже и через десять лет, в 1938 г., сам Коминтерн рекомендовал, что «пока надо воздержаться от создания компартии»²² (а как еще, если на промышленность приходилось лишь 4% экономики, то есть никакого рабочего класса в стране не было). Поэтому говорить о том, что в 1924 году премьер-епископ Ф.Ноли был распространителем коммунизма - все-таки преувеличение. На тот момент распространять было особенно нечего: албанскому коммунистическому движению еще только предстояло вызреть и оформиться.

Что же в таком случае заставило русских эмигрантов-врангелевцев в Сербии встать под знамена Зогу, объявившего поход против «красных»? Или все-таки дыма без огня не бывает?

ТОГДАШНИЙ ГРЕХ

Епископ Ноли был истинным патриотом-идеалистом, ярким оратором-полиглотом, срывающим аплодисменты в Лиге наций, талантливым музыкантом, автором программы, включавшей искоренение феодализма, привлечение иностранных инвестиций, модернизацию инфраструктуры и т.п., но управленец из него вышел никудышный. Как премьер он был и так обречен, всколыхнув внутри страны своими невыполнимыми обещаниями крестьянство и вызвав раздражение беев.

Но вовне Албании, в тогдашней Европе, отягчающим обстоятельством для Ноли стало то, что 4 июля 1924 года его министр иностранных дел Сулейман Дельвина направил через советское дипломатическое представительство в Риме ноту на имя наркома

иностранных дел СССР Г.В.Чичерина. В ноте говорилось: «Мне доставляет живое удовольствие сообщить Вам, что новое Албанское правительство почтет себя весьма счастливым установить дипломатические и дружественные отношения между народом русским и албанским»²³.

Дипотношения с Советским Союзом?! Для тогдашней Европы это было чересчур! Между тем, приехав в октябре 1924 г. в Рим, Ноли даже встретился с полпредом СССР в Италии Константином Юрневым, чтобы обсудить практические шаги²⁴. Если конкретно, то в Тирану стал собираться в качестве советского полпреда такой удивительный человек, как бывший эсер, а теперь большевик Аркадий Краковецкий. Почитайте сноску. В его биографии много всего интересного сошлось²⁵.

«КРАСНЫЙ ЕПИСКОП» И БЕЛЫЕ НАЕМНИКИ

Интересное совпадение: приход к власти в Албании премьера-епископа Ф.Ноли, бегство в Сербию его предшественника Ахмет-бея Зогу и последовавший поход из Сербии в Албанию нанятых зогистами русских контрреволюционеров приходится на тот момент, когда в Белграде оказывается тот самый первый российский посланник в Албании (а теперь эмигрант) Александр Петряев. Напомню, что именно он после конференции в Лондоне отвечал за уточнение албанско-сербской границы. И именно эту границу с 1921 года охраняли русские эмигранты-врангелевцы. Впрочем, это - к слову.

Центральной же фигурой в этой истории оказался русский эмигрант Илья Миклашевский. Именно он сбил группу из сотни белогвардейцев, которой Ахмет-бей Зогу предложил пойти в «освободительный поход» в Албанию ради свержения премьера-епископа-«коммуниста». За это русским были предложены хорошие деньги, которые им были так нужны. Например, среди других известных участников похода - Лев Сукачев. Он перед этим перебивался истопником и незадачливым садовником (получив зада-

ние засадить парк тополями, по ошибке высадил... калину). На самом деле, несчастные люди!

Всего в отряд набралось 108 человек. Из установленных - полковник-черкес Кучук Улагай (который до этого был вынужден промышлять не сильно более престижной работой по покраске абажуров), полковник Коноплев, ротмистр Красенский, полковник Берестовский с группой киевских гусар, Русинов, Барбович, Сукуренко.

Вот, как на мой взгляд, несколько высокомерно, но весьма кратко описывает дальнейшие события еще один российский автор, Ярослав Бутаков: «Экспедиция сотни храбрых вояк против горных пастухов и контрабандистов не заслуживает серьезного описания. Они прошли через Албанию как раскаленный нож сквозь кусок масла [...] Опытные русские солдаты оба раза легко опрокинули многократно превосходящие отряды кое-как вооруженного сброда, гордо именовавшегося «албанской армией». Вся кампания продлилась неделю».

На самом деле, совсем гладким поход не назовешь. Были и бои, а среди тех, кто сражался против белогвардейцев был и Спиро Моисиу, которого уже тогда считали одним из лучших военспецов Албании. Но та политическая власть, которую он пытался защищать, была уже незащищаемой. А, вот, имя Спиро Моисиу запомним! Мы к нему еще вернемся.

Что до сроков «кампании», то действительно: отряд вступил на территорию Албании из нынешней Северной Македонии в ночь с 16 на 17 декабря 1924 года, а уже 24 декабря русские белогвардейцы вошли в албанскую столицу (был встречен оркестром!) и наблюдали, как из «дурацкого» порта (то есть порта города Дураццо) отплывали, бежали премьер-епископ и его сторонники.

Как считали белогвардейцы, вместе с премьером-епископом Албанию покинул и полпред СССР Краковецкий. По данным советских исследователей Смирновой и Кулешова, картина предстает все-таки иной. А именно: Краковецкий прибыл в страну 14 декабря, а покинул ее уже послезавтра, то есть, получается, сделал это по приходу новости о вторжении белогвардейских наемников. Если так, то Краковецкий поступил вполне корректно,

не став вмешиваться во внутренние дела страны аккредитации. Правда, по версии Балмасова, это «Фаноли, чтобы избежать краха, решил выслать советскую делегацию из страны при наступлении повстанцев, но не успел». Где правда? В Тиране явно царил такой хаос, что, наверное, сегодня уже не поймешь. Но явно симпатизирующий белогвардейцам С.Балмасов смакует: «Перед отъездом к Краковецкому в номер пришел хозяин отеля с просьбой оплатить счет. От страха товарищ Краковецкий никак не мог найти бумажник и открыл один из своих сундуков, откуда и достал деньги. Хозяин отеля обомлел, увидев, что сундук был полон купюрами по тысяче лир каждая [...] После бегства Фаноли нашли документы о крупной взятке для него из Москвы. Можно представить, какие чувства испытывали при этом русские белогвардейцы, видя уходящие в никуда советские корабли, и как они вспоминали, что 4 года назад они сами также уходили из Крыма».

Ну, а помимо эмоций, можно ли сказать, что в отношении премьера-епископа Ноли действительно подтвердилась версия о его системной связи с коммунистами? И да, и нет. Пересидев в Италии, в ноябре 1927 года он приезжает в Москву на конгресс друзей Советского Союза. Его никто не тянул за язык, и он сам сказал, что от увиденного в СССР «пришел к убеждению, что

пути разрешения социальных проблем в Албании ведут через осмысление и применение опыта Страны Советов»²⁶. «Я восхищен, - писал Ф.Ноли, - тем, что лично увидел первое рабоче-крестьянское государство, которому предстоит великая будущность и которое является прообразом будущих таких же рабоче-крестьянских республик»²⁷.

Был ли Ноли искренен или лишь экзальтирован, будучи под впечатлением от традиционного русского гостеприимства? Оно, как мы знаем, иной раз сопровождается ударным очковтирательством. Вопрос, который напрашивается сам собой: интересно, что советские товарищи рассказали епископу о положении церкви? Или он тактично не спрашивал? Как бы то ни было, дальнейшая его жизнь проистекала в США, а на родину он вернулся только в виде своего изображения на купюре в 100 леков. Интересная судьба.

ЕЩЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУССКИХ В АЛБАНИИ

Чем русские белогвардейцы занимались в последующие дни после бегства Ноли и возвращения в верховные правители Зогу? Тут версии если и расходятся, то только в плане самых мелких деталей.

Я.Бутаков указывает, что «русские наемники праздновали победу так, что, по их собственным воспоминаниям, в казарме, где их разместили, скоро стало невозможно пройти из-за пустых винных бутылок». С.Балмасов, ссылаясь на воспоминания Л.Сукачева, пишет о бутылках не винных, а водочных. Впрочем, почему было и не выпить русским людям, которые, столь печально проиграв гражданскую войну у себя на Родине, теперь выиграли какую-никакую, но войнушку? Но!

В любом случае, такое было с раздражением воспринято генералом Врангелем, чьими усилиями русские офицеры получили приют в Сербии, откуда выдвинулись в какую-то там Албанию. 17 января 1925 года Врангель издал такой приказ: «По полученным мной сведениям, в настоящее время нашим офицерам предлагают поступить в жандармерию, формируемую в Албании. Имея ввиду, что

1) Албания является пограничной с государством, давшим нам приют; 2) что в Албании не прекращаются внутренние волнения, вплоть до гражданской войны, в которой сталкиваются интересы нескольких держав, категорически воспрещаю господам офицерам и вообще всем чинам, входящим в состав армии или военных организаций, принимать подобного рода предложения».

Но в Белград сразу вернулся только Миклашевский. Но ему терять было нечего: еще в годы Первой мировой войны он, получив от сербов высокий орден, имел право на автоматическую службу в их армии. Остальным же русским явно не очень хотелось возвращаться к посадке тополей-калин и покраске абажуров. Уже очень скоро они, оставшись в Алании, были привлечены Ахмет-беем к тому, чтобы оцепить Учредительное собрание, когда там принималось решение о возведении его в президенты. Дальше именно русские осуществили настоящую спецоперацию по разоружению в горах потенциально мятежных беев.

В КОРОЛИ БЫ Я ПОШЕЛ

Скоро, 1 сентября 1928 года, Ахмет-бей Зогу, женатый на венгерской графине, повысил статус и ей, и себе: единогласным решением очередного учредительного собрания, он завершил летний сезон тем, что перешел из президентов в «короли албанцев» (официальный титул Зог I-Скандербег III) с правом передачи трона по наследству. Правда, во-первых, с коронацией случилась осечка: музей в Вене отказался выдавать хранящуюся там историческую корону Скандербега. Очевидно, именно это имелось в виду американским посланником, который писал в Вашингтон, что коронация не состоится, чтобы не смущать дипломатический корпус. Однако, как таковое возвращение Албании из республик в монархии на самом раннем этапе признали США, Болгария, Венгрия, Греция, Италия и даже вездесущий тогда Уругвай. Во-вторых, свой новый статус Зог получил из рук итальянцев, которые, связав Албанию кабальными договорами, превратили ее в

свой де-факто протекторат²⁸.

Тем не менее, даже и при «полукоронованном» короле Албания пока еще оставалась, как скажут юристы, субъектом международного права. Например, Албания сама устанавливала дипотношения. Скажем, в середине 1930-х будущий коммунистический правитель Энвер Ходжа служил секретарем албанского посольства в Брюсселе и всю последующую жизнь любил щегольнуть французскими словечками. В его статьях и речах встречаются *insignifiants* (то есть, «несущественный»), *à la rigueur* (то есть, «в

крайнем случае»), *ballons d'essai* (то есть «пробные шары») и т. п.

В 1934 году королевская Албания вернулась к идее установления дипотношений и с Москвой. Как и полагается, произошел обмен нотами, а интересы СССР в Албании стал представлять советский полпред в Афинах. Флиртовал король Зог и с американцами: в 1937 году в Тирану даже приезжал целый американский сенатор. Однако, в целом Тирана шла в фарватере Рима. Так, когда в 1935 году фашистская Италия вторглась в Абиссинию (Эфиопию), и СССР пытался сделать так, чтобы агрессию

осудила Лига наций, албанский представитель был на стороне Рима. Правда, тут албанцами двигал явный самообман.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

7 апреля 1939 года уже сама Албания пала жертвой итальянского фашизма. Дуче Бенито Муссолини явно все не давало покоя, что перед этим Гитлер осуществил «аншлюс»: присоединил к Германии Австрию. А чем Италия хуже? Собственно, еще в марте 1938 года главный дипломат Муссолини граф Чиано записал в дневнике: «Наша пенетрация [Албании] становится все интенсивнее и органичнее [...] Я все думаю, не позволила бы нам общая обстановка - особенно аншлюс - совершить шаг к полному доминированию [Албании], которая станет нашей». К тому же, в отличие от Австрии, в Албании еще была нефть!

Соответственно, в албанских портах высадился итальянский десант. Когда это произошло, албанская армия какого-то организованного сопротивления оказать не смогла. Разве что албанские патриоты во главе с людьми типа Абаза Купи (к которому еще вернемся отдельно) ответили парой-тройкой выстрелов. Но это проблемы не решало.

Албанский монарх бежал за границу. Там он попытался создать правительство в изгнании и даже позвал в премьер-министры свергнутого им Ф.Ноли. Но тот отказался.

Уже 16 апреля 1939 года итальянский король Италии Виктор Эммануэль III «так и быть» согласился с предложением «Временного комитета Албании» на трон и этой страны, став, таким образом, и Третьим, и двойным: королем и Италии, и Албании²⁹. У тех же юристов, в международном праве, это называется «личной унией». Правда, то было право сильного...

Впрочем, за всеми этим событиями мы все-таки опустили один важный момент, относящийся еще к тому этапу, когда русские пленники только-только вернули в Албанию Ахмет-бея Зогу, и отношения Тираны с советской Москвой были прерваны впервые. Как

указывали советские исследователи Смирнова и Кулешов, срыв установления дипотношений между Албанией и СССР - дело рук британцев; это подтвердил и генеральный секретарь МИД Италии С.Контарини в беседе с советским полпредом в Риме. Вот и ропуск в 1926 году русских «гвардейцев» произошел, как пишет все тот же С.Балмасов, «по «неофициальным» данным, [...] из-за интриг английского представителя в Тиране».

Кстати, помните, в какой стране на берегу Адриатического моря происходят события в классическом детективном фильме «Зло под солнцем» по одноименному детективу Агаты Кристи с Питером Устиновым в роли Эркюля Пуаро? В фильме страна названа «Тиранией». Учítывая, как зовется столица государства, о котором мы толкуем в этой статье, массовый зритель понял, что речь об Албании. То есть, Албания в Британии - на слуху. Ну, а до войны поляну себе там британцы расчищали для того, чтобы именно их инструкторы обучали новую албанскую жандармерию. В частности, в Тирану приехал такой английский инструктор, как капитан Дайрелл Оакли Хилл, который, конечно, тогда и думать не думал, на сколько лет Албания привязала его к себе...

Вскоре была война, и русским и англичанам предстояло пересечься в Албании вновь.

АЛБАНИЯ-АГРЕССОР?

Обычно мы считаем начало Второй мировой с 1 сентября 1939 года (нападение Гитлера на Польшу и объявление ему войны Британией и Францией), а историю советско-британского союза в войне - с июля 1941 года (после нападения Гитлера на СССР). Для албанцев календарь несколько иной. Начало войны - апрель 1939 года, когда их оккупировали итальянцы. Что же касается сентября 1939 года, то Албания его пропустила: ее тогдашние хозяева-итальянцы объявили войну Британии и Франции только в 1940 году.

Но что же сама Албания?

Ответ на этот вопрос - болезненно парадоксален. Суть в следующем. По причине того, что итальянский король Виктор Эммануэль III принял и албанскую корону, свое новое заморское владение фашисты в Риме назвали, тем не менее, «Королевством Албания». То есть, получалась вроде как самостоятельная единица. Но иллюзий ни у кого не было. Итальянцы включили албанский протекторат в один с собой таможенный союз, стали заселять Албанию колонистами с Апеннинского полуострова, окружили местных албанских чиновников итальянскими советниками-надсмотрщиками, объявили о том, что отныне Рим будет определять внешнюю политику Тираны. Когда же Италия объявила войну для начала Британии и Франции, «Корпоративный Совет Албанской Фашистской Партии» издал директиву, согласно которой «Королевство Албания считает себя в состоянии войны со всем нациями, с которыми находится Италия - сейчас или в будущем»³⁰.

В своего рода скобках замечу следующее. Конечно, в странах-союзницах по антигитлеровской коалиции это самое «Королевство Албания» никто самостоятельной единицей не почитал. Оно варилось в соку «Оси». Соответственно, какие-либо решения албанских властей (если таковыми можно считать «Корпоративный Совет Албанской Фашистской Партии») обладали легитимностью только в глазах Берлина, Рима и иже с ними. Но в их глазах в 1941 году Албания, получается, окажется в состоянии войны и с Советским Союзом...

К сожалению, это не только отвлеченные рассуждения. Больше того, среди граждан Албании, которые в составе итальянских экспедиционных сил выдвинулись в Россию, были и русские: те самые белогвардейцы. Например, как выяснил все тот же С.Балмасов, ротмистр Красенский, который с приходом итальянцев в Албанию перешел на их службу, дошел с ними до России, а, вернувшись с восточного фронта в Тирану, был назначен председателем Особого Военного Трибунала по борьбе с коммунистами³¹. Поручик Белевский за боевые отличия в составе 8-й итальян-

ской армии в России получил итальянскую Серебряную медаль. Вернувшись из России в Албанию после разгрома там итальянцев под Сталинградом, сражался в горах против коммунистов и был убит в одном из боев.

Было ли кому из албанцев на таком-то фоне объявить, что их народ состоит в войне со странами «Оси»? В теории, для этого нужно было альтернативное правительство, в изгнании, где-нибудь в Лондоне. Например, такая структура, какая была у французов во главе с де Голлем. Но у албанцев ситуация была другой.

В Албании ситуация была иной. Лидер повстанцев-коммунистов Энвер Ходжа вел войну с оккупантами, но государственным статусом еще не обладал. Он это вполне осознавал. Больше того, вполне открыто выражал опасения по поводу того, что где-нибудь будет создано албанское правительство в изгнании - с которым, получалось, ему еще пришлось бы выяснять, кто из них главный (как это было в случае с бесконечным «перетягиванием каната» между, например, Тито и бежавшим в Лондон югославским королем Петром³²).

Впрочем, такой албанский кабинет в эмиграции так и не возник. Во-первых, не будем забывать, как «красный епископ» Ноли отказал беглому королю Зогу в том, чтобы стать премьер-министром такого правительства, а больше авторитетных албанцев за границей не нашлось.

Но, во-вторых, поначалу и коммунисту Ходже, и потенциальному албанскому правительству за границей было тяжело тягаться с тем, что албанцам мог предложить Рим. А коварная хитрость итальянских фашистов состояла в следующем. За четверть века до этого они без зазрения совести делили Албанию на части в ходе тайных переговоров с Антантой в Лондоне. Но теперь посулили албанцам ту самую «Великую Албанию», в которую могли бы войти земли, заселенные этническими албанцами в - соседних странах.

В ГРЕЦИИ ЕСТЬ ВСЕ?

Овладев в 1939 году Албанией, в следующем году Муссолини вознамерился использовать ее, как плацдарм для завоевания еще и Греции, Эллады. Албанцам эту войну дуче подавал, как «освобождение» «их», албанской Чамерии, на которую мы уже смотрели с Корфу.

Впрочем, говоря вольным современным языком, этот потенциальный край «Великой Албании» албанцев как-то не «зажег». Общенационального и трансграничного единения не случилось. Когда состоявшие из албанцев вспомогательные части были привлечены к итальянскому вторжению в Грецию, то албанцы-диверсанты за линией фронта исчислялись единицами, а большинство солдат-албанцев дезертировали.

Тут, кстати, на нашем горизонте вновь появляется Спиро Моисиу, который в 1924 году смог организовать хоть какое-то сопротивление белогвардейцам. С возвращением во власть Ахмет-бея Зогу он не бежал из страны, а воспользовался амнистией, став одним из самых толковых офицеров новой албанской армии, которая с приходом итальянцев оказалась под их командованием. Насколько можно понять, с получением приказа о вторжении в Грецию, Моисиу сказал солдатам - расходиться. Итальянцы за это его судили и даже приговорили к смертной казни. Но ее он избежал, потому что в Риме опасались волнений - зная-то вечно мятежных албанцев. В следующий раз мы увидим...

А, вот, давайте не торопить события и останемся пока все-таки в 1940 год. В тот год из будущих европейских держав-победительниц во Второй мировой войне итальянское вторжение из Албании в Грецию пока интересовало только Британию, которая держала в Элладе контингент королевских ВВС. И надо сказать, что совместные действия греков и британцев оказались настолько успешными, что вместо того, что развивать наступление вглубь Эллады, Муссолини стал отступать. Куда? В Албанию!

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Важное отступление теперь предстоит и нам: отступление к обстоятельствам времени.

Итак, в 1940 году, на который пришлось вторжение Муссолини в Грецию, Советский Союз был, конечно, занят другими вопросами: Прибалтикой-Бессарабией-Буковиной. То есть, на первый взгляд, все эти итало-албанско-греческие дела - фронт не просто забытый, а какой-то даже безотносительный.

Тем не менее, важно помнить: видя провал войны против Греции, затеянной с Муссолини, помощь союзнику решает оказать Гитлер. Когда решает? Итак, греческое контрнаступление на итальянцев происходило с 13 ноября 1940 года по 7 апреля 1941 года. А ранним утром 6 апреля 1941 года немцы бомбят Белград. Нанеся этот «вспомогательный» удар, через Югославию Гитлер входит в Грецию по суше, а 20 мая сбрасывает парашютный десант на греческий остров Крит.

Вдумаемся в перечисление дат! Если думать категориями не Балкан, а всей Европы, думать стратегически, то Гитлер отвлекает на эту кампанию часть сил, которые по плану «Барбаросса», предназначались для нападения на СССР. Как следствие, вторжение в Советский Союз было отложено на несколько недель. А теперь представим, что произошло бы, если немцы подошли к Москве не осенью, а летом?... Как видится, это - никакое не «сослагательное наклонение» из серии «если бы да кабы». Никак не умаляя героизм защитников Москвы, согласимся, что на стороне обороняющейся Красной армии осенью оказалось и то, что раскисли дороги. А дальше ударили морозы.

Естественно, весной 1941 года немцев на Балканах задержало недолгое, но стойкое сопротивление сербов. Но прологом к германскому вторжению в Югославию и, соответственно, прологом к задержке с нападением на Советский Союз были все-таки неудачи Муссолини в Греции. И что касается албанского фактора на том забытом фронте, то он не ограничился тем, что Спиро Моисиу приказал своим солдатам расходиться по домам.

Дело в том, что в апреле 1941 года британцы отправили к албанцам первую диверсионную группу. Возглавил операцию тот самый капитан Дайрелл Оакли Хилл, который, когда Албания еще была относительно самостоятельной, был в Тиране инструктором албанской жандармерии и знал о стране не понаслышке. Зброшены же (из Югославии через Косово) были «несколько дюжин албанцев». Из тех, чье имя потом будет всячески склонять коммунистический вождь Энвер Ходжа, в группу входил сторонник свергнутого итальянцами короля Зогу, которого звали Абаз Купи. Тот самый, кто в 1939 году оказал хоть какое-то сопротивление при высадке в Албании итальянцев.

Не будем ничего преувеличивать. Тем не менее, те часы, которые группа SOE провела в Албании в 1941 году, должны быть вписаны в хронику событий в канун Великой Отечественной войны.

«СЕКТА»

Успешной миссию капитана Оакли Хилла назвать нельзя: он сдался немцам и потом еще долго сидел в лагерь для военнопленных. И все же факт есть факт: именно с Албании начинается история попыток разжечь партизанскую войну в тылу врага по линии той очень интересной британской спецслужбы, которая просуществовала всего-то с 1940 по 1946 год, но чьи документы толком стали рассекречивать только в последнюю пару десятилетий.

Короткая предыстория. Итак, до падения Югославии и Греции оставался еще год, но весной-летом 1940 года все шло к первой катастрофе: на пороге Британии, в зоне прямой видимости с белых утесов на берегу Ла-Манша пала Франция. Перед британцами встала задача организации сопротивления уже не только на фронтах, но и в тылу врага: и на земле, и в головах. Речь шла о том, чтобы объединить три разрозненных и дублировавших друг друга секретных подразделения. В лондонском «Электра-Хаус» («Electric House», ЕН) уже работал Департамент «ЕН», созданный после аншлюса Австрии в 1938 году с целью ведения пропа-

ганды. В свою очередь, британская внешняя разведка МИ-6 создала Секцию «D» с целью исследования возможностей саботажа и пропаганды, а военное министерство - службу, призванную исследовать возможности партизанской войны. Параллельно с этим существовал и «сервис», занимавшийся вывозом из оккупированной Европы VIP-персон. Кстати сказать, по некоторым сведениям, именно эта британская служба эвакуировала с континента экс-короля Албании, который оказался в Париже, когда к нему подошли немцы.

Именно на том отрезке премьер-министр Чемберлен задумал, а его сменщик Черчилль осуществил идею о том, чтобы объединить в одну общую службу подразделения, которые могли бы осуществлять в тылу врага - нечто эдакое. По свидетельству очевидцев, задачу новой объединенной службы Черчилль сформулировал очень кратко, но и очень емко: «А теперь подожгите Европу!»³³

...Когда в 1941 году дело дошло до сотрудничества этой службы с советской разведкой, то в НКВД/НКГБ эту британскую структуру стали называть «Секта»³⁴. Однако же, официальное название в Лондоне - Special Operations Executive (SOE). Влили эту службу в Министерство экономической борьбы, а в основу военной философии SOE была положена модель Ирландской республиканской армии: нанести удар и раствориться. Еще это называется террор. Например, брошенные именно SOE в оккупированную Чехословакию агенты разделились с «пражским мясником» Рейнхардом Гейдрихом. Кроме Албании и Чехословакии SOE проводила операции в Австрии, Бельгии, Германии, Греции, Испании, Италии, Нидерландах, Норвегии, Португалии, Франции, Швеции, а вне Европы - в Афганистане, а также на Западе и Севере Африки.

Из рассекреченной британской межведомственной корреспонденции следует, что не все ведомства в Лондоне были все-таки непременно счастливы появлению нового соседа. Так, иной раз руководство SOE только с большим трудом выбивало у лаборантов МИ-6 нужные агентам поддельные документы. Большой про-

блемой был и вечный дефицит бомбардировщиков Королевских ВВС для заброски агентов в оккупированную нацистами Европу.

Что касается политических вопросов, то они, конечно, согласовывались с Форин-офисом. В то же время стоит отметить, что, например, албанская секция SOE не только поджигала, взрывала и т. п. Еще она занималась анализом политической обстановки. Вот, и руководитель миссии связи SOE в Москве полковник (потом бригадир) Джордж А.Хилл явно брал на себя и военно-дипломатические функции. В своих дневниках он не раз описывает не только свои мысли, но и свое, минимум, зондирование в том числе политических аспектов стратегии СССР в отношении Польши и интересующих нас здесь Балкан.

Но, кстати сказать, как ни ищи, Албании нет в согласованных еще 30 сентября 1941 года общих документах «Секты» и НКВД. Точнее, в теории она входила в британскую зону ответственности. В «Записи о том, на чем согласились советские и британские представители в своих беседах по вопросу о подрывной работе против Германии и ее союзников» было записано, что НКВД занимается Румынией, Болгарией и Финляндией, а британцы отвечают за «Западную Европу от Испании до Норвегии, Грецию»³⁵. По идее, Албания - где-то там. Но в весьма подробном «Предварительном плане общей линии поведения в подрывной работе для руководства советской и британской секций связи», где шла детальная разбивка, Албании нет. То есть, получается, либо про эту страну советские и британские спецслужбисты забыли (скорее всего), либо с самого начала имелось в виду, что в этой части Балкан Москва и Лондон будут каждый действовать по своему усмотрению.

Так, в принципе, оно и получилось.

Но опять же: не будем опережать события.

ПРЕЛЮДИЯ К РАЗДЕЛУ БАЛКАН

Итак, в апреле 1939 года Муссолини отвоевывает Албанию, а летом 1941 года Греция разделена на зоны оккупации между

(в алфавитном порядке): Болгарией (да-да, не будем забывать и о таком государстве-агрессоре времен Второй мировой войны!), Германией и Италией.

Но где же в этом списке пусть и марионеточное, но вроде как отдельное «Королевство Албания», которому была обещана греческая Чамерия?! Не было Албании и в этом списке!

Помните, что мы говорили, что с греческой стороны Чамерии есть албанское этническое меньшинство, так и с албанской - греческое? Когда дело еще не дошло до прихода немцев и, успешно контратакуя, греческая армия вошла в Албанию, то ее приветствовали те самые населяющие албанский юг этнические греки. В Риме поняли, что, если отдадут всю Чамерию «Королевству Албании», то сами же сконструируют у себя в тылу дополнительный межэтнический конфликт. Соответственно, когда все-таки наступил перелом, и немцы помогли итальянцам покорить Грецию, то Чамерия вошла в зону «просто» оккупации Италии в Элладе, а сегодня благополучно остается в составе Греческой Республики.

Но это не значит, что идея «Великой Албании» была положена на полку. Так уж устроены Балканы, что у тех, кто хочет их растормошить и разделить, всегда хватает других ежесекундных поводов и многовековых козырей. Косово! Еще в 1939 году все тот же граф Чиано говорил: «Косовары - это 850.000 албанцев, сильные телом, крепкие духом и испытывающие энтузиазм по поводу идеи Союза с Родиной [...] Это станет ножом в спину Югославии»³⁶.

«ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ». **ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ**

Сегодня бывшая Югославия и примыкающая к ней Албания - тем более набор отдельно взятых государств. При этом Босния - по сути, конфедерация, где до сих пор сохраняются элементы внешнего управления (верховным арбитром между Республи-

кой Сербской и мусульманско-хорватской Федерацией совершенно официально считается представитель ЕС). Сербия - еще и с косовской проблемой. В один момент настоящие бои со своими албанцами вела и Македония. По терминологии Евросоюза, весь этот конгломерат - «Западные Балканы». Ну, можно и так сказать.

По моим наблюдениям, дело, впрочем, не в терминах, а в самоощущении.

Не Албания, но некоторые страны бывшей Югославии - все еще воспринимают себя и друг другу как что ли отдельную лигу. Может, все это - уже не более, чем остаточные явления. Но я никогда не забуду, как приехав впервые в Боснию и Герцеговину, на «ресепшне» моей гостиницы в центре Сараево с удивлением обнаружил удивительную конструкцию. Как и во многих международных отелях, там стояли флажки тех стран, чьи граждане здесь когда-либо останавливались. Учитывая, что боснийской проблемой занимались всем миром, коллекция флажков - солидная. И все же флажки стран бывшей Югославии - на отдельной полочке. И так это в Сараево - не на восточной сербской, а на западной мусульманско-хорватской стороне, где, по идее, бывшее единство вокруг Сербии должны пытаться стереть из памяти.

Это же касается и памяти югославского маршала-президента Тито. Казалось бы, коммунист и все такое прочее. Однако же, я встречал площади его имени не только в Сербии и Боснии, но и в, наверное, самой буржуазной части Хорватии: в городе Ровинь на полуострове Истрия³⁷.

Из, скажем так, бытовых примет запомнился стенд с дисками с музыкой на автозаправке на границе Боснии и Хорватии. Он был забит произведениями исполнителей, о которых никто слыхом не слыхивал за пределами бывшей Югославии. Но для боснийцев и хорватов это - общие кумиры (пусть даже на границе Хорватии теперь стоит пафосный указатель, означающий въезд в Европейский Союз, и, по идее, Хорватия и Босния принадлежат к двум разным мирам).

Что касается столь близкой России Сербии, то мне, как я считаю, по-журналистски повезло: там на Балканах я бывал чаще и больше всего и с начала XXI века я встречался почти со всеми ее руководителями. Особенно запомнилась встреча с президентом Александром Вучичем. Принимая меня в президентской библиотеке в Белграде, он поделился, на мой взгляд, интересным сообщением.

Итак, речь ни о какой не о «новой Югославии». Но речь о том, что страны «Западных Балкан», которым пока еще равно говорить о членстве в ЕС, могли бы подумать о создании - между собой! - зоны свободной торговли³⁸. А ведь в таком общем экономическом пространстве можно было бы увидеть не только славян и не только албанцев-албанцев, но и албанцев-косоваров. Какая в данном случае разница, кто кого признает, а кто кого нет?! Главное - торговля, экономика.

Конечно, для кого-то и это - анафема. И понятно, почему. Например, албанцам на память приходит идея Тито и Димитрова о создании Балканской коммунистической федерации. Югославский деятель Милован Джилас сообщал позже о фразе, произнесенной Сталиным в беседе с ним 9 января 1948 года: «Мы согласны, чтобы Югославия проглотила Албанию». Звучит, конечно, ужасно. Но не будем забывать, что в знаменателе того проекта стоял не только марксизм-ленинизм, но и попытка решить ту самую косовскую проблему: если бы Югославия и Албания оказались в одном государстве, то принадлежность косовского края переставала бы быть проблемой, способной привести к радикальным следствиям для судеб не только Балкан, а всей Европы (что не преминуло произойти в 1999 г.)

Продолжу еще от себя. Общая экономическая зона Западных Балкан могла бы, в свою очередь, заключить соглашения о свободной торговле и с Европейским Союзом, и с Евразийским. При этом, неудачный опыт «сосания двух маток» в случае в Украиной при позднем Януковиче не в счет. Точнее, имея в виду тогдашние ошибки, на новом этапе их как раз можно было бы избежать. В конце концов, неприсоединение к антироссийским санкциям не

только Сербии, но и Боснии с Македонией - тоже опыт. А почему бы им вместе не стать тем самым «мостом» между Западом и Востоком Европы? Сербия уже заключила соглашение о свободной торговле с ЕАЭС.

Но это - так, лирика. Да, и не мне решать. Вернемся к тому, о чем мы говорили до этого: к «Великой Албании».

ВАРИАНТЫ БАЛКАНСКИХ ГРАНИЦ

Хотя иные пытаются представить дуче Муссолини более мягким, чем фюрер Гитлер, не будем забывать о фразе, сказанной дуче еще в 1922 г. во время визита в Пулу, в Истрии. Там, конечно, еще с римских времен стоит величественный Колизей. Но там давно уже живут славяне (хорваты). Глядя на них, Муссолини назвал их «низшими и варварскими» и заявлял, что «легко пожертвовать полумиллионом варварами ради полтысячи итальянцев»³⁹.

Тем не менее, из всех народов-соучредителей довоенного Королевства сербов, хорватов и словенцев (то есть, Югославии) хоть какая-то «государственность», по мнению оккупантов, полагалась только хорватам-католикам. Впрочем, и их «Независимое государство Хорватии» итальянцы попросили поделиться территорией, аннексировав Дубровник. Много ли об этом сейчас знает туристов?!

Дубровником итальянцы «прижали» не менее популярную сейчас у туристов Черногорию⁴⁰.

Также клиентам дуче достались, во-первых, еще два внутренних района Черногории, во-вторых, солидный кусок Сербии, в-третьих, знатный ломоть нынешней Северной Македонии (ее итальянцы разделили с болгарам, чьи цари, в свою очередь, считали македонцев ветвью своего народа).

Ну, и, конечно, Косово. Оно не просто вошло в «Великую Албанию». Оттуда тогда были депортированы десятки тысяч славян-сербов и черногорцев, переселившихся в край в межвоенный период. Кстати, именно тогда впервые была реализована идея о расчленении косовского края⁴¹. В доставшемся ему секторе Мус-

солини потакал косоварам и тем, что разрешил восстановить образование на албанском.

Естественно, национальному самолюбию албанцев все это льстило. Больше того, именно в косовской части «Великой Албании» набирали 21-ю горно-пехотную албанскую дивизию СС «Скандербег». Униформа - как у остальных частей СС, но с белыми фесками. Уничтожали - сербов и евреев. Против югославских партизан албанцы воевали и в составе 13-й горной дивизии СС «Ханджар», изначально составленной из бошняков-мусульман.

Естественно, это добавляло головной боли албанцам-коммунистам. Так, Энвер Ходжа был вынужден составить отдельное письмо «Об отношении к македонскому национальному меньшинству». 24 сентября 1943 года он писал: «Не следует совсем касаться вопроса о границах [...] Мы знаем, что вопрос о границах - очень сложный вопрос, который будет разрешен позднее; с другой стороны, известно, что мы против фашистского разделения границ и стоим за самоопределение народов»⁴². При этом Ходжа признавал, что сделать это будет возможно только тогда, когда окрепнут «наши позиции, как и позиции наших югославских товарищей в Косове, Метохии и Македонии»⁴³.

Обратили внимание на падежное управление?! В данном конкретном случае переводчики в Тиране написали «в Косове», что с точки зрения падежного управления - универсально. Но во многих других случаях видно: они склоняют это слово, отталкиваясь не от сербского «Косово», а от албанского написания «Косова»⁴⁴. То есть, даже и учредив свою компартию при непосредственном содействии югославов, даже и не принимая националистическую концепцию «Великой Албании», албанские коммунисты-интернационалисты оставались - албанцами.

Но все-таки были, были такие албанцы, кто не принимал иноземный протекторат-оккупацию. Собственно, вера в итальянцев скоро заколебалась и у радикал-националов. Сначала итальянцев потрепала Британская империя: когда выбила их из Абиссинии, Сомали и Ливии. В начале 1943 года ох, как несладко, пришлось

итальянцам в России: Красная армия утерла нос 8-й итальянской армии в Сталинграде⁴⁵. Ну, а к середине того года англо-американские союзники высадились сначала на Сицилии, а потом и на самом Апеннинском полуострове. На Балканах итальянцев полностью заменили немцы.

Реорганизацией албанского фашистского движения занялся лично глава СД Эрнст Кальтенбруннер. Заодно немцы захватили золотой запас Национального банка Албании и переправили его в Германию.

Борьба албанских партизан вступала в новый этап.

НАШ АЛБАНЕЦ

Как мы уже выяснили, в ноябре 1941 года в Албании была образована компартия, которая практически немедленно стала обрастать политической мускулатурой. Ее лидер, молодой и харизматичный Энвер Ходжа, явно оказался хорошим организатором.

Уже 16 сентября 1942 года на конференции в албанской Пезе был учрежден Национально-освободительный фронт, ставший основой для развертывания массового партизанского движения⁴⁶.

В марте 1943 года, на 1-й Всеалбанской конференции КПА в г. Лябиноте, был принят курс на всенародное восстание - в том числе, конечно, на фоне того, какие масштабы приобрело партизанское движение в соседней Югославии. К концу войны, Албания имела 30 бригад, 10 дивизий и два армейских корпуса. Для страны с населением чуть больше полтора миллиона это очень большие силы.

...Когда дело дошло до Победы, и из Тираны в Москву стали массово отправлять на учебу студентов, то не все справились с, как говорится, «огнями большого города». Например, в середине 50-х несколько молодых албанцев попались в Москве на увлечении современной музыкой, модой и западными прическами. Пишущий об этом Э.Мехилли явно видел соответствующие документы, но, похоже, не знаком с тогдашними советскими реалиями. Очевидно, имелось в виду вредное влияние на албанских студентов «стиляг». Без улыбки не обойдешься. Хотя тем юношам и девушкам было, наверное, не до смеха.

И уж точно албанцам-студентам советских вузов было не до улыбок, когда Энвер Ходжа рассорился с Никитой Хрущевым, и всем было приказано возвращаться из Москвы в Тирану. Одним из таких молодых людей был тот самый Яны Кичо Люфи, чьи слова вынесены в эпиграф ко всей этой статье: молодой албанский курсант.

Что о нем известно? Уроженец села Софратик на юге Албании. Вот, как начинался разговор, записанный с ним по моей просьбе силами ГТРК «Кубань» (наш герой живет в Краснодаре):

- Я, будучи подростком, 14-15 лет, примкнул к одному из партизанских отрядов, а потом этот партизанский отряд превратился в бригаду: 19-ая ударная партизанская бригада. В ней я участвовал в боях за освобождение Албании.

- Как получилось, что Албания стала единственной страной Восточной Европы, которая смогла себя освободить?

- Ну, Албания вообще во все века всегда была с Россией. И в Первой мировой войне, и во Второй мировой войне. В отличие от соседей - болгар и хорватов. Они всегда почему-то, хотя и славяне, воевали вместе с врагами России. Албанцы народ простой и славный такой исторически. Он противостоял многим силам враждебным. Но в этой великой войне, во Второй мировой, албанцы откликнулись с самого начала, как началась война против Советского Союза.

- Что вы о знали об этом?

- У нас в каждом отряде было радио. И политработники каждый день, как позволяла обстановка, когда не было боевых дей-

ствий, рассказывали нам, что происходит на восточном фронте. Мы знали и радовались, когда Красная армия разгромила пять фашистских армий под Сталинградом⁴⁷. Это для нас был огромный праздник. Мы поняли, что мы побеждаем, что вот-вот придет к нам Победа.

Впрочем, радиовещание на Албанию на албанском языке было налажено не ранее 23 августа 1944 года, когда соответствующее предложение Димитрова было одобрено Молотовым⁴⁸. Но благо в среде албанских коммунистов хватало тех, кто до войны работал и учился в Москве (тот же Ходжа), еще и в 1942 года партизаны оперативно узнавали новости из СССР, слушая передачи на русском. А в декабре 1942 года советское правительство выступило с декларацией «О независимости Албании», в которой говорилось: «Борьба албанского народа за свою независимость сольется с освободительной борьбой других угнетаемых итало-германскими оккупантами балканских народов, которые в союзе со всеми свободолюбивыми странами изгоняют захватчиков со своей земли. Вопрос о будущем государственном строе Албании является ее внутренним делом и должен быть решен самим албанским народом»⁴⁹.

Крайне интересная деталь. Как следует из архива Молотова, 7 декабря 1942 года о предстоящем советском заявлении по поводу Албании было уведомяено правительство США. Уведомлено британцами⁵⁰, которые, получается, были проинформированы об этом Москвой.

Этот англо-американо-советский треугольник мы еще разберем отдельно, а пока вернемся к нашему собеседнику-албанцу, ставшему советским генерал-майором.

Он, конечно, был тем, кто в «стиляги» не пошел бы никогда и никак. Сегодня он известен, как автор книги «От албанского партизана до советского генерала», в которой рассказывает, как после войны остался в албанской армии и, будучи начальником почетного караула, встречал, в том числе маршала Жукова. В октябре 1959 года был зачислен слушателем Военной академии им. М.В.Фрунзе в Москве, где его и застала «схизма». Слово ему самому:

- Я был не согласен с политикой албанского руководства. И за это меня стали преследовать. И я стал искать поддержку у советской власти, власти академии. Мне такую поддержку оказали. После того, как я закончил учебу в Академии имени Фрунзе, мне нельзя было вернуться, потому что меня ждали очень тяжелые последствия. Мне предложили остаться в Советской армии. И я это с величайшим удовольствием принял и прошел путь от командира мотострелкового батальона до начальника штаба армейского корпуса.

- А во время войны Вы видели советских военных в Албании?

- Да. При Генеральном штабе Национально-освободительной армии Албании была советская миссия.

- Какая была роль была у Ходжи?

- Незначительная. Он был комиссаром, политработником, секретарем коммунистической партии. И он занимался вопросами партийными. Конечно, он работал, способствовал к увеличению количества партизанских отрядов. В этом да. Но роль, как военного человека... Был другой человек. Это был генерал Спиро Моисиу...

СПИРАЛИ СПИРО

Вот, почему во всем объемном томе сочинений Ходжи периода Второй мировой этот человек, Спиро Моисиу, упоминается всего один раз! А ведь это - тот самый, кто в 1924 году оказал сопротивление наемникам-белогвардейцам, и тот самый, кто в 1940 году призвал албанских солдат не воевать за итальянцев.

В 1943 году Ходжа позвал его в начальники Генерального штаба, как человека, который «при разных правительствах оставался верным Родине и флагу»⁵¹. По данным албанского издания «Панорама», именно вместе с Моисиу Ходжа принимал немецкого переговорщика Артура Торрасини, предлагавшего албанским коммунистам вхождение во власть при условии того, что они прекратят вооруженную борьбу. Албанцы на это сказали, что считают нем-

цев оккупантами, ни на какое сотрудничество не пойдут, а вскоре изгнали немцев из своей страны.

По окончании войны Моисиу успел заложить практику отправки молодых албанских военных на учебу в СССР. Одним из таких военных и был наш собеседник. Вот, конечно, почему еще он отзывается о Моисиу так тепло. Для понимания: уже в 1946 году Ходжа отстранил Моисиу от должности.

Вообще, Ходжа с самого начала явно был настроен на то, чтобы ни с кем властью не делиться. Первые намеки на «чистки» в рядах албанских коммунистов приходится еще на годы войны. Но еще, конечно, Ходже надо было победить своих конкурентов из числа антикоммунистов. А партизаны в Албании были разные. И связь с ними устанавливали разные державы.

ИСТОРИЯ КЛЕРКА-ОЧКАРИКА

...Уже в этом веке престарелый англичанин Оливер Чишолм неожиданно получил от родственников коробку, в которой, как оказывается многие десятилетия хранились дневники его отца, скончавшегося еще в 1964 году. Как до этого думал сын, его отец

Брюс Чишлом был скромным торговцем рыбой, бакалейщиком, продавцом цветов в графстве Дорсет. Вершина карьеры - управляющий в пабе. Но, как выяснилось из дневников (чью аутентичность удалось проверить по документам), в годы войны Брюс Чишлом - участник британской операции «Водораздел» в горах Албании, где он пережил жесточайшие испытания.

Достаточно сказать, что в один момент Брюс даже рассматривал такую «опцию», как... каннибализм. Дело было так. Будучи парашютированным в Албанию с британского бомбардировщика «Галифакс» 16 октября 1943 года, его группа (в которую, насколько можно понять, входили и британцы, и итальянцы; всего тринадцать человек) оказалась сразу меж нескольких огней: с одной стороны наступали немцы, с другой шли бои между разными фракциями албанцев. Группа разделилась. За четыре дня до Рождества та подгруппа, в которой оказался Брюс, съела последнего мула, а в сочельник на их лагерь напали немцы. Под огнем Брюс спрятался в голых, но плотных зарослях ежевики, а наутро обнаружил в лагере тела своих товарищей, которых убили немцы. «Там лежало тело одного итальянца с остекленевшими глазами; на нем не оставалось никакой одежды кроме одного носка. Я смотрел на него, и в один ужасный момент мне пришла идея о нем, как о еде, но мой желудок восстал»⁵².

В последующие дни Брюс питался грецкими орехами. Потом ему удалось поймать козла. Точнее, сначала козел вырвался, но потом Брюс его все-таки зарезал и сначала напился его кровью, таким образом вернув себе силы. Потом разделал тушу.

В горах Брюс обнаружил сарайчик, в котором прятались партизаны. Они помогли найти ему ту подгруппу, с которой они разделились. Но тут их опять обнаружили немцы. Британцы бросились бежать, но им было не пробиться через метровый снег. Всех спутников Брюса перестреляли. Но он сам смог уйти. С тем, чтобы вскоре выйти на албанских горцев, которые его ограбили и взяли в плен. Решив, что горцы сдадут его немцам, Брюс решил бежать во время посещения туалета.

Тот представлял собой балкон с дыркой, висевший над ямой с фекалиями. Брюс раздвинул доски и спрыгнул вниз. Он смог оттуда вылезти, бежал в горы, где его подобрала сердобольная семья, про которую он сначала подумал, что и они его хотят ограбить: мужчина снял с него его обувь. Потом выяснилось, что в той обуви албанец ушел в сторону, оставляя следы, по которым могли найти Брюса.

Но в чем же была задача его группы? Почему его, тогда 22-летнего долговязого очкарика, забросили в Албанию не только с оружием, но и с пишущей машинкой «Оливетти»? И почему же Э.Ходжа написал про англичан так, как написал? А ведь в отношении британцев в его творчестве проскальзывают мотивы не только общеполитические⁵³, но и весьма приземленные.

Из «Письма Гирокастринскому областному комитету КПА в связи с позицией, которую следует занять по отношению к английским военным миссиям» от 16 августа 1943 года:

«К вам приедет английский майор, назначенный в округ Гирокастры. Эти люди приезжают по своим надобностям, но, конечно, и для того, чтобы совать нос в наши внутренние дела. Обещания в отношении оружия и денег они сдерживать не собираются. Они будут стараться расспрашивать каждого встречного, любого партизана, любого командира отряда, делать из этого соответствующие выводы и таким образом вмешиваться в дела нашей армии и нашего движения. К ним нужно прикрепить нескольких надежных товарищей, которые везде будут сопровождать их, не допуская, чтобы они встречались с теми людьми, с которыми, по вашему мнению, им не следует встречаться. Как можно меньше сведений о наших внутренних делах!»⁵⁴

Что же это были за англичане такие? Так ведь Брюс Чишолм работал на ту самую службу SOE, которая еще в 1941 году пыталась разжечь в Албании партизанскую войну с помощью не коммунистов! А печатная машинка ему нужна была для того, чтобы вести протоколы бесед своего командира на предмет создания альянса албанских партизан с Лондоном.

Брюс Чииолм в Албании

Да, операция «Водораздел», в которой принимал участие этот сержант, обернулась там, что оставшимся в живых британцам надо было уносить ноги. Но в 1943-1944 годах, месяц за месяцем число этих операций все увеличивалось. В литературе мелькают, в частности, такие позывные (в переводе на русский): «Бернард», «Кэмерон», «Консенсус», «Консенсус II», «Фигура», «Стрелок», «Примус», «Деревце», «Бра», «Скульптор», «Стройный», «Водосброс», «На замужня», «Конюшни», «Мачеха», «Позвонки». Немало! Одновременно с декабря 1943 года по март 1944 года в Албании находилась группа американской разведки OSS, которая проводила операцию «Танк».

И хочешь не хочешь, но сравниваешь даты. Активизация американцев и британцев на албанском направлении началась

после того, как 18 декабря 1942 года, декларацию по Албании выпустило правительство Советского Союза. А уже знакомый нам глава миссии SOE в СССР бригадир Хилл не скрывал своего беспокойства: «Советское правительство, возможно, разработало (а наше правительство точно нет) долгосрочную стратегию на после того, когда Гитлер будет повержен. Чего НКВД и НКВД хотят - так это с нашей помощью внедрить своих агентов [...] на Балканы [...] для создания коммунистических ячеек, чтобы утвердить коммунистическое доминирование, когда созреет время».

ЛОГИСТИКА И ПОЛИТИКА

Английский исследователь истории операций SOE в Албании Родерик Бэйли пишет, что в основе решения об отправке в страну первой после долгого перерыва (в апреле 1943 г.) группы с, пожалуй, говорящим названием «Консенсус» лежали «сообщения о растущем сопротивлении местных итальянской оккупации, желание поддержать это, как средство ускорения коллапса Италии и *отвлечения немецких ресурсов от восточного фронта* (курсив мой - С.Б.)»

Как видится, это не противоречит тому, что записал в своем дневнике бригадир Хилл. С самого начала советско-британское сотрудничество не отличалось теплотой и доверительностью, но враг у Москвы и Лондона все-таки был общий.

Группа «Консенсус» была не столько боевой, сколько, если угодно, аналитической. Состоявшая всего из четырех человек, она, тем не менее, включала военных в серьезных званиях: подполковник Билли Маклин и майор Дэвид Смайли.

В их задачу входила оценка положения дел «на земле». Уже в июне 1943 года группа вышла на Энверу Ходжу, который получил от британцев 20 тонн самых разных грузов. Однако, до лета 1944 года SOE исходила из директивы, утвержденной Форин-офисом, о «финансовом и материальном содействии *всем* (курсив мой - С.Б.)

Сайли с албанскими партизанами

партизанам вне зависимости от их политических предпочтений». Такой же подход был продублирован в документах военных.

Оценивая период 1943-1944 года, советские историки называли его «своеобразным». Цитата: «Английская военная миссия, прибывшая в Албанию, снабжала оружием, снаряжением и продовольствием правые националистические организации «Балли Комбетар» и «Легалитет», а также группы Мухаррема Байрактари и Фикри Дине, которые открыто сотрудничали с немецко-фашистскими оккупантами»⁵⁵. И еще: «Сотрудники военных американских и английских миссий путем грубого давления и шантажа пытались заставить Национально-освободительный фронт признать «партизан» из «Балли» и «Легалитета» в качестве представителей севера»⁵⁶.

На британской стороне сотрудничеству с «Легалитетом» была посвящена вышедшая сразу после войны книга капитана Джулиана Эймери. Вместе с упомянутыми выше британскими офицерами в апреле 1944 года он был отправлен в Ал-

банию в составе группы «Консенсус II». Ключевым партнером этой группы был Абаз Купи, сторонник короля Зогу. Это - тот самый человек, кто в 1939 году оказал хоть какое-то сопротивление итальянцам при их высадке в порте Дуррес, а в 1941 году участвовал еще в самой первой операции SOE. Историк Р.Бэйли считает, что «его личная репутация человека, укрепившаяся после того, как он сопротивлялся итальянскому вторжению и его ассоциация с усилиями SOE в 1941 году сделала его одним из не коммунистических членов совета Национально-освободительного фронта».

Но в комментариях к сочинениям Ходжи албанские редакторы-коммунисты писали, что Купи принял программу фронта лишь «для отвода глаз». Сам Ходжа в речи по случаю дня независимости назвал Купи не иначе, как «предатель».

Что было на самом деле? Британцы признают, что, создав группу монархическую «Легалитет», в конце 1943 года Купи перестал воевать с оккупантами и вступил в переговоры с антимонархической, но и антикоммунистической группировкой «Балли Комбетар». При этом в Британии признается, что а) офицеры SOE общались и с ней; впрочем, как ни странно, также поступали и коммунисты⁵⁷ и б) во имя противодействию коммунистам «националисты сползали к открытому сотрудничеству с немцами, которые были только очень рады подтолкнуть дело к гражданской войне»⁵⁸.

Но Ходжа умел жонглировать словами. В 1944 году в своем письме англо-американским союзникам он писал: «Имеем честь сообщить вам следующее: в Албании нет внутренних распрей и тем более гражданской войны. Существует один вид распрей, один вид войны: война против захватчиков, в первую очередь, и против их приспешников - предателей родины». Больше того, Ходжа продвигал ту точку зрения, что, сотрудничая с немцами, националисты действуют «и против союзников»⁵⁹.

Р.Бэйли отмечает, что в течение мая-июня 1944 года британская группа «Консенсус II» работала над тем, чтобы заставить Абаза Купи «слезть с забора» и атаковать немцев. Ему действи-

тельно надо было спешить, подтверждать политическую состоятельность своего лагеря. Дело в том, что еще 24 мая 1944 года. Первый антифашистский национально-освободительный конгресс запретил королю Зогу возвращаться на Родину. Наконец, 21-22 июня 1944 года британский капитан Смайли и люди Купи провели операцию по подрыву важного моста на дороге к северу от Тираны. Но было уже поздно.

30 июня Ходжа перешел в наступление на националистов. А 7 июля 1944 года на чрезвычайное заседание собрался Президиум Национально-освободительного совета, который отверг требования штаба союзных войск в бассейне Средиземного моря о прекращении враждебных действий против националистов. Цитата: «Мы ценим должным образом помощь союзников военными материалами и считаем ее необходимой для нашей борьбы. Мы не думаем, что нам будет прекращена поставка оружия и тем самым оказано препятствие нашей справедливой борьбе против немцев из-за того, что мы воюем против Абаза Купи»⁶⁰.

С чего это Ходжа позволял себе так отмахиваться от англо-американских союзников?

НОВЫЕ БОЛГАРЫ?

...Наиболее подробное описание того, как планировались операции Красной армии на Балканах - в мемуарах генерала армии Сергея Матвеевича Штеменко⁶¹. Он пишет о том, как в начале сентября 1944 года советские войска были восторженно встречены народом Болгарии (после чего болгарская армия, побывавшая до этого в агрессорах, перешла в освободители), как после этого Тито и Сталину обсуждали временное вступление Красной армии и на югославскую территорию, как планировалось, чтобы после того, как врагу останется единственный путь отхода из Албании и Греции (через Черногорию и Санджак на Сараево) именно Красная армия овладела бы столицей Боснии.

Но эти планы не были осуществлены: «Вопрос о перехвате путей отхода противника решили по третьему варианту: путем совместных операций югославских и болгарских войск в районе Приштина». И далее: «Спустя несколько дней части 2-й болгарской армии совместно с 22-й югославской пехотной дивизией освободили Митровицу».

То есть, получается, о прямом соприкосновении советских военных и партизан из Албании говорить не приходится?!

И да, и нет.

«АВИАМОСТ» ИТАЛИЯ-АЛБАНИЯ

17 июня 1944 года Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление «О создании в Бари (Италия) базы и авиагруппы по транспортировке военных грузов в Югославию». Официальное название - Авиационная Группа Особого Назначения. Сокращенно - АГОН.

То была первая (и единственная) авиабаза СССР на Западе. А ее самолеты прилетели на место назначения намного раньше, чем вышло постановление ГКО: еще 23 февраля 1944 года самолеты были переброшены в Бари так называемым «южным» и очень кружным маршрутом Астрахань - Баку - Тегеран - Багдад - Каир - Триполи - Тунис - Бари. Командиром базы был определен С.В.Соколов из Разведуправления Генштаба РККА.

Но, на самом деле, отправлять самолеты ему предстояло не только в Югославию, но и в Грецию, и в интересующую нас Албанию.

Тем не менее, даже обладая такой инфраструктурой, еще несколько недель Советский Союз операции в Албании активизировать не спешил. Впервые в хронике АГОН Албания возникла лишь 11 июля 1944 года. В тот день экипаж летчика Гиренко должен был взять курс на площадку Казанчич в Югославии, взяв на борт трех югославских парашютистов с ракетой. Их полет шел как раз над Албанией. Впрочем, в тот день это был лишь транзит и без приземления.

Как уточнили автору этих строк в Центре общественных связей ФСБ, судоплатовское управление свою деятельность на Албанию не распространила. То есть, по этой стране в тот период работали не чекисты, а военные разведчики. Но именно ими была создана система радиосвязи на Балканах, охватившая обширный регион, включавший Югославию, Албанию, Грецию, Румынию и Италию. В систему связи входили 14 корреспондентов/радиоточек. Главный радиоузел с условным названием «Пурга» был развернут при начальнике советской военной миссии при штабе Тито в городе Дрвар. Это - Босния. Радиоузел «Гроза-1» - в итальянском Бари. А «на земле» радиоточки работали в том числе и в Албании: «Яхта» и «Север» (радисты А.И.Даньшин, В.А.Тюрин, которые помогали главе советской военной миссии в этой стране К.П.Иванову).

То есть, потом приземлялись, еще как приземлялись в «стране орлов», в Албании, летчики из Бари! Собственно, об этом прямо говорит генерал армии Штеменко, когда описывает освобождение остальных Балкан: «В ходе боевых действий в Югославии по обоюдному согласию союзников привлекались самолеты США и Великобритании, базировавшиеся в Италии [...] На случай вынужденных посадок самолетов в горах подыскивались и по возможности оборудовались необходимые площадки в партизанских районах. Здесь очень помог опыт советской авиабазы в Бари, пилоты которой, как уже было сказано, часто летали в Албанию и Черногорию».

При этом, Албания стала страной, через которую будет идти транзит и в Грецию. Так, в конце мая 1944 года офицер связи Кон-

стантин Петрович Иванов и радист Володя Тюрин поджидали руководителя советской военной миссии в Греции подполковника Г.М.Попов и его сотрудников.

РЕШАЮЩИЕ ЧАСЫ

Важно: обе эти советские миссии, и в Албанию, и в Грецию, вылетали из Бари втайне от британцев. Но, как водится, все тайное рано или поздно становится явным: британцы довольно быстро об этом пронюхали и явно заревновали. Еще 3 августа, а потом и 21 августа 1944 года в НКВД СССР поступили памятные записки соответственно от главы Форин-офиса и от британского посла в Москве, в которых содержалась просьба представить информацию «в отношении посылки советской миссии в Грецию, а также разъяснение по поводу посылки советской миссии в Албанию»⁶².

Судя по всему 21 августа - вообще решающий день. Интересно, что в письме Димитрова Молотову от той же даты говорилось о взаимодействии с албанскими коммунистами исключительно югославов, ибо, мол, самому Советскому Союзу это было делать еще рано⁶³. Но, судя по всему, позицию Димитрова признали уже устаревшей, и именно в те часы было принято решение о том, чтобы повысить скорость, «переключив передачи». Во всех смыслах. Как мы помним, уже 23 августа СССР начала на албанцев радиовещание на их родном языке. Это было самое что ни на есть публичное признание особых интересов Советского Союза.

НИША ДЛЯ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Невозможно избавиться от ощущения, что задержка с активизацией действий на албанском направлении была связана с тем, что Москва выжидала, чем там обернутся дела у британцев. А выяс-

нить это у Москвы было, через кого. В данном случае внимание - именно разведчикам-чекистам.

Для начала достаточно вспомнить «кембриджскую пятерку», которая проникла на ключевые посты в британском госаппарате, включая Форин-офис и спецслужбы. Именно через члена этой пятерки Кима Филби Москва получала данные британского перехвата о движении немцев на Балканах. С именем все того же Филби связана уже послевоенная история по предотвращению свержения в Албании власти коммунистов силами уже МИ-6 и ЦРУ.

Кроме того, советский агент Седрик Белфрэйдж («Чарли») имелся и в BSC (British Security Coordination) в Северной Америке которая координировала совместные действия со спецслужбами США от имени сразу и контрразведки МИ-5, и разведки МИ-6, и службы саботажа и диверсий SOE⁶⁴. Через эту структуру шел огромный вал конфиденциальной информации, включая, наверное, и ту, что была связана с Албанией.

К тому же, руководитель миссии связи НКВД в Лондоне полковник Чичаев работал не «советником посольства СССР в Англии» (как это сформулировано в официальной «Истории российской внешней разведки»⁶⁵), а под «крышей» советской дипмиссии при лондонских правительствах в изгнании. Как считается, пользуясь этим, он «завел сеть агентов из числа чиновников эмигрантских правительств центральной и восточной Европы»⁶⁶. О том, что и он обращался к восточноевропейским эмигрантским правительствам в Лондоне с целью перепроверить британские данные вполне открыто говорил и руководитель советской военной миссии адмирал Харламов.

Иными словами, возможности следить за действиями британцев в Албании у СССР были не только через газеты и не только через Тито. И так и хочется предположить, что, увидев, чем обернулись британские усилия по мобилизации националистов, тогда-то Москва и приступила в Албании к той самой «стратегической инфильтрации».

Как бы то ни было, летом 1944 года начинался обратный отсчет к ключевой встрече Сталина и Черчилля. Встретившись

9 октября, на знаменитой салфетке с процентами послевоенного влияния в Восточной Европе и они Албанию отдельно не поместили...

СОПОСТАВЛЕНИЯ

Хотя советские и албанские войска так и не пересеклись, Ходжа скажет: «Албанский народ считает Советский Союз своим освободителем. Ибо победа в Великой Отечественной войне и последующая помощь СССР Албании были решающими факторами нашей победы»⁶⁷. Уже знакомый нам албанский партизан, ставший генерал-майором советской армии, сегодня добавит, как профессиональный военный: «Советская военная миссия координировала действия не только между армиями балканских стран - Албании, Югославии, Греции - но и между этими странами и Красной армией. Так что, все действия происходили организованно, с умом и с определенным планом»⁶⁸.

А теперь - сопоставление дат, часть из которых мы уже выстроили в цепочку, а часть добавим теперь. Итак, 21-22 июня 1943 года - последняя успешная, но уже ничего не менявшая акция SOE и Абаза Купи. 30 июня Ходжа перешел в наступление на националистов. 7 июля Президиум Национально-освободительного совета дерзко отвечает англо-американскому командованию. В то же месяце на Албанией появляются советские самолеты. 23 августа в албанском радиоэфире - передачи из Москвы. А уже 17 ноября партизаны-коммунисты единолично вошли в Тирану.

А британская группа «Консенсус II», которая вроде бы обладала в стране широчайшими связями, была выведена оттуда еще в конце октября. Почему британцы так быстро сдали позиции?!

Мы уже разобрались с тем, в каких частях британского госаппарата работали тогда советские агенты. Но до сих пор говорили о Лондоне и Северной Америке. Однако, была и секция SOE, ответственная за Албанию, которая располагалась прямо напротив: в Италии, в том самом Бари. Именно через Бари шел весь ради-

отрафик. И выяснилось, что не все сообщения, которые группа «Консенсус II» присылала из Албании, ретранслировались в Лондон. В частности, под сукно было положено сообщение от 25 октября о том, чтобы вывезти из Албании Купи, то есть спасти его от коммунистов.

Но это - уже не самом последнем этапе. Сопоставляя документы и дневники офицеров-членов той группы, английский историк Р.Бэйли пришел к выводу, что в течение всего 1944 года обвинения в связях «Консенсуса II» с «фашистами» звучали из уст такого сотрудника секции SOE в Бари, как Джон Эйр. С годами он же, историк Бэйли, обнаружил любопытный дневник, в котором Эйр напишет фразу, полную противоречий: «Я пришел к пониманию классовой основы общества во время войны, когда я работал в секции SOE, ответственной за политические и экономические разведданные от наших миссий в оккупированной Албании. В материалах из Албании я видел, как марксистско-ленинские тезисы работали на наших глазах. Джулиан Эймери и Маклин боролись с ветрами перемен, в то время, как я и другие в нашей мудрости невежества помогли раздуть ураган»⁶⁹.

Согласимся, что из этой цитаты, пожалуй, следует, что Эйр был коммунистом, в глазах которого прочие фракции в Албании были «фашистами». Но в тупик ставит его наблюдение о том, что «мудрость невежества» (wisdom of ignorance) раздула «ураган». Значит ли это, что Эйр сознательно помогал коммунистам, а потом ужаснулся тому, что из этого вышло, когда генсек-отшельник Ходжа выстроил в Албании общество, в сравнении с которым даже сталинская модель кажется достаточно либерально-мозаичной? Или это значит, что в своем «невежестве» Эйр стал вольно или невольно выполнять задания... Москвы? А ведь, кстати, никакой тайный радиопередатчик ему для этого был бы не нужен: располагавшаяся там же, в Бари, советская АГОН была укомплектована сотрудниками пусть и не НКВД (на который в Британии кивают до сих пор), но тоже разведки - военной...

Возможно, ответ на вопрос, так ли это, есть в каком-нибудь закрытом-закрытом московском архиве...

«ЦЕННАЯ ПЕШКА»

О том, как британцы отказались тогда от поддержки албанских националистов, еще один офицер SOE, Питер Кемп, потом напишет так: «Это была совершенно ненужная жертва, принесенная советскому империализму. По британской инициативе, британским оружием и деньгами мы лелеяли албанское сопротивление в 1943 году; и именно британская политика в 1944 году сдала враждебной державе наше влияние, нашу честь и наших друзей»⁷⁰.

Впрочем, детально разобравший все это Р.Бэйли обращает внимание на то, что помимо Эйр на ту позицию, что самой дееспособной силой сопротивления в Албании стали коммунисты, в те месяцы постепенно перешли и те офицеры, которых никогда не подозревали в симпатиях к марксизму-ленинизму. К тому же, если и искать корни провала «Легалитета» и восхождения коммунистов, то делать это надо не только в Албании и не только в Бари, а все-таки в Лондоне.

Например, 23 мая 1944 года, секция в Бари очень даже ретранслировала в Лондон просьбу «Консенсуса», чтобы кто-то связался с королем Зогу на предмет того, чтобы тот, в свою очередь, прислал личное послание с ободрениями для Купи. Однако, Форин-офис в Лондоне в этой просьбе отказал. Ну, а в таком случае, если доводить дело до абсурда, то в агенты Москвы придется записывать и Форин-офис, и даже самого Уинстона Черчилля. В конце концов, беглый король Зогу был у него под боком в Англии⁷¹, но так и не был привлечен британцами к политическому процессу, ему так и не позволили создать правительство в изгнании по примеру Югославии или Польши.

Изучившая детали английская исследовательница Элизабет Баркер пишет: «Форин-офис постоянно отказывал королю во всех его вежливых просьбах признать его союзным лидером, принять Албанию в Объединенные нации (речь идет еще о коалиции, а не ООН - С.Б.) или обратиться к своим сторонникам в Албании [...] Но его было и не назвать неловко назойливым, и в Форин-офисе

к нему относились с известной симпатией [...] Денис Ласкей из Южного департамента [Форин-офиса] писал в конце 1944 года: «Мне симпатичен король Зог. Мы не смогли его поддержать, но он выказал большое терпение и не пытался поставить нас в неудобное положение, хотя мог бы, если бы захотел. Нет сомнений в его про-британских убеждениях, и наше влияние в Албании было бы куда сильнее с ним, чем с коммунистическим правительством. К сожалению, теперь в стране его мало, кто поддерживает.» Несмотря на это, еще в августе в Форин-офисе короля называли «ценной пешкой»⁷².

Иными словами, рискуя жизнями, в SOE, тем не менее, играли с Албанией в игры, каких в лондонском политическом истеблишменте от них никто особенно и не ожидал. То, что в среде разведчиков-англичан, занимавшихся Албанией, появились собственные коммунисты (а, может, и советские агенты) - лишь дополнительный штрих к и без того безрадостной для албанских монархистов картине в Лондоне.

К тому же, Албания - все-таки очень маленькая страна. Хотя Черчилль и упоминал ее в своем радиовыступлении летом 1939 года, но, согласимся, упоминал лишь всуе. Характерно, что став вскоре после этого премьер-министром и погрузившись в 1940-1941 годов в события итало-греческой войны, об Албании в своей довольно солидной корреспонденции по поводу тех событий Черчилль упоминал лишь, как о географической зоне, а основное политическое внимание уделял делам греческим, югославским, болгарским и т. п. К 1944 году Албании уже не нашлось места и на знаменитой салфетке.

В то же время, когда Албания сама себе очистила от оккупантов силами исключительно коммунистов, Запад явно испытал - шок.

НАГРАДА ДЛЯ ХОДЖИ

Уже к 29 ноября 1944 года албанские коммунисты полностью очистили свою страну от немцев и перешли к тому, чтобы помочь

освободить и юг Югославии. Забытый фронт. Кстати, в 1949 году Ходжа получил за все это по совокупности советский полководческий Орден Суворова I степени.

Но уже и на хронике 1944 года видно: во время партизанского парада в Тирране площадь декорирована флагами всех союзных держав (и СССР, и США, и Британии), однако на трибуне с албанскими руководителями были только советские военные. В июне 1945 года Ходжа был в Москве на Параде Победы.

Все это стало прологом к новой битве за Албанию по канонам уже «холодной войны», на первом этапе которого Народная Республика Албания - государство-соучредитель Организации Варшавского Договора. Но не ООН.

СОВЕТЫ ДЛЯ АЛБАНИИ. 1945-1946 гг.

Итак, наступил новый 1945 год, год общей Победы. 1 января Ходжа женился на той, кто станет его сподвижницей, а 4 января его Временное демократическое правительство Албании обратилось в подготовительный комитет ООН с заявлением о приеме в члены этой организации. Но не международной арене у Ходжи дела сложились не так безмятежно, как на личном фронте!

В тот период критерием членства было участие в войне на стороне антигитлеровской коалиции. А, как мы уже выяснили, парадокс состоял в том, что албанские партизаны немцев победили, а албанское государство если кому-то и объявляло войну, то только в своей ипостаси «Королевства Албании», чьи монархом был итальянский Виктор Эммануэль III. В итоге, на конференцию ООН в Сан-Франциско албанцев в качестве государств-соучредителей не позвали, и статус «присоединившейся державы» Албания получила только в феврале 1947 года. Полноценное же членство в ООН наступило только 14 декабря 1955 года⁷³.

Если вдуматься, то весь этот парадокс с «Королевством Албания» как страной-агрессором и албанскими партизанами, как победителями, яйца выеденного не стоит. Так, почему же все так затянулось?

30 октября 1945 года советское правительство направило ноту на имя посла США в Москве А.Гаримана, в которой указало на желательность установления дипломатических отношений с Албанией в лице ее Временного правительства. Вроде бы и согласившись с этим предложением, американцы выдвинули, тем не менее, ряд предварительных условий, которые, как отмечает российский исследователь В.В.Волков, «фактически сводили на нет возможность признания нового правительства Албании». Условия были таковы:

1. Предстоящие 2 декабря 1945 года выборы в Учредительное собрание должны быть проведены на «подлинно свободной основе», все демократические элементы и группы в Албании «будут пользоваться свободой слова и полными законными правами, выставлять и поддерживать своих кандидатов», иностранным корреспондентам «будет разрешен въезд в Албанию», а также «наблюдение и свободное сообщение о ходе выборов и работы Учредительного собрания».

2. Подтвердить, что действовавшие до 7 апреля 1939 года, то есть до оккупации Албании фашистской Италией, договоры и соглашения между Албанией и США останутся в силе и впредь.

К тому времени коммунисты уже маргинализировали оппозицию. Поэтому они готовы были принять первый пункт, зная, что

он уже ничего не меняет. Но со вторым пунктом о признании довоенных соглашений с США, Ходжа не согласился, возможно, сознательно обостряя ситуацию с целью гарантированно обзавестись советским покровительством.

Дело в том, что в июле 1945 года в Тирану прибыла новая советская миссия во главе с полковником Степаном Соколовым (тем самым, кто до этого командовал авиабазой АГОН в Бари), а в августе в Албанию пришли первые советские пароходы с продовольствием, оборудованием, машинами, медикаментами. Не дожидаясь выборов в Учредительное собрание, 10 ноября 1945 года полковник Соколов от имени правительства СССР передал в МИД Албании ноту о признании новой албанской администрации в качестве законного правительства. Нота гласила: «Советский Союз на протяжении всех этих лет войны против немецко-итальянских захватчиков со вниманием и сочувствием следил за героической борьбой албанского народа за свою независимость. Учитывая, что этой борьбой албанский народ внес свой вклад в дело победы союзников над общим врагом, и, принимая во внимание стремление албанского народа к сотрудничеству с другими демократическими странами в целях поддержания мира и безопасности, Советское правительство решило установить дипломатические отношения с Албанией и предлагает обменяться посланниками». В Москве об этом немедленно сообщила «Правда». 12 декабря посланником СССР в Албании стал Дмитрий Чувахин.

Еще в мае Временное правительство Албании признала Югославия, а к СССР осенью 1945 года присоединились Польша, Болгария и Чехословакия. Из стран западного блока Народную Республику Албания еще признают Франция (кстати, уже в конце 1945 г.), а также бывшие «метрополии»: Италия и Турция. В присутствии ему юморном стиле пробравшийся в коммунистическую Албанию британский журналист Джеймс Кэмерон напишет, что встретил там скучающего французского посланника, который жаловался, что ему не хватает четвертого коллеги из стран НАТО для полноценной игры в бридж.

Так, почему же, английский журналист Кэмерон не встретил в Албании и посла своей страны, которая хоть и не очень-то последовательно, но все-таки уделяла Албании такое внимание во время войны?

Так, наступила «холодная война»! И уже ее логика привела к появлению в 1946 году проливе между Албанией и греческим островом Корфу британских кораблей, один из которых был обстрелян, а другой подорвался на mine.

Был процесс в Международном суде, был его вердикт о том, что и британцы не правы, вторгнувшись в территориальные воды Албании, но и Албания должна заплатить за потопленный корабль 843.947 фунтов стерлингов. Албанцы отказались. В ответ на это Лондон блокировал золотой запас Национального банка Албании, который в 1943 году вывезли немцы, а в 1945 году в одной из соляных шахт на юге Германии обнаружили союзники. В итоге, это свое золото албанцы увидели свое золото только после падения коммунизма.

ОТ ДРУЖБЫ К «СХИЗМЕ»

Посетив Сталина, Ходжа получил серьезный пакет экономической помощи, и с помощью советских специалистов приступил к индустриализации. Дружба была такой разносторонней, что на базе «Мосфильма» был даже снят совместный советско-албанский киноэпос «Великий воин Албании Скандербег». Как мы помним, дело дошло даже до открытия в стране базы советских подлодок во Влере.

Но дальше была - «схизма».

Как пишет главный в России специалист по Албании Петр Искендеров, к середине 1961 года в Москве был даже разработан план силового решения «албанской проблемы». Он предусматривал свержение Ходжи с помощью албанских коммунистов «верных социалистическим идеалам» и их последующее обращение к СССР и странам Варшавского Договора с просьбой о «военной помощи». В июле 1962 года Н.С.Хрущев даже запросил у Тито разрешения на пропуск войск Варшавского Договора к албанским границам. Но Тито отказал. Более того, он конфиденциально поведал албанскому лидеру о планах Москвы и известил об этих планах Хрущева своих единомышленников-президентов из Движения неприсоединения: Неру, Насера и Сукарно.

А тут уже наступил и Карибский кризис.

Но это - уже другая история.

¹*Elidor MEHILLI. Defying De-Stalinization: Albania's 1956.* - City University of New York, 2011, P. 6.

²*Raymond E. ZICKEL, Walter R. IWASKIW. Albania: A Country Study.* - Federal Research Division, Library of Congress, 2nd Edition, 1994, p. 34-36 / <http://memory.loc.gov/master/frd/frdcstdy/al/albaniacountryst00zick/albaniacountryst00zick.pdf>

³Возможно, вершиной советского военного присутствия в Албании можно считать следующий эпизод из боевого дежурства подлодки С-360 под командованием капитана 3 ранга (позже контр-адмирала) В.С. Козлова. В декабре 1959 г. он получил боевое распоряжение: скрытно покинуть гавань порта Влера и пройти на запад до Гибралтара, ведя разведку деятельности

6-го флота США. Выход с базы проходил ночью в подводном положении, и остался незамеченным для противолодочных сил НАТО. Спустя десять дней капитан Козлов получил информацию из Центра о переходе из Афин во Францию отряда боевых кораблей США во главе с флагманом 6-го флота крейсером «Де-Мойн». Между островом Мальта и побережьем Туниса советская подводная лодка настигла отряд американских кораблей, «нащупала» крейсер и стала его сопровождать. Однако спустя некоторое время С-360 была засечена американскими противолодочными силами. На ее преследование были брошены все имевшиеся в наличии надводные корабли и патрульная авиация. Но, «охота» американцев на советскую подводную лодку не увенчалась успехом - она благополучно вернулась на базу. А вскоре, из иностранных источников стало известно, что на борту крейсера «Де-Мойна» находился президент США Эйзенхауэр. Факт, что американский президент какое-то время находился под прицелом советских подводников, вызвал шок у военного руководства США.

⁴ <https://zen.yandex.ru/media/id/5cc7066297408300b318ba2d/kak-my-poteriali-albaniiu-5d2853fde854a900adc8e336>

⁵ Там же.

⁶ Официальное название албанской компартии после войны.

⁷ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17-31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М.: 1962. Т. 2. 608 с.

⁸ James Cameron. Albania: the Last Marxist Paradise. // The Atlantic Monthly; June 1963; Volume 211, No. 6; pages 41-50

⁹ <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1939-in-the-wings/a-hush-over-europe/>

¹⁰ Сергей Балмасов. Как русские наемники в Албании правительство свергали. // Солдат удачи № 7 июль 2005 год (130) / http://sof-mag.ru/sof_2005/sof_2005_07.html

¹¹ Там же.

¹² Комунист. - Београд, 1949, с. 165.

¹³ К моему невероятному удивлению, в мире, оказывается, до сих пор столько последователей его радикального взгляда на жизнь, что его многотомные сочинения полностью выложены в сети.

¹⁴ Ходжа Энвер. Избранные произведения - Тирана: 1974, Т. I. с. 4 / http://www.enverhoxha.ru/Archive_of_books/enver_hoxha_selected_works_volume_I_rus.pdf

¹⁵ Там же, с.5

¹⁶ Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней / Г.Л.Арш, Ю.В.Иванова, О.А.Колпакова, Н.Д.Смирнова. М., 1992. С. 311-312.

¹⁷ РГАСПИ Ф. 495. Оп. 86. Д. 35. Л. 1.

¹⁸Там же, Л. 1-2.

¹⁹Ходжа, с. 6.

²⁰РГАСПИ Ф. 495. Оп. 86. Д. 37. Л. 1.

²¹Там же, Л. 13.

²²Там же, Л. 2.

²³Краткая история Албании..., С. 208.

²⁴<https://albania.mid.ru/istoria-dvustoronnih-otnosenij-rossii-albanii>

²⁵Краковецкий, Аркадий Антонович (28 августа 1884, Харьков - 2 декабря 1937, Москва). Окончил Орловский кадетский корпус (1902), Михайловское артиллерийское училище (1905). Подпоручик, но и член партии эсеров с 1905 г. Активный участник революции 1905 г. В декабре 1907 г. арестован, находился под следствием в крепости Цитадель в Варшаве, в 1909 г. приговорен к восьми годам каторжных работ. В 1909 г. отбывал наказание в Ломже, в 1910-1911 гг. - в Тобольском центральном, в 1912-1916 гг. - в Александровском центральном. В 1916-1917 гг. находился в ссылке в Иркутске. В 1917 г. амнистирован Временным правительством и был избран депутатом Учредительного собрания от Румынского фронта по эсеровскому списку. С января 1918 г. занимал пост военного министра Временного правительства автономной Сибири. Сложил свои полномочия в июле 1918 г. В ноябре 1919 г. - один из руководителей восстания против Колчака во Владивостоке. С 1922 г. работал в системе НКВД РСФСР. Бывший эсер, в 1922 г. он выступил на процессе эсеров свидетелем обвинения и в том же году стал членом РКП(б).

²⁶*Решетников Л., Смирнова Н.* Советско-албанский конфликт. Как это было // Коммунист, № 9, 1990, с.107. - в: Волков В.В. Советско-албанские отношения (40-50-е годы XX века) М.: Левый поворот, 2010 / <https://history.wikireading.ru/329784> (проверено 5.5.2020).

²⁷*Решетников Л., Смирнова Н.* с.107. в: Волков В.В.

²⁸27 ноября 1926 года был заключен албанско-итальянский Договор о дружбе и безопасности (т. н. 1-й Тиранский пакт) сроком на 5 лет. В соответствии с ним, обе Тирана и Рим обязались сохранять политическое, юридическое и территориальное статус-кво Албании и не подписывать политические и военные соглашения, наносящие ущерб интересам другой стороны. Спустя год, 22 ноября 1927 года, был подписан Договор об оборонительном союзе сроком на 20 лет. В дополнение Албания была опутана многочисленными итальянскими кредитами.

²⁹Этот титул он добавил еще и «должности» императора Эфиопии.

³⁰Angelo Piero SERENI.

³¹При занятии Тираны партизанами Ходжи был пойман ими и повешен в 1945 г. на центральной площади.

- ³²Характерная деталь: в Югославии советская военная миссия в отличие от миссий англо-американских союзников была аккредитована не при Верховном штабе НОАЮ, а при Национальном комитете освобождения Югославии. Американцы и британцы продолжали признавать югославское правительство в Лондоне.
- ³³M.R.D.FOOT. The Special Operations Executive 1940-1946. Pimlico, 1999; GILES Milton. The Ministry of Ungentlemanly Warfare. John Murray, 2016. P.88; Bernard O'CONNOR. Churchill's and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. - Fonthill, 2012, p. 10; O'SULLIVAN D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang., 2010, p. 5.
- ³⁴Бондаренко А.Ю. Фитин. М.: Молодая гвардия, 2015. С.286.
- ³⁵История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. Е. IV. 1941-1945 годы. М.: Международные отношения, 204, с. 665.
- ³⁶Daniilo ZOLO. Invoking humanity: war, law, and global order. London, England, UK; New York, New York, USA: Continuum International Publishing Group, 2002. P. 24
- ³⁷В процессе написания этой главы проверил. Оказывается, улицы и площади имени Тито остались во всех без исключения бывших союзных республиках бывшей Югославии. Отрадно, что Площадь Иосипа Броз Тито сохранилась и в Москве: на пересечении Профсоюзной улицы и Нахимовского проспекта.
- ³⁸Сергей Брилев. Александр Вучич: Белград и Москва всегда будут вместе. Специальный репортаж в программе «Вести в субботу» телеканалов «Россия-1» и «Россия-24», 24.2.2018 г./ <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2990328>
- ³⁹Pirjevec Jože. The Strategy of the Occupiers. // Resistance, Suffering, Hope: The Slovene Partisan Movement 1941-1945). - Ljubljana, 2008. - P. 27. / <http://www.znaci.net/00001/179.pdf>
- ⁴⁰Вообще-то, сначала итальянцы хотели отдать Черногорию в «Королевство Албания». Но, в итоге, она оставалась все-таки «самостоятельным» протекторатом, который, впрочем, также был вынужден поделиться приграничным прибрежным лоскутом. В данном случае речь шла уже о землях, заселенными этническими албанцами.
- ⁴¹Линия прошла между владениями «рейха» на сербском севере и «Королевства Албания» на косоварском юге края. То есть, примерно там, где сегодня сербов и албанцев разделяют миротворцы ООН. Кто не видел телерепортажи из города Косовска-Митровица? Вот, как раз южнее этого города-оплота косовских сербов и прошла граница между фашистскими секторами: германским и итало-албанским.
- ⁴²Ходжа, с. 224.
- ⁴³Ходжа, с. 224.
- ⁴⁴Ходжа, с. 36, 180, 215, 243, 322.

- ⁴⁵Наверное, объяснимо, что в коллективной памяти Сталинград ассоциируется, прежде всего, с поражением немецкого фельдмаршала Паулюса. Но вообще-то в котле тогда оказался и 2-я армия Венгрии, и сразу две (3-я и 4-я) армии Румынии и даже хорватский 369-й пехотный полк.
- ⁴⁶На тот момент фронт объединил и коммунистов, и других сторонников независимости. В частности, председательствовал на конференции довоенный албанский премьер-министр и никакой не коммунист Mehdi Frashëri.
- ⁴⁷Из директивы Э.Ходжи «Об укреплении связей с Советским Союзом» от 3 ноября 1943 г.: «Дорогие товарищи! Как вам уже известно, положение изменилось в пользу антифашистской коалиции. Основную роль в этом сыграла славная Красная армия. Со времени Сталинградской битвы и до настоящего времени она не дает ни минуты покоя немецкой армии, которая непрерывно отступает, неся одно поражение за другим и приближаясь к своей катастрофе [...] В результате гениальной сталинской стратегии и героизма Советской армии первые крупные тактические успехи уже приносят свои плоды. Германия идет к своей окончательной гибели». См.: Ходжа, с. 240.
- ⁴⁸РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 1122. Л. 18.
- ⁴⁹Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т.1. С. 329.
- ⁵⁰РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 1122. Л. 2.
- ⁵¹Dr. Sh. Vangjel Dh. Kasapi. Spiro Moisiu - Gjenerali i fushëbetejave shqiptare.// Telegraf, 26.12.2014/ <https://telegraf.al/dossier/dr-sh-vangjel-dh-kasapi-spiro-moisiu-gjenerali-i-fushebetejave-shqiptare/>
- ⁵²Sarah OLIVER. The clerk who went to war: He fought guerrillas, drank goat's blood to survive and even leapt down a lavatory to flee the Nazis... // The Daily Mail, 24 September 2017 / <https://www.dailymail.co.uk/news/article-4913336/The-clerk-went-war-typewriter.html>
- ⁵³«Между английским и американским народами, с одной стороны, и народами Советского Союза, с другой, заключен союз, который крепнет в борьбе против фашизма. Он стал действительностью и является отдельной и характерной чертой этой войны [...] Однако не следует забывать, что английские правящие круги [...] сколотили в Лондоне реакционные правительства, претендуя на то, что эти правительства являются представителями поработанных народов, тогда как на самом деле они - лишь орудие в руках создавшей их реакции». Ходжа, с. 208-209.
- ⁵⁴Ходжа, с. 171-172.
- ⁵⁵См.: *Смирнова Н.Д.* Образование Народной республики Албании. М., 1960. С.131. в: Волков В.В.
- ⁵⁶*Смирнов Н.Д.* Албанская партия труда (страницы истории) // Бюллетень научной информации института всеобщей истории Ан СССР. М., 1974. С. 135-136. в: Волков В.В.

⁵⁷2 августа 1943 г. коммунисты и «Легалитет» подписали с «Балли Комбетар» так называемой Мукуьянское соглашение, по которому создавался общий Комитет национального спасения. Совместное заявление сторон, в частности, гласило: «Албанский народ! Прошло почти 5 лет с тех пор, как фашистская Италия оккупировала нашу страну и начала сеять на черной земле страдания, как и во всем мире. Зверства нарастают. [...] Встанем под знаменем Скандербега! [...] Долой оккупантов! [...] Слава нашим союзникам: Англии, Соединенным Штатам Америки и Советскому Союзу!» Последняя фраза не случайна: на конференции присутствовали британцы. Явно не без их влияния стороны договорились о том, что в будущей Албании будет неприкосновенна частная собственность. Проблема, однако, заключалась в том, что в «Балли» исходили из идеи той самой «Великой Албании», полагая необходимым после войны сохранить Косово. А коммунисты считали, что косовары должны сами определиться, с кем им будет лучше остаться. Но даже такая позиция вызвала ужас у югославов, которые потребовал разорвать договор. Что и было сделано.

⁵⁸Bailey, p. 181.

⁵⁹Ответ на ноту генерала Уилсона, начальника Средиземноморского союзного штаба, 12 июля 1944 г. / Ходжа, с. 379-380.

⁶⁰Ответ на ноту генерала Уилсона... / 12 июля 1944 г. Ходжа, с. 382.

⁶¹Штеменко писал: «Войска фашистской Германии на юго-востоке находились под командованием генерал-фельдмаршала фон Вейхса. Ему же подчинялась и группа армий «Ф», находившаяся в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Черногории и Албании [...] В Сербии действовала армейская группа «Сербия» генерала Фелбера. С конца августа 1944 г. силы противника в Югославии существенно возросли: чтобы противодействовать успехам народно-освободительной борьбы, враг вынужден был послать сюда часть войск группы армий «Е». Разгром гитлеровцев в Румынии и стремительное выдвижение Красной Армии в глубь Балканского полуострова вынудили противника подготовить отвод своих соединений и частей из Греции и Македонии, чтобы не оказаться перед катастрофой. Приказ об отводе состоялся 3 октября 1944 г. Войска противника в Югославии занимали основные политические и экономические районы, удерживали железные и шоссейные дороги [...]. Особое внимание уделялось обороне восточных границ Югославии, удержанию путей из Греции в Венгрию, Австрию и Северную Италию». См.: Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. - М.: Воениздат, 1989 / <http://militera.lib.ru/memo/russian/shtemenko/index.html> (проверено 5.5.2020).

⁶²Сергиенко

⁶³РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 1122. Л. 18.

⁶⁴*Andrew Christopher, MITROKHIN Vasili. The Sword and The Shield. Basic Books, 1999, p. 110.*

- ⁶⁵История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. Т. IV. 1941-1945 годы. М.: Международные отношения, 2014, с. 386.
- ⁶⁶*Andrew Chistopher, MITROKHIN Vasili*, p. 113.
- ⁶⁷Цит. по: *Чичкин А.* Энвер Ходжа: эпоха и личность (албанский преемник Сталина) // Молодая гвардия. 1993. №3. С. 226. в: Волков В.В.
- ⁶⁸Интервью ГТРК «Кубань».
- ⁶⁹*John Eyre.* The God Trip: the Story of a Mid-century Man. London: Peter Owen, 1976, pp.23-4 - in: Bailey, p. 185.
- ⁷⁰*Peter KEMP.* No Colours or Crest. - Cassell, London, 1958, p. 231-232 - in: Bailey, p. 182
- ⁷¹Бежав от итальянцев в Грецию, позже албанская монаршья семья металась между Турцией, Румынией, Польшей, Латвией, Швецией, Норвегией, Бельгией и Францией. Когда немцы подошли к Парижу, Зогу и члены его семьи были эвакуированы в Англию, где сначала они пожили в лондонском отеле «Ритц», а позже перебрались в Букингемпшир. См: *Naçi collection*. AIM25, Archives in London and the M25 area / https://aim25.com/cgi-bin/search2?coll_id=7010&inst_id=58
- ⁷²*Elisabeth BARKER.* Albania: Britain and the Resistance. // *British Policy in South-East Europe in the Second World War. Studies in Russian and East European History and Society.* - CREES, University of Birmingham, pp. 173-183 / https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-1-349-02196-3_14
- ⁷³Как мы уже знаем, вскоре после этого случилась ссора Хрущева и Ходжи, Албания переметнется к Мао и откроет теперь всеми позабытый дипломатический фронт: делегация Народной Республики Албании станет в ООН глашатаем Китайской Народной Республики, чье место в ООН (включая Совет безопасности) до начала 1970-х занимала делегация с антикоммунистического Тайваня. Впрочем, про это можно писать отдельную книгу.

АФГАНИСТАН 1978-1980: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Александр Кузнецов

САУРСКАЯ (апрельская) революция 1978 года свершилась. Когда танк Ватанджара¹ подъехал и встал напротив ворот королевского дворца - резиденции М.Дауда - и дал несколько пулеметных очередей в сторону дворца, я вместе с консультантом Оперативного управления Генштаба Афганистана Полозовым Н.М. находился на самом верхнем этаже здания афганского Министерства обороны, которое было расположено всего в 100 метрах от дворца. Надо сказать, что такого бурного развития событий никто не ожидал, даже наши хваленые спецслужбы.

Когда консультант танковой бригады позвонил начальнику штаба Главного военного советника (ГВС) полковнику Ступко и сообщил, что подсоветные афганские танкисты получают боезапас и готовятся выдвинуться в город, тот не поверил и попросил его не нести чепухи. Аналогичная реакция была и у самого ГВС генерала Горелова, который в тот момент находился в своем рабочем кабинете в здании советского торгпредства.

Между тем танк Ватанджара развернулся и подъехал к воротам комплекса Минобороны, оттуда выбежал солдатик, подбе-

Александр Кузнецов - полковник в отставке, очевидец афганских событий 1978-1980 гг., офицер ставки Главного советского военного советника в Афганистане.

Фото из личного архива автора.

жал к танку и сразу же бросился обратно. Раздался выстрел и все внутренние помещения и особенно коридоры здания заволокло едким дымом: снаряд (болванка) попал в окно второго этажа, где располагался кабинет начхима. Как в муравейнике забегали афганские генералы и офицеры, некоторые были почему-то в полевой форме. По распоряжению начальника генштаба советские консультанты были отправлены по домам.

Вечером того же дня начались бои в центре города. Вертолеты, а позже и самолеты стали наносить удары ракетами по дворцу. Причем они ложились на боевой курс и проводили пуски прямо над нашими домами в первом микрорайоне Кабула. С балкона 4-го этажа, где находилась моя квартира, (на одной лестничной клетке с квартирой замполита аппарата ГВС генерала Храмченко, а этажом ниже подо мной квартира генерала Горелова), наблюдать за происходящим было чрезвычайно интересно. Казалось, что от центра города и от дворца остались одни руины, но потом выяснилось, что особых разрушений не произошло. Судьба революции, естественно, решалась в Кабуле.

Не могу согласиться с некоторыми товарищами, которые утверждают, что парчамисты не играли особой роли в достижении победы. В Кандагаре, например, власть взяли парчамисты. Батальон командос Хедаятуллы (парчам) не дал 11-й джалалабадской пехотной дивизии пройти через перевал на помощь М.Дауду. 88 артиллерийская бригада Халиля (парчам) остановила продвижение ришхорской дивизии в центр города в районе советского посольства. Думаю, что были и другие случаи героических действий со стороны парчамистов. Иначе бы халькисты не поделились с ними властью 50 на 50. И неверно было бы думать, что они сделали это только под нажимом советских товарищей. Победа далась непросто.

Начальник штаба ВВС генерал А.Кадыр вспоминал, что тогда среди ночи к нему на командный пункт ВВС приехали Тараки и Амин и потребовали выделить им вертолет, чтобы им можно было улететь в Союз, если революция не победит. Безусловно, авиация сыграла решающую роль в победе революции, улетать не при-

Оперативная группа МО СССР

шлось. Этим обстоятельством воспользовался советник командующего ВВС, армянин по национальности. С его командующий ВВС и ПВО Афганистана обратился к Тараки с просьбой просить советское руководство присвоить ему звание генерал-майора. Тот согласился, и дело было сделано. Только в Москве возникла заминка. Как присвоить генеральское звание подчиненному, ущемив интересы его непосредственного начальника - советника Главкома ВВС и ПВО полковника Орлова?! В итоге было принято соломоново решение: генеральские звания были присвоены обоим.

На следующий день возглавившие революцию Тараки и Амин (оба халькисты) прибыли в советские посольство на реквизированных в гараже М.Дауда американских автомобилях, вслед за ними приехал и Б.Кармаль (парчам) на потрепанном УАЗике. Его даже не хотели сначала пускать на территорию посольства, но все-таки пропустили. В присутствии наших дипломатов разгорелись жаркие споры о будущем Афганистана. Тараки считал, что надо объявить о победе социалистической революции и напечатать пер-

вую газету красным шрифтом, что и было сделано. Состоялись первые назначения. Особо хотел бы отметить, что все свои действия афганские руководители на том этапе, как правило, согласовывали с соответствующими советскими товарищами.

Вскоре в посольство из Москвы прибыла внушительная советская военная делегация (представители Главного политического управления - ГЛАВПУРа, Главного управления кадров и 10-го Главного управления ГШ) для уточнения задач, а за ними следом в Афганистан стали десятками прибывать военные советники разного уровня. Политработники, в частности, быстро освоились и организовали перевод методических пособий по партийной и политической подготовке в ВС СССР без каких-либо изменений и учета специфики страны пребывания. Начались раздоры между афганскими командирами, как правило, прослужившими в армии не один десяток лет и молодыми еще не нюхавшими пороха представленными к ним политработниками. Все болезни нашей армии переносились на афганскую почву со стопроцентной точностью. Так, советники внушали своим подсоветным, что, если у командира «Волга» и большой кабинет, то у замполита не должно быть хуже. Замполит аппарата ГВС и советник Начальника афганского ГЛАВПУРа долго выясняли, кто из них кому должен подчиняться. Нечто подобное происходило и в соединениях и частях афганской армии.

Напряженность усиливалась еще и из-за того, что теперь политорганы афганской армии подчинялись непосредственно Х.Амину, а командирам частей, чтобы пожаловаться Министру обороны или начальнику генштаба по вопросам субординации со своими политработниками, надо было пройти долгий путь по инстанциям. Так, молодые лейтенанты-политработники стали не то что вторыми, а где-то, по сути, и первыми командирами в своих частях и подразделениях. В результате ряд вытесненных на второй план «старых» командиров пытались поднять восстание, а другие попросту молча перешли на сторону оппозиции, возглавив ее отряды.

Нельзя сказать, что Афганистану, его вооруженным силам повезло на консультантов и советников. Генерал Горелов больше за-

ботился о своем благополучии, нежели повышении боеготовности ВС страны. И для меня странным показалось появившееся позже утверждение, будто он изо всех сил поддерживал Амина и в этом плане даже пошел на конфронтацию с представительством КГБ в Кабуле.

Замена ему оказалась не лучше. В декабре 1979 года в Афганистан прибыл новый главный военный советник генерал-полковник Магомедов С.К. Как-то так вышло, но Горелов не встретил Магомедова в аэропорту. С этого момента он лишился всех атрибутов власти: у него отобрали шофера, переводчика, машину и охрану и предложили в недельный срок сдать дела и убыть в Союз. Волею судьбы последние дни Горелова на афганской земле прошли в моем сопровождении: я играл роль и водителя, и переводчика. С прощальными визитами мы с ним проехали по афганским частям и соединениям кабульского гарнизона и собрали памятные подарки от афганцев и наших советников.

Между тем в стране стали происходить необратимые изменения. Началось не только отодвигание парчамистов от власти, но и их травля. В беседе с советским послом Пузановым А.М. Тараки заявил, что намерен отправить Б.Кармаля послом в Чехословакию. На что наш посол сказал, что это «хороший, подготовленный дипломат». С удалением Кармаля из Кабула руки у Тараки и Амина были развязаны. Других видных парчамистов также отправили послами, а других просто арестовали. Попытки наших военных советников защитить своих подсоветных-парчамистов обычно заканчивались вопросом: «Вы хорошо его знаете? Можете за него поручиться? Как правило, положительного ответа не было. Во всяком случае, ни одного парчамиста спасти от ареста или увольнения, насколько я знаю, не удалось.

Назначенный министром обороны А.Ватанджар все дни проводил в своем кабинете, играя со стоящими у него на столе бронзовыми обезьянками (ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу). Практически все руководство армией осуществлял начальник генштаба М.Якуб, который проводил в своем кабинете 24 часа. Мне это было хорошо известно, так как я в то

Беседа Бабрака Кармаля с советскими десантниками

время был переводчиком у его советника генерала Костенко П.Г. Впоследствии от Костенко я ушел, так как считал, что у переводчика и адъютанта совершенно разные обязанности.

Х.Амину, который не употреблял спиртного, не курил и вел моральный образ жизни, приходилось круглые сутки находиться на рабочем месте, а их у него было несколько - ЦК НДПА, Совет Министров, МИД, а позднее и министерство обороны ДРА, выполняя все эти функции. И ему не нравилось поведение некоторых героев революции, «поймавших журавля в небе», в частности Ватанджара, Гулябзоя, Ширджана и Сарвари. Они считали себя неприкасаемыми и вели достаточно разгульный образ жизни, мало времени уделяя своим служебным обязанностям, пьянствовали, злоупотребляли служебным положением. Гулябзой, например, отправлял своих любовниц на учебу в вузы МВД СССР. В свое время он был адъютантом Тараки, далее считая, что дозволено первому руко-

водителю, дозволено и ему самому. Ватанджар вообще считался первым героем революции и т.п. Их объединяло то, что все четверо находились под опекой представительства КГБ СССР в Афганистане и были источниками информации. Амин неоднократно обращался к Тараки с просьбой урезонить зарвавшихся революционеров, но тот все спускал на тормоза. Такие наезды Амина на поставщиков «чрезвычайно ценной» информации сильно волновали и наших чекистов. А вот сам Амин стал для них как кость в горле.

Надо было как-то нейтрализовать его. На Амина было совершенно не без нашего ведома несколько неудачных покушений. О последнем он был проинформирован племянником Сарвари. Амина должны были расстрелять адъютанты Гулябзоя и Ватанджара в аэропорту во время встречи Тараки, который возвращался на родину поездки в Гавану проездом через Москву, где встречался с Л.И.Брежневым. Адъютанты были вовремя обезврежены, арестованы и дали соответствующие показания. Тараки же во время пребывания в Москве был проинформирован, что Амин готовит узурпацию власти, и что Москва поддержит Тараки в его борьбе против Амина как морально, так и военными средствами. После возвращения Тараки в Кабул Амин поставил перед ним ультиматум: или я, или эта четверка! Тараки, памятуя полученные в Москве наставления, предпочел четверку. Но к этому моменту так называемая «банда четырех», испугавшись мести Амина, разбежалась по своим норам. Командирам соединений афганской армии стали поступать звонки от Ватанджара, которого к тому времени уже освободили от должности министра обороны, в которых он сообщал: «Революция и ее лидер Тараки в опасности! Готовьтесь выступить на защиту товарища Тараки!». Об этих звонках незамедлительно информировали начальника генштаба Якуба, который дал поручение выяснить, откуда производятся звонки. В результате установили, что они идут с территории советского посольства.

Находившегося в Кабуле во главе оперативной группы министерства обороны СССР генерала армии Павловского И.Г. вызвал на узел связи Д.Ф.Устинов. Штатным водителем у Павловского

был афганец, которого не положено было пропускать на этот объект. Так получилось, что за руль машины генерала армии посадили меня. По дороге Павловский обменивался мнениями об обстановке в стране со своим порученцем полковником Семченковым и проговаривал вопросы, которые он должен поставить перед министром обороны. Я набрался смелости и сказал Главкому (он любил, чтобы к нему обращались так, а не по званию), что, если мы встанем на сторону Тараки, то сильно осложним положение, так как, образно говоря, Тараки - это знамя революции, а Амин - древко. Вся армия и большинство членов партии на стороне Амина, так как он непосредственно работал с людьми и его хорошо знают. А Тараки - просто известный в стране поэт.

Не знаю, учел ли Главком мое мнение, но я почувствовал, что оно совпало с его собственной оценкой ситуации в стране. Вышел Павловский после разговора с Устиновым в подавленном настроении: ему посоветовали ехать в посольство и послушать, что говорят афганские министры. Также ему было сказано, что он не владеет обстановкой и его оценка расходится с мнениями товарищей Андропова и Громыко. Так, в общем-то ничем закончилась миссия И.Г.Павловского в Афганистане, которая могла бы поменять развитие ситуации. А ведь подчиненные и сослуживцы уже намечали, как будут поздравлять его с присвоением Маршальской звезды.

Далее события стали развиваться стремительно. Обеспокоенные обострением отношений Тараки и Амина, советские руководители (посол, глава представительства КГБ, Павловский) прибыли в резиденцию Тараки (Хане Арк) и пригласили на переговоры Амина, дав тому личную гарантию его безопасности от советского посла. Амин нехотя согласился. За ним приехал в здание Делькоша², где одновременно размещались военные структуры - МО, ГШ и ГЛАВПУРа ДРА, адъютант Тараки подполковник М.Тарун. Я с ним близко познакомился по послереволюционным событиям, когда мы в составе опергруппы по 24 часа дежурили в здании Минобороны. Тогда он рассказал мне, как в бытность свою начальником Царандоя (афганской милиции) ввел в автопарке своих подразделений номера с русской литерой «Ц». Мы поприветствовали

друг друга, и он вдруг сказал, что приехал отговаривать Амина от поездки к Тараки. Тарун зашел в кабинет Амина, пробыл там несколько минут и вышел, сказав мне на прощание, что убедить Амина не ехать не удалось. Амин слишком верил гарантиям советских товарищей.

Спустя некоторое время Амин вышел в сопровождении адъютанта, уселся в мерседес и вслед за автомобилем Таруна поехал в резиденцию Тараки, находившуюся примерно в 400 метрах от здания Делькоша. Однако прошло всего минут 20, когда мерседес Амина на полной скорости буквально влетел обратно во двор Делькоша со стороны Ханее Арк. Из машины с заднего сиденья вывалился бледный как полотно Амин, рукав его пиджака был в крови. Оказалось, что на нем кровь его раненого адъютанта. О том, как киллер сделал фальстарт и открыл огонь на поражение, как только первый человек показался из-за угла лестницы на второй этаж, написано много. Убит был Тарун. Сам Тараки, услышав эти выстрелы, подбежал к окну и закричал: «Смотрите, Амин убегает!».

Нам же, находящимся на территории Делькоша, было не до шуток. Мы заняли круговую оборону, ожидая наступления гвардии Тараки. Кстати, командиром этой гвардии был подполковник Джандад - выпускник Одесского высшего училища ПВО, хорошо знакомый мне еще со времени моей стажировки в 99-й зенитно-ракетной бригаде в 1972 году. Нам повезло: гвардия не откликнулась на призыв Тараки и не пошла штурмовать здание минобороны и генштаба. Но дело на этом не закончилось, из штаба ВВС и ПВО поступило сообщение о приказе Тараки нанести авиаудар по Делькоша. Находившийся с нами в Делькоша перепуганный советник НГШ генерал Костенко не своим голосом потребовал от советника Главкома ВВС и ПВО ни в коем случае не допустить применения авиации. К счастью никто авиацию применять по Амину и не соби-рался: в штабе ВВС и ПВО сторонников Тараки не оказалось.

Через какое-то время к Делькоша подкатило несколько машин местного советского руководства во главе с послем Пузановым А.М. Амин от общения с ними отказался, сказав, что в данный момент к беседе не готов.

На следующий день меня пригласил к себе начальник генштаба М.Якуб и сказал, что не может найти никого из советских товарищей, чтобы сообщить для них важную информацию. Я доложил об этом разговоре Павловскому и тот, не заходя к Якубу, убыл в посольство на совещание. Между тем на втором этаже здания Делькоша собрался Пленум ЦК НДПА, который заседал несколько часов. Пленум закончился бурными аплодисментами, на первый этаж спустился Амин в сопровождении Якуба и Начальника афганского ГЛАВПУРа Экбала. К этому времени Павловский уже вернулся из посольства и ему сообщили, что Пленум единогласно лишил Тараки всех государственных и партийных постов и выбрал новым генсеком ЦК НДПА Амина. Тараки в вину вменялись нежелание работать, пьянство, разврат и почивание на лаврах. Павловский тут же поздравил Амина с избранием на высшую должность в государстве, и они обнялись. К поздравлениям Павловского присоединились и другие местные советские руководители.

В ходе последующих бесед с Амином советскими официальными лицами неоднократно поднимался вопрос о дальнейшей судьбе М.Тараки. Ему, в частности, передавалась личная просьба Л.И.Брежнева оставить Тараки в живых. Амин в ответ напомнил о том периоде российской истории, когда порешили всю царскую семью, включая малолетних детей. «Оставить Тараки жить во дворце нельзя, это место для руководства страны, к которому Тараки с недавнего времени не принадлежит, - аргументировал он. - Выселить его куда-то в город тоже нельзя, так как вокруг него начнут объединяться оппозиционеры. Что делать?». В ответ молчание. В результате случилось то, что случилось: Тараки был задушен подушкой офицером по имени Рузи, которого я также знал лично. В свое время он был одним из слушателей курсов по переносному зенитно-ракетному комплексу - ПЗРК «Стрела 2», где я осуществлял перевод.

С убийством Тараки начался новый этап саурской революции. Представляю себе состояние нашего местного советского руководства, особенно посла и руководителя аппарата КГБ, когда их став-

*Прощание в аэропорту Кабула.
Б.Кармаль и маршал А.Л.Соколов, переводчик А.Кузнецов*

ка провалилась. Невольно возникал вопрос, а кого они подсунили для встречи и горячих поцелуев Л.И.Брежневу?! А ведь он хоть и преклонного возраста, но вполне мог задать не совсем удобные вопросы Андропову, Устинову и Громыко, которые, в свою очередь, спросят об этом со своих представителей на местах.

Не оставалось другого выхода, кроме как свалить все беды на Амина, представив его как ярого антисоветчика, американского наймита и вообще гнусного типа. И соответствующая информация, а точнее дезинформация полилась в Москву рекой. Наивно звучат утверждения, будто Брежнев сильно разозлился на то, что обидели его друга Тараки, вот и решил в отместку ввести войска, чтобы убрать Амина. Даже если бы все обстояло именно так, как информировали Москву, то почему поставили задачу убрать Амина физически, а не арестовать и не допросить его, чтобы потом обнародовать показания «американского шпиона и врага» Советского Союза? Чтобы все знали, что ввод войск был осуществлен не для

того, чтобы прикрыть чьи-то задницы и сохранить погоны, а ради правого дела: спасения южного подбрюшья Советского Союза.

Но вернемся к личности Магометова С.К. как нового главного военного советника. С ним связано много забавных историй. У генерала, например, абсолютно отсутствовала память на лица. Когда он выходил из штаба, расположенного в 4-м А корпусе 1 микрорайона и встречал кого-нибудь из советских офицеров на пути, то всегда задавал один и тот же вопрос: «Вы кто?». Получал добрый ответ и шел дальше. Для прикола, встретившийся ему человек (как правило, наш брат-переводчик) отходил подальше, делая круг, и снова попадался навстречу генералу. И опять следовал тот же вопрос: «А вы кто?». Так могло повторяться несколько раз. Вспоминается и такой эпизод. Перед вводом наших войск на узле связи ГВС находился ответственный от ВВС генерал-полковник Гайдаенко И.Д.- человек невысокого роста, одетый в помятый гражданский костюм. Он сидел в уголке и что-то писал в блокноте. На узел прибыл Магометов. Все присутствовавшие в помещении, кроме Гайдаенко, вскочили и встали по стойке «смирно». Магометов опешил от такой наглости незнакомца, подошел к нему и задал свой традиционный вопрос: «Вы кто?». Гайдаенко, не вставая, ответил: «генерал-полковник Гайдаенко». Магометов встал в ступор и, не зная как реагировать, после минуты молчания спросил: «А вы давно звание получили?» Все присутствовавшие были в отпаде.

Магометов приезжал в свой кабинет в местном генштабе, и тут же солдат-афганец прибежал с тазиком, наполненным горячей водой, куда Магометов погружал свои ноги в ожидании массажа. Он всегда подчеркивал, что является мусульманином, чем пытался добиться особого расположения афганцев. Когда в Кабул прибыл мусульманский батальон, Магометов стал часто навещать его расположение, чтобы отведать настоящего бараньего шашлыка. Мне не раз жаловался командир этого батальона Халбаев, что ему приходится изворачиваться, чтобы доставать баранину, ведь местной валютой он не располагал. В квартире у Магометова жила подаренная ему обезьяна, а также несколько афганских бор-

Вручение афганских наград маршалу Соколову и послу СССР в Кабуле

зых, которых он отправил в Союз, где его жена занялась их разведением. Кстати, жена Магометова жаловалась, что ее мужа отозвали в Союз из-за того, что я будто бы доложил Маршалу Соколову о том, что Магометов отправляет домой вещи самолетами. Это домыслы, причиной его откомандирования послужило то, что он несколько раз без согласования с руководством оперативной группировки МО СССР подписывал телеграммы совместно с послом и представителями КГБ, содержание и оценки которых расходилось с мнением руководства военных.

Прибывший на смену Магометову генерал армии Майоров А.М. отличался тем, что практически не выезжал за пределы Кабула, отрастил бороду, переехал из микрорайона на виллу с бассейном и кинотеатром и частенько появлялся в здании минобороны ДРА в советской военной форме. Когда его вызвали в Москву, и он появился в приемной Д.Ф.Устинова, министр отказался его принимать, пока тот не сбрит бороду.

Были и отличные специалисты. Так, афганцы ждали советника по организации разведки и дождались: прибыл полковник Глухов - чудесный человек и отличный специалист по стратегической разведке, т.е. тот, кто так был им «нужен». Переводчиком к нему был назначен ныне покойный Сережа Барановский.

Еще до ввода наших войск в Кабуле находился начальник штаба погранвойск генерал-лейтенант Власов, который устроил прием по случаю завершения своей непродолжительной командировки. Естественно, этот прием не мог обойти стороной генерал Костенко, у которого был нюх на такие мероприятия. Вместе с командированным в Афганистан генерал-лейтенантом Кузьминым из Главного оперативного управления ГШ они подрядили шофером полковника Глухова и отправились на мероприятие из микрорайона, где проживали, в посольство. Надо отметить, что полковник Глухов, в прошлом нелегал, в свое время подвергался пыткам западных спецслужб: у него были очень слабые запястья. И вот после застолья управляемая Глуховым «Волга» (Костенко спал на переднем сиденье, Кузьмин бодрствует на заднем), помчалась по Дар-уль-Ламану - дороге соединяющей центр столицы и советское посольство и на полном ходу врезалась в столб. Костенко вылетел через лобовое стекло, Глухов получил незначительные повреждения, а Кузьмин от госпитализации отказался. Костенко даже сразу оперировать не стали: по известным причинам наркоз на него не действовал.

Примерно за неделю до ввода наших войск ГВС Магометов вместе с представителями КГБ устроили в микрорайоне прием для руководства МО ДРА с целью попытаться в последний раз склонить афганского начальника генштаба Якуба и начальника ГЛАВПУРа Экбаль к отказу от поддержки Амина или, по крайней мере, к занятию нейтральной позиции в случае возможного изменения обстановки в стране. Но ни Якуб, ни Экбаль ни на какие уговоры не поддались.

Надо сказать, что наши войска начали высаживаться на аэродроме в Баграме около Кабула. При этом произошел один забавный случай, который мог иметь далеко идущие последствия. Вечером вдруг выключили электричество. Находившиеся в Баграме

наши десантники заподозрили провокацию и тут же арестовали афганского начальника баграмского гарнизона. К счастью, все быстро выяснилось: выбило подстанцию. Извинения были приняты и доклада в Кабул не последовало.

За несколько дней до штурма дворца Амина день и ночь над Кабулом раздавался гул садившихся и взлетающих тяжелых транспортных самолетов. Иностранные представители забеспокоились и на пресс-конференции спросили Амина: «Что это значит?». Амин ответил, что нет причин для беспокойства: «Это транспортная авиация отрабатывает задачи взлета и посадки».

В конце декабря, когда начался ввод советских войск в Афганистан, я находился на узле связи главного военного советника, где присутствовал и первый замначальника ПГУ КГБ СССР генерал-лейтенант Иванов Б.С., который был ответственным от этой организации за устранение Х.Амина и смену руководства ДРА. Когда он получил сообщение о том, что Амин устранен, то бросился обниматься и целоваться со всеми, кто находился в тот момент на узле связи со словами: «Мы победили!» Досталось этих ласк и мне. Отсюда же пришлось транслировать обращение Б.Кармалы к афганскому народу, так как возле радиотелецентра взрывались стоящие там для охраны танки.

С Амином оказалось не так просто, и с самого начала все пошло не по плану. Отравить его на приеме в честь годовщины образования НДПА до конца не удалось. Вызванные советские медики-консультанты из Военного афганского госпиталя Чахорсадбастар при советской дивизии ВДВ, не подозревая о замысле отравителей, промыли Амина, как говорится, до чистой воды и попали под замес. Один полковник медслужбы впоследствии погиб, второй гражданский врач-инфекционист по имени Яша едва не погиб, высунувшись из укрытия, услышав свое имя (у альфавцев был пароль Яша и отзыв «Миша»). Где-то я прочитал, что Мишей звали повара Амина. Может быть и так, но к штурму дворца имя повара никакого отношения не имело.

Штурм дворца Амина начали раньше назначенного времени. В это время комдива 103 дивизии ВДВ привезли познакомить-

*Знакомство руководства ДРА с советской военной техникой.
Крайний справа - руководитель органов госбезопасности Наджиб (Наджибулла)*

ся с начальником генштаба ВС ДРА подполковником М.Якубом. В приемной у Якуба работала на волнах наших военных радиостанция, через которую был и подан приказ начать операцию «Шторм», которая незамедлительно началась. Аdjутант Якуба получил ранение, но сумел выпрыгнуть в окно со второго этажа, Сам Якуб сначала был ранен, но сумел выбежать из кабинета, где был добит Вакилем³, который перед тем, как его прикончить, показывал ему фотографии разных людей и почему-то спрашивал: «А этого помнишь»?

Странно, что возникла такая неразбериха: было оговорено, что на следующее утро Амин официально выступит по радио и объявит о вводе советских войск по приглашению правительства ДРА. В ходе операции по устранению Амина телефонную связь в Кабуле, не долго думая, вывели из строя, взорвав коммутационный колодец. Впоследствии наши связисты страшно ругались на спецслужбы за такое варварство: связь им пришлось восстанавливать не один месяц.

Амин был ликвидирован, но отдельные очаги сопротивления сохранялись. Так, перестрелки имели место в здании минобороны Афганистана. Я в тот день находился рядом с начальником разведки ВДВ генерал-лейтенантом Гуськовым напротив здания МО. Из окна третьего этажа здания МО раздались пулеметные очереди. Генералу поступило распоряжение немедленно подавить сопротивление, так как западные информагентства, дескать, всюю трезвонят, что в Кабуле слышна стрельба, тогда как ТАСС сообщил о бескровном переходе власти в руки «здоровых сил афганского общества». Подогнали гаубицу и прямой наводкой выбили два оконных проема. Стрельба из окна прекратилась.

Затем в Делькоша приехали Бабрак Кармаль, его сподвижница Анахита, Гулябзой и другие члены руководства парчам. Все они были одеты в советские армейские ватники, а на головы некоторых надеты армейские каски. Из Делькоша их на БТРах под охраной наших десантников отправили во временную резиденцию в Чахельсотуне.

После того, как устроителям операции удалось списать все свои прежние проколы (дезинформация Политбюро ЦК КПСС об истинном положении в ДРА и расстановке сил в афганском руководстве) на Амина, состоялось решение Политбюро ЦК КПСС о вводе советских войск на территорию Афганистана. Насколько мне известно, на заседании, когда принималось решение, против него выступил начальник Генерального штаба маршал Огарков, но его достаточно жестко осадил Андропов.

Министр обороны маршал Устинов поручил организацию и осуществление ввода войск своему любимчику - генералу армии Ахромееву, в то время первому заместителю начальника Генерального штаба. Однако Ахромеев, будучи больным, не смог принять участие в операции. Тогда эту задачу поставили первому заместителю министра обороны маршалу Соколову. Именно он и осуществлял руководство подготовкой и самим вводом советских войск в Афганистан с самого первого дня. Генерал армии Ахромеев после выздоровления также прибыл в Кабул и влился в состав оперативной группировки МО СССР.

Б.Кармаль и другие парчамисты из руководства ДРА, воспользовавшись нахождением в республике советских войск, начали чистки во всех органах власти, избавляясь от оставшихся на руководящих должностях халькистов. Вспоминается показательный случай, когда попытались сместить командира газнийской дивизии, которая вела успешные боевые действия против моджахедов. Чтобы как-то сгладить ситуацию, комдиву предложили поехать в Союз на учебу в Академию ГШ.

Я тогда прилетел в Газни на вертолете вместе с маршалом Соколовым и секретарем ЦК НДПА Зирайем (халькист) для объяснения офицерскому составу дивизии необходимости обучения комдива в высшей советской академии. В аудитории, где были собраны офицеры дивизии, обстановка была накалена до предела. Во время выступления маршала Соколова в аудиторию вбежал возбужденный советник дивизии и сообщил порученцу маршала, что к зданию подогнали БТР и пообещали расстрелять всех прибывших из Кабула, если комдива снимут с должности. К счастью, комдив правильно понял ситуацию и согласился поехать на учебу в Союз, о чем он лично сообщил офицерам дивизии. И хотя обстановка несколько разрядилась, взлетали мы с аэродрома Газни с опасением, что нас могут сбить в любой момент.

В течение всего времени нахождения в Афганистане Соколов и Ахромеев неоднократно пытались убедить афганское руководство (Кармаля, премьер-министра Кештманда, секретаря НДПА Нура, руководителя госбезопасности Наджиба и др.) в том, что не время сводить счеты и заниматься межфракционной борьбой, когда в стране разворачивается самая настоящая гражданская война. Но все уговоры были тщетными. Пользуясь поддержкой представительства КГБ в Афганистане, Кармаль и иже с ним с упорством, достойном лучшего применения, продолжили бороться с ненавистными халькистами. Забыв про моджахедов, они все силы бросили на борьбу с бывшими однопартийцами. Кармаль даже жаловался в Москве на Соколова, что тот, дескать, оказывает поддержку халькистам и просил отозвать его обратно в Союз.

В феврале 1980 года в Кабуле поднялся мятеж. Начали сжигать и переворачивать троллейбусы и автомобили особенно в районе Майванд, попытались захватить телевышку. Напуганный Кармаль, потребовал от Соколова начать бомбардировку восставших. Но маршал на это не пошел: дал указание начать полеты истребителей над городом на малой высоте. Страшный рев авиационных двигателей разогнал толпы восставших. Были сохранены жизни сотням афганцев и спасены от разрушения сотни жилых домов.

Вопрос, который до сих пор вызывает споры: а надо ли было вводить войска. Считаю, что не надо было этого делать. Да ввода наших войск в Афганистане было несколько попыток свергнуть власть: восстание батальона командос в Балахесаре в Кабуле, дивизий в Герате и Джалалабаде и в других местах. Руководство генштаба ДРА и, прежде всего, его начальник М.Якуб в течение 24 часов находились на службе и постоянно мониторили ситуацию, давая необходимые указания. В результате удавалось держать обстановку в стране под контролем. Когда же появились наши войска, и сменилось руководство страной, вся ответственность за ведение боевых действий была переложена на советские части и подразделения. Афганское руководство перестало беспокоиться о своей безопасности и все силы бросило на сведение старых счетов. Образно говоря, у Афганистана отрубили голову и к телу приделали новую, а они никак не смогли расстись.

¹Командир батальона танковой бригады, один из героев революции.

²Здание на территории королевского дворца, ставшее резиденцией генерального секретаря ЦК НППА.

³Парчамист, двоюродный брат Б.Кармаля, впоследствии занял пост министра иностранных дел ДРА. Считается, что именно Вакиль в 1996 году выдал моджахедам Наджубуллу, которого они впоследствии растерзали.

«ШАЛОМ» НА СИНАЕ

Константин Дударев

ЭТА ИСТОРИЯ произошла перед моим отъездом из Каира, где я завершал вторую пятилетнюю командировку в качестве корреспондента - заведующего Отделением ТАСС.

Однажды ночью летом 1979 года меня разбудил телефонный звонок, в ночной тишине показавшийся мне оглушительно громким. Чтобы не беспокоить жену и детей я быстро подошел к телефону и, сняв трубку, услышал голос сотрудника Департамента информации Египта, который на английском языке сообщил о том, что через час с военного аэродрома в пригороде Каира отправляется вертолет, который доставит аккредитованных в стране иностранных журналистов на американскую станцию раннего оповещения на Синайском полуострове для освещения официальной церемонии обмена ратификационными грамотами Мирного договора между Египтом и Израилем. Договор был подписан 26 марта 1979 года в Вашингтоне президентом Египта Анваром Садатом и премьер-министром Израиля Менахемом Бегинем.

Времени на дорогу оставалось совсем мало. Поэтому, не допив чашку кофе, я быстро вышел из дома и сел в машину. Я не очень хорошо знал дорогу к аэродрому, поэтому риск опоздать был вполне реальным даже притом, что обычно забитые машинами улицы египетской столицы в этот ранний час были почти пустыми. При

Константин Дударев - востоковед, журналист, редактор, корреспондент, заведующий Отделением ТАСС в Египте (в 1968-1979 гг.)

входе на военно-воздушную базу, предъявил удостоверение охраннику. Узнав, что я советский журналист, он с доброжелательной улыбкой указал на стоявший неподалеку вертолет. Средних размеров «Сикорский» американского производства был практически заполнен. Оставалось лишь два места у входа, где я и расположился.

Примерно через 40 минут полета мы приземлились на хорошо обозначенный белой краской диск на вершине горы. Одним из первых я вышел из вертолета вблизи просторной асфальтированной площадки прямоугольной формы, по бокам которой виднелись белые одноэтажные домики из сборных конструкций. Общий вид станции был ухоженным и вполне мирным. Радаров или другого оборудования, которое журналисты ожидали увидеть на этом военном объекте, не просматривалось. Судя по всему, командование об этом заранее позаботилось.

На противоположном от нас конце плаца стояли покрытые зеленой тканью столы, за которыми сидели организаторы и гости церемонии. Рядом с ними были видны флаги Египта, Израиля и США. Видимо, там и должен был состояться акт обмена ратификационным грамотами.

Журналисты медленно двинулись к центру торжества. Я оказался в авангарде и заметил, как к нам направилась стайка девочек, судя по всему, израильтянок, с большими букетами цветов. Они явно предназначались журналистам, в том числе, и мне. Вместе с ними шли трое фотографов. Расстояние между нами быстро сокращалось, и я начал думать, как бы избежать вручения цветов, чтобы не попасть на первые страницы египетских, израильских или западных газет, и не поставить в неловкое положение организаторов и самого себя.

Дело в том, что Советский Союз, как и многие арабские страны, не поддержал подписание сепаратного мирного договора между Каиром и Тель-Авивом, чего долго добивались Израиль и США, чтобы вывести Египет - самую сильную в военном отношении страну арабского мира - из борьбы за возвращение арабских земель, оккупированных Израилем в результате «шестидневной войны» в июне 1967 года. Сирия, Ирак, Ливия и Алжир расценили этот шаг Каира как предательство интересов арабов. Впослед-

Автор и корреспондент «Комсомольской правды» Анатолий Агарышев перед вылетом в командировку на месторождения нефти в Красном море

ствии к осуждению договора присоединились Иордания, Саудовская Аравия и некоторые другие арабские государства.

В холодной войне - этом глобальном противостоянии между Советским Союзом и США - Египет переходил из советского лагеря в американский. Для нас это был «чужой праздник» - событие со знаком минус, но я, как корреспондент ТАСС, одного из крупнейших мировых информационных агентств, был должен там присутствовать, чтобы своими глазами увидеть и сообщить об этом в общем-то историческом событии, знаменовавшем прекращение состояния войны между Египтом и Израилем. Скорее всего, именно по этой причине и из-за нехватки мест в вертолете, я и оказался единственным советским журналистом, приглашенным к освещению этого важного этапа в развитии затянувшегося военного противостояния.

В основе арабо-израильского или ближневосточного конфликта лежит спор двух этнически близких народов арабов и евреев за Палестину, историческую область в Восточном Средиземноморье, охватывающую части территории нынешних государств Израиля, Иордании, Сирии и Ливана.

В 1948 году на территории подмандатной Палестины, по решению международного сообщества в лице ООН был создан «национальный очаг» - собственное государство для рассеянных по всему миру евреев, больше других пострадавших от Холокоста - геноцида евреев - во время Второй мировой войны. Это решение было своего рода компенсацией евреям за перенесенные ими страдания, как во время войны, так и гонения и ущемление их прав в предшествовавшие десятилетия и даже столетия.

В качестве географического места создания нового государственного образования рассматривались различные варианты, в том числе и в СССР на территории нынешнего Биробиджана, в Крыму. И даже... на острове Мадагаскар. Однако, лидеры сионистского движения, считающие Палестину исторической родиной еврейского народа, настояли именно на этой территории в Восточном Средиземноморье, где более двух тысяч лет назад жили евреи, что зафиксировано в Новом Завете.

После Первой мировой войны Палестина, с 1918 года, являлась подмандатной территорией Великобритании. Но еще до войны сионистские организации и вооруженные формирования пытались обосноваться в Палестине, сгоняя арабов с насиженных мест, заставляя их угрозами и силой продавать за бесценок свои дома и земли. При этом раньше арабы и евреи мирно соседствовали в Палестине, общались и даже дружили семьями.

Надо сказать, что в целом арабы и евреи - близкие родственники, жившие вместе многие века на Аравийском полуострове и в других районах Ближнего Востока. Иврит и арабский язык - также родственные языки т.н. семитической группы. У них много однокоренных слов, отличающихся друг от друга только произношением. Самый простой пример: приветствие на арабском языке - «салам алейкум», а на иврите - «шалом алейхум».

После продолжительных дискуссий 29 ноября 1947 года Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию №181, предусматривающую создание на земле Палестины двух государств - еврейского и арабского. Причем, еврейское по площади гораздо больше арабского. В ответ арабское население Палестины и арабские

страны, выступили резко против создания еврейского государства в Палестине, которую они считают арабской землей.

Провозглашение 14 мая 1948 года еврейским Национальным советом создания государства Израиль стало детонатором многолетнего арабо-израильского вооруженного противостояния. Уже на следующий день египетские самолеты подвергли бомбардировкам столицу Израиля Тель-Авив. В войну против еврейского государства вступили армии Египта, Сирии, Трансиордании, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии и т.н. Палестинская армия. Общая численность арабских войск составила около 30 тыс. военнослужащих. Им противостояла созданная к концу мая 1948 года Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ), сформированная из еврейских военизированных формирований, занимавшихся ранее «зачисткой» территории будущего государства от палестинских арабов. В Армию обороны Израиля вошли формирования «Хагана» (Организация обороны), «Эцел» (Национальная военная организация) и «Лехи» (Борцы за свободу Израиля).

Несмотря на «младенческий» возраст еврейского государства и израильской армии, войскам арабских государств не удалось добиться больших успехов на поле боя. Война затягивалась, стороны несли потери, поэтому в начале 1949 года при посредничестве ООН были начаты мирные переговоры с участием всех воюющих сторон. А в феврале 1949 года на острове Родос было заключено египетско-израильское перемирие, к которому затем присоединилась Трансиордания. К 20-му июля того же года соглашение о перемирии подписали Сирия и Израиль.

Согласно подписанным соглашениям, прибрежная полоса, Галилея и вся пустыня Негев отошли к Израилю, а полоса Газы - к Египту. Земли Палестины к западу от реки Иордан, не занятые израильскими войсками, оказались под контролем Трансиордании, которая, включила эту территорию в свой состав в апреле 1950 года, получив свое нынешнее название Иордания - без частички «транс». Город Иерусалим поделили на две части: западная досталась Израилю, а большая восточная часть отошла Иордании. В восточной части оказался Старый город с Храмовой горой - святым местом трех мировых религий: христианства, ислама и иудаизма.

Шестидневная война 1967 г.

Однако, подписанные документы не устранили основных причин конфликта: Палестинское арабское государство так и не было создано. Арабские страны продолжали считать себя в состоянии войны с Израилем, само существование которого рассматривалось ими как «незаконное». Конфликтная ситуация, враждебность и напряженность между Израилем и арабскими странами сохранялась.

В 1956 году воинственные и экспансионистские настроения Израиля в отношении соседних арабских стран решили использовать в своих интересах правительства Англии и Франции. После того, как 26 июля того же года президент Египта Гамаль Абдель Насер объявил о национализации Суэцкого канала - важнейшей водной артерии, находящейся целиком на территории Египта, но принад-

лежавшей акционерам Англии и Франции, - в Лондоне, Париже и Тель-Авиве был разработан план военного ответа. Три страны считали, что их совместное применение вооруженной силы может заставить руководство Египта отказаться от национализации прав на владение Суэцким каналом. Также они рассчитывали подтвердить свои претензии на господство в регионе Арабского Востока, которое к тому времени было подорвано в результате национально-освободительной борьбы арабов, поддержанной СССР и другими социалистическими странами. Было решено, что англичане и французы военной силой захватят Суэцкий канал, а Израилю, по плану, было поручено нанести первый удар.

В соответствии с этим планом 29 октября 1956 года израильские войска начали войну, вторгнувшись на Синайский полуостров. Вслед за ними 31 октября английские и французские войска подвергли Египет бомбардировкам с воздуха и с моря, а 5 ноября высадили десант в районе Порт-Саида.

По призыву президента Насера на борьбу против агрессоров поднялись не только вооруженные силы, но и гражданское население Египта, выйдя на защиту Порт-Саида. На международной арене в поддержку Египта выступил Советский Союз и другие социалистические страны, правительства Индии и Индонезии, многие международные и национальные общественные организации, требовавшие немедленного прекращения агрессии. Неожиданно для Лондона и Парижа против агрессии высказалось руководство США.

31 октября правительство СССР резко осудило агрессию и призывало Совет безопасности ООН принять немедленные меры для ее прекращения. Однако все попытки СССР добиться принятия Советом резолюции с требованием положить конец агрессии ветировались Англией и Францией. Не возымели действия и резолюции, многократно принимаемые Генеральной Ассамблеей ООН, с требованием прекратить огонь и вывести англо-франко-израильские войска из Египта.

5 ноября 1956 года советское правительство в посланиях правительствам Англии, Франции и Израиля предупредило о своей ре-

шимости применить вооруженную силу для восстановления мира на Ближнем Востоке. Это предостережение остудило пыл агрессоров, и 7 ноября 1956 года войска Англии, Франции и Израиля прекратили военные действия на территории Египта, рассчитывая закрепиться - Израиль на Синайском полуострове, а войска Англии и Франции - в захваченном ими Порт-Саиде. Отказаться от этих намерений их заставило новое предостережение Москвы, сформулированное в заявлении ТАСС от 11 ноября 1956 года, в котором сообщалось о возможности приезда в Египет советских граждан-добровольцев, выразивших желание принять участие в борьбе египетского народа за независимость.

О готовности встать на сторону Египта с оружием в руках заявили добровольцы из Индонезии, страны с самым многочисленным мусульманским населением, и из других стран. А 15 ноября правительство СССР направило правительствам стран-участников агрессии новые послания, с требованиями немедленного вывода войск с египетской территории и возмещения причиненного Египту ущерба.

Таким образом, под нажимом со стороны СССР и многих других стран Англия и Франция были вынуждены вывести свои войска из Египта. Израиль сделал это к 8 марта 1957 года. Вскоре с согласия египетского правительства войска ООН были размещены для контроля за соблюдением договоренностей на египетской территории в порту Шарм аш-Шейха и вдоль египетско-израильской демаркационной линии на Синае, установленной соглашением между Египтом и Израилем от 24 февраля 1949 года.

Третья арабо-израильская война началась в 1967 году с вывода войск ООН по требованию Египта и закрытия Тиранского пролива и Суэцкого канала для прохода израильских судов. К 5 июня 1967 года Египет, Сирия и Иордания сконцентрировали свои войска на линиях перемирия с Израилем. Причем, по свидетельству источников, в количественном отношении арабские войска превосходили израильские в 1,8 раза, в танках - в 1,7 раза, в артиллерии - в 2,6 раза, в боевых самолетах - в 1,4 раза. Это не сулило Израилю ничего хорошего. Однако израильское руководство

решило действовать на опережение и само начало наступление. Фактор внезапности, с одной стороны, и чрезмерная самоуверенность в превосходстве своих сил арабов, с другой, сыграли роковую роль. Всего за один день израильская авиация полностью уничтожила боевую авиацию Египта и большую часть сирийских самолетов, прежде всего - на земле. Добившись господства в воздухе, Израиль быстро захватил весь Синайский полуостров, Голанские высоты в Сирии, Иудею и Самарию в Палестине, а также Восточный Иерусалим. Война продолжалась всего 6 дней и по этой причине вошла в историю под названием «Шестидневной».

Как и в прежние годы, большую роль в прекращении военных действий сыграл Советский Союз. 22 ноября 1967 года Совет безопасности ООН принял резолюцию № 242, содержащую требование вывода израильских войск с оккупированных арабских земель, которую Тель-Авив при покровительстве Вашингтона игнорирует по сей день.

Через два года - в 1969 году Египет, не примирившийся с оккупацией Израилем Синайского полуострова, начал так называемую «харб уль-истинзаф» - «войну на истощение», чтобы сделать для Тель-Авива оккупацию Синая неприемлемой. В ходе этой войны египетские войска не раз форсировали Суэцкий канал, совершали воздушные налеты на израильские позиции на полуострове, обстреливали оккупантов из артиллерийских орудий через канал. В ответ израильская авиация наносила удары по глубинным районам Египта, разрушая военные и гражданские объекты. В 1970 году война закончилась подписанием соглашения о прекращении огня. Обе стороны остались на прежних позициях.

...Как явствует из сказанного, в арабо-израильском противостоянии на Ближнем Востоке Египет играл ключевую роль. Поэтому иностранный журналистский корпус в Каире был весьма многочислен. Здесь были представлены крупнейшие СМИ Западной Европы, Америки и Азии. Но, пожалуй, больше всего было корреспондентов из СССР. После поражения Египта в войне 1967 года советское руководство приняло решение поддержать президента Насера и уговорило его не уходить в отставку с поста президента, пообещав

оказать всю необходимую помощь в восстановлении экономики и вооруженных сил. ЦК КПСС принял Постановление о расширении представительства советских СМИ в Египте для более полного освещения событий в этой важной для нас стране. Кстати, в конце 1970-х годов американские политологи признавались, что именно прочные позиции СССР в Египте, в Сирии и в других ближневосточных странах были той каплей на чаше весов, которая склонила Вашингтон пойти на разрядку отношений с Советским Союзом.

Несмотря на состояние войны, жизнь в Каире и других городах в глубине Египта протекала довольно спокойно. Комендантского часа в столице введено не было. Больше всего от войны страдала экономика по той причине, что бюджет был лишен одного из главных источников дохода - поступлений от эксплуатации Суэцкого канала. Водная артерия стала рубежом, отделявшим позиции египетской армии от израильской. Во время войны 1967 года Израилю удалось не только захватить и оккупировать Синайский полуостров, но и создать укрепленные позиции на восточном берегу канала. Время от времени между враждующими сторонами возникали перестрелки, иногда с участием артиллерии. Поэтому возобновление судоходства по каналу было невозможно. Помимо потери доходов от Суэцкого канала страна лишилась большого количества рабочих мест, связанных с его эксплуатацией в Исмаилии, Порт-Саиде и Суэце. Это усугубляло и без того острую и хроническую проблему безработицы.

Возврат Израилем самого Синайского полуострова имел бы для Египта стратегическое и геополитическое значение. Возобновление судоходства дало бы прежние поступления в бюджет. Но в практическом отношении малопригодные для жизни человека пустыни и горные массивы не представляли большой ценности ни для Тель-Авива, ни для Каира. Именно поэтому израильское руководство без особого сожаления предложило вернуть Египту полуостров в качестве разменной монеты за выход Каира из арабо-израильской военной конфронтации. Хотя президент Садат и его пропаганда преподносили возвращение Синая, как крупную «победу» Египта, в действительности именно Каир пошел на уступки

*Подписание Кемп-Дэвидского соглашения
17 сентября 1978 г.*

и под давлением США сделал то, чего от него требовали. По сути, это была награда за выход Каира из борьбы.

Но для того, чтобы Синай включить в хозяйственный оборот, его сначала надо было освоить и вложить в него сотни миллионов, даже миллиарды египетских фунтов, привлечь огромные материальные и человеческие ресурсы, которые были нужны Египту для решения более насущных экономических проблем и освоения территорий, находящихся гораздо ближе к основным жизненным центрам страны. Даже сегодня - через несколько десятилетий после возврата Синая, который часто описывают как «шестьсот километров пустоты», Египет освоил, и то частично, лишь южную оконечность полуострова, построив там курортное поселение Шарм аш-Шейх. Но и его нельзя полноценно использовать из-за угрозы нападения террористов, обосновавшихся в горных и пустынных районах полуострова.

Спокойная жизнь в Каире и других частях Египта нарушалась в конце 1960-х годов во время «войны на истощение», в ходе которой Тель-Авив, «принуждая Египет к миру» наносил авиаудары по военным и гражданским объектам на его территории, включая промышленные пригороды Каира. О налетах в столице предупреждал вой сирен воздушной тревоги. Но реакция населения на него была довольно странной. Вместо того, чтобы устремляться в укрытия, люди, движимые любопытством и, видимо, не очень понимая опасность ситуации, целыми семьями высыпали на плоские крыши домов, чтобы наблюдать за израильскими самолетами и взрывами бомб. Иногда аналогично поступали и мы - обитатели ТАССовской виллы. Впрочем, для жителей центральных районов столицы все кончалось благополучно, потому, что в центр города самолеты почти не залетали.

Небезопасными были некоторые поездки иностранных журналистов на линию фронта, организуемые египетским Департаментом информации. Однажды во время поездки в город Исмаилия, расположенный в середине Суэцкого канала, мы попали под обстрел с противоположного берега, где находились снайперы. Поэтому передвигаться между домами приходилось короткими перебежками, низко склонившись к земле. Все обошлось благополучно: никто не пострадал. Но опасность, прежде всего, для жителей города, была вполне реальная. Бывали и жертвы среди мирного населения.

Не могу не вспомнить еще одну поездку в район Исмаилии. Власти хотели показать журналистам новую деревню, построенную вблизи Суэцкого канала для феллахов. После посещения нескольких скромных одноэтажных жилищ, обитатели которых перед гостями благодарили правительство за заботу, ко мне уже на улице подошел пожилой феллах и, убедившись, что я советский журналист, стал быстро, оглядываясь по сторонам говорить о том, что раньше в его доме и домах соседей квартировались советские военные специалисты - «очень хорошие люди, которые помогали защищать Египет». Он объяснил, что во время встречи с журналистами в его доме в присутствии представителей властей он не мог поблагодарить Советский Союз за помощь в защите Родины, но считает своим долгом сделать это сейчас, «чтобы русские не думали, что египтяне -

люди, не знающие благодарности». Произнеся эти слова, он пожал мне руку, и быстро отошел в сторону. Я был тронут. В условиях, когда садатовская пропаганда обвиняла Советский Союз во всех бедах Египта, общение с советским журналистом могло иметь серьезные последствия для феллаха. И, тем не менее, он пошел на риск и высказал мне то, что считал своим долгом сказать...

Это был далеко не единственный случай, когда мне довелось слышать слова благодарности в адрес нашей страны, причем, не только в Египте. Значительно позже, в 2000 году во время поездки на Бахрейн один из руководителей Торгово-промышленной палаты этой страны, называвший себя «насеристом», сказал, что арабский мир «в большом долгу перед Советским Союзом, который так много сделал для арабов». Он вспомнил поддержку Советским Союзом Египта и Сирии в войнах против Израиля, строительство с помощью СССР в Египте высотной Асуанской плотины на Ниле и многих других крупных промышленных объектов в различных арабских странах.

Для того, чтобы оправдать перед египтянами поворот в политике на 180 градусов - отказ от сотрудничества с СССР и переход в лагерь США - Анвару Садату, ставшему президентом после внезапной смерти Насера, приходилось придумывать разные небывлицы и мифы. Так, например, военное поражение в «шестидневной войне» 1967 года с Израилем он объяснял тем, что советское руководство, якобы, снабжало Египет устаревшими видами оружия. Тогда как Вашингтон, по его словам, поставлял Тель-Авиву все самое современное вооружение. При этом Москва, преднамеренно «придерживала» новые образцы самолетов и танков для того, чтобы как можно дольше сохранять Египет в орбите своего влияния. Тиражировались утверждения о том, что советское оружие намного уступает по эффективности американскому, поставляемому Израилю, несмотря на то, что опыт военных действий в других странах, как, например, во Вьетнаме, доказывал обратное.

Для оправдания своей капитулянтской позиции египетский президент сыпал обвинениями и в адрес бывших союзников - арабских стран, которые-де не помогали Египту в борьбе против

Израиля. Что касается, национальных прав арабского народа Палестины, то, по словам египетского президента, сами палестинцы «благоденствуют в Египте и других странах и забыли о борьбе за свои права». «Большинство посетителей ночных клубов Каира, - витийствовал президент Садат, - являются богатыми палестинцами, прожигающими жизнь». Если это так, говорил он, то почему и без того небогатые египтяне одни должны приносить жертвы и терпеть лишения во имя интересов других арабов, которые живут гораздо лучше их? Проверить эти утверждения было практически невозможно. Но на бедные слои населения и египетских крестьян, чей рацион состоял обычно из хлебной лепешки, помидора и лукавицы, демагогическая риторика Садата оказывала влияние.

Между тем, благодаря помощи Советского Союза, потенциал египетской армии постепенно восстанавливался. Она получила немало новой советской военной техники, в Египет приехали тысячи советских военных специалистов и советников, помогавших осваивать вооружение. Однако, летом 1972 года Садат под давлением Вашингтона принял решение о выходе советского воинского контингента из Египта. Новое вооружение и окрепший моральный дух армии позволили руководителям Египта и Сирии договориться о совместной попытке вернуть оккупированные в 1967 году Израилем земли.

Садат много раз, начиная с 1971 года, угрожал Тель-Авиву войной, если тот не вернет оккупированные территории. Но эти угрозы всегда оставались без последствий. Возможно, поэтому 6 октября 1973 года, в крупнейший иудейский праздник Йом Киппур (Судный день) начатая Египтом военная операция оказалась неожиданной для Тель-Авива. Египетские войска успешно и без больших потерь форсировали Суэцкий канал и отбросили израильские войска вглубь Синая. Поставленные СССР системы противовоздушной обороны успешно отбивали попытки израильской авиации нанести удары по глубинным районам Египта. В ходе одного из массированных налетов с участием 80 израильских «Фантомов» 18 были сбиты средствами ПВО.

Однако, через три дня Израилю удалось перехватить инициативу и не только вернуть потерянные ранее позиции на восточном

берегу Суэцкого канала, но и переправить значительные силы на западный берег - на африканский континент. Египетские средства ПВО были выведены из строя группами диверсантов, а в южной части канала, в районе Суэца, израильские танки вышли на дорогу на Каир. Они оказались в 70 километрах от египетской столицы. Аналогичным образом - успех в первые дни и поражения в последующий период - развивались события в Сирии. Израильские танки оказались на расстоянии 35 километров от Дамаска.

С самого начала военных действий Москва установила с Каиром и Дамаском воздушный мост, по которому осуществлялись непрерывные поставки военной техники и боеприпасов. Военные поставки шли и по морю. На международной арене в Совете Безопасности ООН советское руководство настойчиво добивалось прекращения продвижения израильских войск. Однако только после заявления Советского правительства с предостережением Израилю о «самых серьезных» для него последствиях в случае невыполнения требований прекратить наступление, Тель-Авив остановил 24 октября продвижение своих войск и согласился на перемирие.

Медаль в честь египетско-израильского мирного договора 1979 г.

Международная ситуация была накалена до предела. СССР и США привели в состояние боеготовности свои стратегические войска. Мир был поставлен на грань глобальной ядерной катастрофы. Для того, чтобы ее избежать Москва, а за ней и Вашингтон оказали беспрецедентный нажим на Израиль, который был вынужден остановить продвижение своих войск и пойти на прекращение огня. Эта война по времени ее проведения была названа «Октябрьской».

Египетские средства массовой информации широко освещали ход событий в первые - успешные для Египта - три дня войны и замалчивали печальные для него события в последующее время. В результате дело доходило до того, что многие в Египте были убеждены, что их страна одержала победу, и что египетская армия даже «взяла» Тель-Авив и Иерусалим. С подачи официальных лиц и СМИ Садата стали называть «героем», а день начала войны - 6 октября стал отмечаться как национальный праздник военными парадами. Забегая вперед, заметим, что на одном из таких парадов 6 октября 1981 года Садат и был убит выстрелами в упор одним из мусульманских фанатиков, не без попустительства, как выяснилось позже, египетской военной разведки, отвечавшей за обеспечение безопасности на параде.

В дальнейшем стало ясно, что разговоры о «победе» Египта были частью тщательно подготовленной политики руководства, имевшей целью убедить народ в том, что Египет «отомстил» Израилю за поражение, восстановил свою честь и теперь может говорить с ним о «почетном мире на равных». Многие в Египте считали, что, начав октябрьскую войну, Садат не ставил задачу освобождения Синая, а хотел всего лишь получить предлог для заключения сепаратного мира с Израилем. Тема «почетного мира» с Израилем стала одной из главных в многочисленных публичных выступлениях главы государства. А летом 1977 года он перевел разговор в практическую плоскость, объявив о своей готовности и намерении посетить Иерусалим, чтобы обсудить с премьер-министром Израиля условия заключения мира. Это заявление Садата произвело эффект разорвавшейся бомбы в арабском мире. Многим эта идея показалась невероятной. Но в ноябре 1977 года поездка состоялась.

19 ноября Садат прибыл в Израиль. И уже в аэропорту Бен Гурион начал обниматься с руководителями Израиля, дважды нанесшим поражение Египту и оккупировавшим территории Египта, Сирии и Иордании. На следующий день Садат принял участие в заседании Кнессета и произнес с трибуны парламента речь, в которой призвал к миру между Израилем и арабскими странами, заявив при этом о необходимости вывода израильских войск со всех территорий, занятых в ходе «шестидневной войны» 1967 года и необходимости создания независимого Палестинского государства. Однако, Организацию освобождения Палестины Садат в своем выступлении не упомянул, что было воспринято в Израиле, как добрый знак. Никакой реакции не последовало и на его слова о необходимости ухода Израиля с захваченных им арабских земель.

Поездка Садата в Израиль вызвала бурю осуждения и негодования в арабском мире. Сирия, Ливия, Ирак и Южный Йемен разорвали дипломатические отношения с Египтом. Каир же продолжал интенсивные переговоры с Израилем и США, которые склоняли его к отказу от продолжения борьбы и выходу из единого арабского фронта. Госсекретарь США Генри Киссинджер развернул свою знаменитую «челночную дипломатию», снуя между Каиром, Тель-Авивом и Вашингтоном, принуждая Каир идти на уступки.

Результатом усилий Вашингтона и Тель-Авива стало подписание в 1977 году президентом Садатом и премьер-министром Израиля Бегином в резиденции президента США Джими Картера в Кэмп-Дэвиде двух документов, определявших основные условия будущего сепаратного мирного договора между Египтом и Израилем. Согласно этим документам, в обмен на мир Каир получал от Тель-Авива Синайский полуостров. Было договорено, что стороны подпишут мирный договор, который прекратит состояние войны между ними. Предусматривался так же обмен дипломатическими представительствами на уровне посольств.

Перечисленные драматические события предшествовали церемонии обмена ратификационными грамотами Мирного договора, ставшей финальной стадией процесса установления мира.

...Наряду с журналистами из ТАСС, АПН, и Гостелерадио, в Каире работали корреспонденты «Правды», «Известий», «Комсомольской Правды», «Труда», журнала «Новое время». Сами журналисты шутили на эту тему: «Не хватает только корреспондента «Мурзилки» - популярного в то время детского журнала.

В конце 1960-х годов корреспондентом «Правды» в Каире работал Евгений Максимович Примаков - в будущем министр иностранных дел, заложивший основы внешней политики новой России, и премьер-министр РФ. Он дружил с заведующим Отделением ТАСС А.К.Кисловым и нередко заходил пообщаться на нашу виллу. По приглашению моего шефа на этих встречах обычно присутствовал и я. Примакова было интересно слушать, поскольку он всегда смотрел «в корень», знал или пытался понять подоплеку тех или иных событий. Несмотря на то, что я в ту пору был еще начинающим журналистом и новичком в Египте, он с интересом слушал и мои впечатления от встреч с египетскими и иностранными журналистами, о поездках по стране, в которых мне доводилось бывать.

В связи с многочисленностью журналистского корпуса и ограниченностью мест в самолетах Департамент информации при отборе участников организуемых им полетов по Египту обычно отдавал предпочтение корреспондентам информационных агентств, у которых было больше возможностей по распространению информации, чем у представителей газет - наши сообщения рассылались во все национальные и во многие зарубежные СМИ.

Помню, как в 1969 году, во время «войны на истощение», после моего участия в полете международной пресс-группы над египетскими городами и гражданскими объектами, подвергшимися израильским бомбардировкам, Примаков приехал к нам в ТАСС послушать мой рассказ. Обычно атмосфера встреч была непринужденной, а темы - самые разные. С коллегами-журналистами Евгений Максимович держался просто и доброжелательно. Кроме того, в качестве корреспондента «Правды» на Ближнем Востоке он сам часто ездил в командировки в соседние арабские страны - в Сирию, Ливан, Ирак, Иорданию. Его рассказы об этих поездках позволяли посмотреть на ситуацию в Египте и на Ближнем Вос-

токе под другим углом зрения и были очень интересны и полезны для тех, кто, не выезжая, работал в Египте.

Чувство юмора было у Примакова в крови. Даже говоря на серьезные темы, он находил место для шутки. Большой знаток анекдотов, он любил и умел хорошо их рассказывать, вызывая, как правило, восторг слушателей.

Позднее «Правду» в Египте представлял известный востоковед-арабист, ставший затем академиком РАН, многолетним директором Института Африки А.М.Васильев, который написал лучшую в нашей стране, самую подробную и полную историю Саудовской Аравии. Многие молодые дипломаты, прошедшие школу дипслужбы в посольстве СССР в Каире, тогда самом многочисленном в мире, стали российскими послами в различных странах - А.Г.Аксененок, А.Г.Бакланов, А.Г.Иванов-Галицин, Г.С.Тарасов, а один из них Г.М. Гатилов стал заместителем Министра иностранных дел России. И это лишь те дипломаты, с которыми я был лично знаком.

Отделение ТАСС в Каире также было самым крупным за рубежом. В разное время в 1970-е годы в нем работало до 10 журналистов - больше, чем в отделениях ТАСС в таких мировых столицах как Вашингтон, Лондон и Париж.

Условия для работы и проживания в Каире были вполне комфортными. Незадолго до моего первого приезда в сентябре 1968 года ТАСС приобрел в центре Каира - на острове Замалек, посреди вод реки Нил - просторную двухэтажную виллу, окруженную небольшим садом с апельсиновыми и манговыми деревьями. Первый этаж был отведен под рабочие кабинеты, а второй - под жилье, что, учитывая порой почти круглосуточный режим работы, было очень удобно. Не надо было терять время на поездки из бюро в квартиры по запруженным машинами улицам многомиллионного Кира. Никаких причин для беспокойства за членов семьи: пока главы семейств работали в кабинетах на первом этаже, жены и дети находились либо на втором этаже, либо в саду. Там был небольшой бассейн в форме фасолины, благодаря которому ТАССовские дети быстро учились плавать и росли здоровыми.

Своими виллами на острове Замалек, обзавелись АПН и Гостелерадио. Это стало возможным, благодаря тому, что президент На-

Сотрудницы и сотрудники Отделения ТАСС с женами и детьми

сер в знак благодарности Советскому Союзу сделал исключение из закона, запрещавшего иностранным представительствам приобретать недвижимость в Каире. Большой хороший участок рядом с резиденцией главы Египта, на улице Гиза, ведущей к пирамидам, приобрело и Посольство СССР.

Средний возраст советских журналистов составлял 35-40 лет. Хотя были люди и за 50. Я поехал в Каир с женой вскоре после свадьбы, и в начале 1970-х у нас на берегах Нила родились две дочери. По египетскому закону они имели право на получение гражданства, однако, мы этим правом не воспользовались. С учетом активного возраста журналистов, дипломатов и других сотрудников советских учреждений рождение ребенка не было редким явлением.

В следующий раз судьба свела меня с Е.М. Примаковым также на Ближнем Востоке. В январе 2003 года он прилетел в Саудовскую Аравию во главе делегации Торгово-промышленной палаты РФ для участия в Ближневосточном Экономическом форуме в

Джидде. Доклад Примакова с глубоким анализом геополитической и экономической ситуации и перспектив ее развития на Ближнем Востоке и в мире, в целом, вызвал большой резонанс и был опубликован во многих саудовских газетах.

Я присутствовал на форуме, как менеджер по развитию бизнеса на Аравийском полуострове крупнейшей российской строительной компании ООО «Стройтрансгаз» (СТГ). На меня была возложена задача вывести компанию на очень перспективный и привлекательный рынок нефтегазового строительства Саудовской Аравии, который раньше был полностью закрыт для российского бизнеса и монополизирован строительными «грандами» из США и других стран Запада. С учетом того, что в недавнем прошлом Саудовская Аравия находилась во враждебном России лагере и была ближайшим союзником США, задача эта действительно стала не из легких. Многие в руководстве СТГ даже считали мое предложение выйти на рынок Саудовской Аравии провальной априори идеей и «бесполезной тратой времени и денег». Впервые получить проект в Саудовской Аравии для российской компании, действительно, являлось труднейшей задачей. Поэтому помощь со стороны Примакова, уважение к которому не скрывал сам саудовский Король, могла бы оказаться очень полезной.

Сразу после выступления на форуме Король Абдалла пригласил Евгения Максимовича на встречу в столицу, прислав за ним личный самолет. В ходе встречи монарх рекомендовал Примакову посетить национальное достояние Королевства - крупнейшую в мире нефтегазовую корпорацию «Saudi Aramco». Зная о моей миссии, Евгений Максимович поддержал намерение «Стройтрансгаза» работать на Аравийском полуострове и включил меня в состав сопровождавшей его делегации.

Неудивительно, что в «Saudi Aramco» главе ТПП РФ и сопровождающей его делегации был оказан королевский прием. Президент и главный исполнительный директор Абдалла Джумаа в течение всего рабочего дня не отходил от нас, показывая обычно закрытые для посетителей сектора компании, в том числе, ее гордость - третий в мире по мощности компьютер и операционный зал, из кото-

рого осуществлялся автоматический контроль за всеми операциями «Saudi Aramco» от добычи сырой нефти, ее транспортировки, погрузки в танкеры и разгрузки в портах назначения в Америке, Европе, Азии. Все эти процессы уже тогда можно было отслеживать в режиме он-лайн. С большим интересом мы осмотрели великолепный «Музей нефти», экспозиция которого рассказывает об истории открытия месторождений нефти в мире и в Аравии, а также этапы создания нефтяной промышленности в Королевстве.

Е.М.Примаков представил меня президенту «Saudi Aramco», которому я рассказал об ОАО «Стройтрансгаз» и наших проектах. В ответ Абдалла Джумаа приветствовал решение компании выйти на рынок Королевства, но предупредил, что это будет возможно только в том случае, если СТГ будет соответствовать «жестким, если не сказать жестоким требованиям», предъявляемым «Saudi Aramco» к подрядчикам.

Во время моего рассказа об СТГ Евгений Максимович предложил мне пригласить руководителей «Saudi Aramco» посетить Россию, чтобы они могли своими глазами увидеть построенные нами объекты, что я немедленно и сделал, пообещав, что письменное приглашение из Москвы будет направлено в ближайшие часы. Через два месяца делегация во главе с первым вице-президентом «Saudi Aramco» и руководителями ряда его департаментов посетила штаб-квартиру ОАО «Стройтрансгаз» в Москве, а также его уникальные объекты на газовом месторождении Заполярное, находящемся за Полярным кругом.

Саудовские гости были впечатлены масштабами и сложностью работ, выполненных в зоне вечной мерзлоты. Поэтому в дальнейшем, во время прохождения предквалификационных процедур - длительного и очень сложного процесса, который не всегда удавалось успешно завершить даже некоторым крупным иностранным компаниям - один из руководителей «Saudi Aramco» прямо сказал мне, что для нас это просто формальность, так как он и его коллеги своими глазами видели достижения и возможности СТГ. Я сопровождал делегацию во время визита и видел, как с каждым днем менялись представления ее членов о России в лучшую сторону.

Памятник Е.М.Примакову в Каире

С благословения Примакова «Стройтрансгаз» вышел на саудовский рынок, а впоследствии выиграл тендер на строительство нефтепровода стоимостью свыше 100 млн. долларов и успешно его реализовал, получив высшую оценку со стороны Заказчика и предложение оставаться работать в королевстве «навсегда». Настороженное отношение к российскому бизнесу в Саудовской Аравии было поколеблено, а скептики в СТГ посрамлены.

...Но, возвратимся на Синай, где проходила та самая церемония подписания, с которой я и начал свой рассказ.

Журналисты подошли вплотную к организаторам и после вручения цветов, - а я, чтобы избежать публичности, предусмотрительно переместился в арьергард группы и остался без букета, - была объявлена программа дня. Она включала проведение небольшого парада. Первыми по плацу, чеканя шаг, прошли египетские воен-

ные - черноволосые, бородатые брутального вида мужчины. Вслед за ними под звуки военного оркестра вышла израильская колонна, которую возглавлял взвод барабанщиц - белокурых девушек лет 18-20 с распущенными волосами в белых блузках. Расчет израильтян оправдался: сосредоточенное выражение юных девичьих лиц и барабанная дробь вызвали интерес у зрителей и произвели более сильное впечатление, чем суровые египтяне... Щелчки затворов фотоаппаратов заглушали голос из динамиков. Парад закончился.

Время перевалило за полдень, но к обмену ратификационными грамотами все не приступали. Повисла пауза. На мой вопрос о причинах задержки представитель Департамента информации Египта ответил, что израильтяне в последний момент внесли изменения в подготовленные ранее тексты Договора, и теперь Каир и Тель-Авив по телефону в авральном режиме согласовывали формулировки.

Вскоре обмен грамотами все-таки состоялся. Прозвучали гимны Египта, Израиля и США. Присутствовавшим, в том числе, и мне, раздали коробочки с бронзовыми памятным медалями, отчеканенными в Израиле в честь Мирного договора.

В ходе церемонии, мне не раз приходила в голову мысль о том, что я здесь - единственный советский человек. Каково же было мое удивление, когда совсем рядом за спиной услышал громкий возглас на чистом русском языке: «Эй, товарищи! С шаломом («шалом» - «мир» на иврите) покончено! Поехали по домам!» Оглянувшись, я увидел группу израильских военных музыкантов, на ходу укладывавших медные трубы в чехлы и торопившихся к автобусам, на которых они приехали из Израиля...

Возвратившись на виллу ТАСС, я допил остывший кофе и отправил в Москву краткое сообщение о факте обмена ратификационными грамотами и прекращении состояния войны между Египтом и Израилем.

И вот уже более 40 лет памятная медаль в честь Египетско-израильского мирного договора хранится у меня дома. Увидев ее недавно на полке книжного шкафа, я вспомнил об этой истории, которой мне захотелось поделиться.

К ВОПРОСУ О БРИТАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ИНДИИ

Дмитрий Трофимов

*«Отсутствие частной собственности на землю
есть ключ к пониманию восточного неба»*

К.Маркс

СТАВШЕЕ уже классическим вышеприведенное высказывание К.Маркса (выдержка из его переписки с Ф.Энгельсом) остается самой емкой¹ характеристикой традиционного восточного общества и служит напоминанием о смысле и направленности той единственной по сути революции, которая имела место за долгие столетия и тысячелетия индийской истории: государственно-общинное мироустройство, скрепленное системообразующими варново-кастовыми ценностями, оказалось перепаханно ростками насажденной англичанами частной собственности, построенными ими железными дорогами и внедренными ими новыми цивилизационными стандартами.

Ключевыми особенностями многовековой истории Индии были неустойчивость политической власти, децентрализация и всеопределяющая кастовая система. Индостан, в отличие от Ки-

Дмитрий Трофимов - заместитель директора 4 ДСНГ МИД России.

тая, Египта, Междуречья и мусульманского Востока, практически не знал устойчивых централизованных государств, хотя основные элементы, присущие так называемому государственному (или азиатскому) способу производства, в полной мере наблюдались и здесь: доминанта государства (пусть подчас и слабого), опиравшегося на власть-собственность и редистрибуцию ренты-налога; подчиненное и юридически не обеспеченное положение частной собственности на фоне абсолютного преобладания собственности государства (правителя), общины и храмов. Основой социальной структуры Индии служила восходящая к древнеиндийским варнам и освященная индуизмом система каст, выступавшая одновременно своего рода противовесом слабой политической администрации. При этом смысл заложенной в этой жесткой иерархичности парадигмы обязательного реципрокного взаимообмена (джаджмани) сводился, прежде всего, к тому, чтобы освятить и узаконить социальное и имущественное неравенство как в отдельно взятой общине, так и в индийском обществе в целом. Небезынтересно, что, даже внедрив в Индии частную собственность, парламентаризм и политические свободы, англичане так и не смогли сломать кастовые перегородки, успешно преодолевшие в своем круговороте уже четвертое тысячелетие и определяющие лицо и специфику Индии и в XXI веке.

Полноформатное британское владычество в Индии оказалось подготовлено ходом событий XV-XVIII веков, когда параллельно происходили два значимых процесса. Во-первых, движение традиционного маятника «централизации - децентрализации», пройдя через очередные две сменявшие друг друга относительно крупные империи (Делийский султанат и государство Великих Моголов), было фактически заблокировано несколькими исключительно разрушительными волнами вторжений со стороны Персии и Афганистана (сначала иранского Надир-шаха, а затем Ахмад-шаха дурранийского). В результате очередная набиравшая обороты централизация (в лице стремительно расширявшейся державы Маратхов) получила непоправимый удар и плавно деградировала до того самого уровня «борьбы всех против всех», которая в свою

очередь предопределила относительную легкость проникновения в Индию разномастных европейских торговцев, постепенно сдавших свои позиции британцам: первоначально в лице Английской Ост-Индской компании (далее - АОИК или Компания), а затем и напрямую - британской короне.

Расцвет индийской морской торговли (как собственной, так и в немалой степени транзитной - с поставками в Европу редких экзотических товаров и пряностей из Юго-Восточной Азии) и будившие равно алчность и воображение истории о сказочных богатствах правителей Индостана вызвали к жизни нескончаемые экспедиции, нацеленные на поиски кратчайших путей в Индию и получение контроля за сулящей баснословный барыш «дорогой специй»². Первыми были португальцы, однако звезда их колониальной империи к этому времени уже быстро клонилась к закату³. Им на смену приходят голландцы, вскоре, впрочем, принимающие решение перенести свою деятельность в места произрастания перца, корицы, гвоздики и мускатного ореха - на острова Молуккского архипелага⁴.

Казалось, что реальную конкуренцию британцам в Индии могут составить французы, однако удача отвернулась от последних уже в 1757 году в битве при Палаше (в европейской традиции - при Плесси), когда патронируемый Французской Ост-Индской компанией бенгальский наваб Сирадж ад-Даула потерпел сокрушительное поражение от нанятого АОИК полковника Роберта Клайва: результат - покорение англичанами Бенгалии, ставшей на долгие годы их ключевым плацдармом в Индии, и начало конца французской колониальной империи в Индии⁵. Столь же неудачной для французов окажется и их ставка на княжество Майсур, правители которого (сначала Хайдар Али, а затем его сын Типусултан⁶), опираясь на помощь Парижа проводят успешную военную реформу, создают едва ли не самую боеспособную армию в Индии и в какой-то момент чуть было не выбивают оттуда англичан. Поражение при Серингапатаме (1799 год) положило конец существованию последнего независимого индийского княжества и окончательно похоронило французские колониальные проекты.

Впрочем, Франции, последовательно двигавшейся от предреволюционного упадка к постреволюционному хаосу в то время уже явно было не до Индии...

Утверждение британской колониальной империи в Индии проходило в три основных этапа:

1) XVII - первая половина XVIII века: преимущественно торговая экспансия, осуществляемая АОИК через созданную ею систему факторий;

2) вторая половина XVIII века - середина XIX века: преимущественно территориальная экспансия, на основе которой создается система прямого управления АОИК захваченными землями при их полном и практически бесконтрольном ограблении; при этом номинальная независимость подконтрольных индийских княжеств сохраняется. Политическая власть АОИК и штаты индийского правительства были определены ещё статутом 1773 года; вслед за этим бенгальский губернатор был сделан генерал-губернатором и совместно со своим советом из четырех членов стал контролировать действия мадрасской и бомбейской администрации в вопросах мира и войны, а также получил законодательную власть; высшие судебные места были учреждены в Калькутте, с назначаемыми от короны судьями. Начиная с конца XVIII века наблюдается постепенное установление контроля британского правительства и парламента за деятельностью АОИК: первым тревожным звонком для Компании стал суд палаты лордов над первым генерал-губернатором Индии У.Гастингсом (1772-1785 гг.), обвиненным в «насилии и вымогательстве»; в 1813 году была официально отменена монополия компании на торговлю с Индией; парламентский акт 1833 года еще более ограничил функции компании, оставив за ней в основном статус административной организации, практически управлявшей Индией, причем теперь уже под очень строгим присмотром лондонского Контрольного совета.

3) 1858 - 1947 годы: несоответствие методов АОИК новым целям и потребностям Великобритании и ее быстрорастущей капиталистической промышленности (нуждавшейся во все уве-

личивавшихся, но при этом стабильных и предсказуемых рынках), завершение (после победы над сикхами в Пенджабе в 1849 году) военно-политического завоевания Индии и, наконец, непосредственные уроки потрясшего основы формировавшейся колониальной системы сипайского восстания, - всё это и предопределило появление знаменитого Акта о лучшем управлении Индии (An Act for the Better Government of India). Этот подготовленный лордом Палмерстоном парламентский билль от 2 августа 1858 года окончательно и бесповоротно передал управление Индией от Ост-Индской компании Британской короне. Именно с этого времени Индия в полной мере становится колонией Великобритании. На смену практиковавшейся АОИК грубой ломке традиционных структур, сопряженной с постоянным насилием и беззаконием, приходит постепенная и тщательно продуманная трансформация (с ориентацией на европейскую модель), реализуемая в рамках общebritанского правового пространства и исключавшая насилие в качестве основного инструмента воздействия на новых подданных.

Вслед за Актом о лучшем управлении Индии во второй половине XIX века следует целая серия преобразований и нововведений, призванных сгладить накопившееся в индийском обществе недовольство и повысить эффективность колониального управления Индией. Так, уже в ноябре 1858 года в специальном обращении к индийским князьям, ее вассалам, королева Виктория продекларировала твердое намерение «допустить своих подданных, какой бы национальности и религии они ни были, к исполнению всяких должностей, насколько им это позволяет их воспитание, образование и способности». Главным же стало объявленное королевой решение об отмене введенной генерал-губернатором Дж. Дальхузи так называемой «выморочной» системы, по которой княжества, оставшиеся без прямых наследников мужского пола, автоматически присоединялись к английским владениям⁷. Отныне вводилось право передачи княжества по наследству приемным сыновьям (если линия прямого наследования прерывалась). Кроме того, Британская корона обя-

залась со вниманием отнестись к существованию в Индии традиционной кастовой системы: просвещение просвещением, но в традиционной среде надо было и меру знать! Были также приняты законы, препятствовавшие арендодателям произвольно повышать арендную плату. Многие постоянные арендаторы получили право отчуждать свои земли.

В 1869-1872 годах (при вице-короле лорде Майо) был учрежден земледельческий департамент и введена областная система финансового хозяйства, давшая толчок к развитию местного самоуправления. Было также подготовлено уничтожение старых таможенных границ, долго отделявших одну область от другой и стеснявших торговлю между британскими владениями и вассальными государствами, заложено множество новых дорог, рельсовых путей и каналов.

В 1880-1881 годах (при вице-короле лорде Рипоне) была отменена цензура, существовавшая для туземной печати, введено местное сельское и городское самоуправление на широких избирательных началах учреждена комиссия по народному образованию с целью широкого распространения образования. Особенное внимание обращено было на начальное народное и женское образование. Лорд Рипон добивался также того, чтобы предоставить высшему классу индийских судей право юрисдикции по проступкам англичан: эта идея, впрочем, вызвала в Лондоне неудовольствие и не была реализована.

Вся эта серия законов, актов и обязательств ставила своей целью уважать привычные нормы и тем избежать в дальнейшего накопления недовольства.

Разумеется, привнесение большей гибкости, толерантности и даже определенных элементов либерализации несколько не меняло принципиальные колониальные установки, наиболее отчетливо сформулированные еще третьим генерал-губернатором Индии (1798-1805 гг.) лордом Уэлсли: №1 - англичане должны быть единственными обладателями Индии и №2 - туземные раджи могут сохранить внешние знаки своей власти, но должны отказаться от всякой политической самостоятельности.

Попробуем проанализировать основные особенности, а также результаты британской колониальной политики в Индии как в период до принятия Акта о лучшем управлении, так и после него.

Регионализм или классический принцип «разделяй и властвуй». И руководство Компании, и британская колониальная администрация неизменно меняли региональных союзников, противопоставляя их друг другу, и тем эффективнее добивались их зависимости и лояльности. При этом все же приоритет отдавался арийско-мусульманскому северу (особо выделим Бенгалию и Пенджаб), а стародавидскому югу подчас не доставались даже клиентальные функции. Смешанный, индо-мусульманский, принцип формирования считался залогом подконтрольности отрядов сипаев⁸; когда же в 1857 году он дал серьезный сбой, англичане сочли за благо сделать ставку на только недавно покоренных непальцев-гуркхов⁹ и сикхов¹⁰ Пенджаба.

Контроль руками контролируемых. Наиболее наглядным примером эффективности этой установки в военной области можно считать то, что вплоть до 1931 года империя удерживала под своим контролем более чем трёхсотмиллионное население Индии силами присланного из Британии 60-тысячного полицейского и воинского контингента.

Преобразования в административной и судебной области. В 1861 году британский парламент принял закон об организации законосовещательных Индийских советов при генерал-губернаторе и губернаторах провинций. Хотя члены этих советов назначались, а не избирались, законом оговаривалось, что половина их должна состоять из лиц, не занятых на службе и тем самым не зависящих от администрации. Вслед за этим в 1880-е годы были изданы законы о местном выборном самоуправлении. Несмотря на то, что выборы оставались многоступенчатыми, а образовательный и имущественный ценз позволял участвовать в них едва ли 1% населения страны, начало избирательной процедуре было положено. В 1890-е годы муниципальные советы стали избирать некоторых своих членов в провинциальные законодательные советы при губернаторах, а

также в Индийский законодательный совет при генерал-губернаторе. Вкупе с последовательно внедрявшейся европейской системой судопроизводства, - все это, в конечном счете, способствовало утверждению первоначально чуждых восточной ментальности элементов правового сознания.

Ход и направленность социально-экономической трансформации Индии во многом определялись спецификой этапов развития английского капитализма. В XVII и отчасти в XVIII веке первоначальное накопление капитала обуславливало преобладание примитивного ограбления индийских земель руками АОИК; во многом аналогичную роль играла и постепенно цивилизовавшаяся торговая экспансия. С начала XIX в. акцент все больше делается на превращение Индии в рынок сбыта английского промышленного производства, непосредственным результатом чего становится массовое разорение индийских ремесленных хозяйств. С другой стороны, приток английских товаров в Индию поспособствовал и резкому увеличению индийского экспорта в Англию и другие страны Европы: из Индии вывозились индиго, пряности, хлопок, шерсть, джут, чай, кофе и опиум¹¹. Для обеспечения быстрого увеличения количества вывозимого сырья англичане активно создавали плантационные хозяйства капиталистического типа. При этом к традиционным статьям индийского экспорта постепенно прибавлялись и новые, включая производство зерна.

Рост торговли и товарности земледелия способствуют все более заметному росту частнособственнического уклада, который постепенно начинает теснить традиционную общину. Здесь, впрочем, принципиально важно то, что ее разложение так и не стало необратимым даже по состоянию на начало XXI века: касты и индуизм и поныне «живее всех живых». Численно преобладающая деревня все это время успешно сопротивляется трансформации, которая, тем не менее, набирает темп и вес: но происходит это почти исключительно за счет городов.

Строительство железных дорог и создание начальной промышленной инфраструктуры (банки, предприятия связи, плантации) способствовали возникновению многочисленных национальных

производств, в том числе на базе предприятий мануфактурного типа, что уже к концу XIX века привело к возрождению ручного ткачества. Устойчивые же элементы современного капиталистического уклада (чисто индийские, а не паевые с англичанами, промышленные предприятия, электростанции, банки, разнопрофильные компании) появятся в Индии уже в начале XX века.

Политика в сфере образования и подготовки кадров. Ключевое значение здесь имела запущенная в 1835 году по инициативе Т.Маколей, члена Высшего совета при генерал-губернаторе, реформа образования в Индии, смысл которой заключался в том, чтобы начать подготовку кадров колониальной администрации из самих индийцев, создав из них «прослойку, индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, морали и складу ума». По сути, речь шла о формировании новой индийской элиты, которая прежде всего должна была стать (и забегая вперед, признаем: стала) не столько проводником британского влияния, сколько надежным межцивилизационным посредником и толмачем, а в случае необходимости и эффективным амортизатором между британцами и индийцами. Активно поддержанная У.Бентинком реформа зиждилась на идее перевода высшего, а также школьного (начиная с шестого класса) образования с санскрита и персидского на английский язык; кроме того, английский должен был стать единственным языком межнационального делового и даже повседневного общения горожан (по понятным причинам деревня осталась фактически незатронутой языковой реформой). Начиная с 1857 года, когда англичане создали в Индии первые три университета - Калькуттский, Бомбейский и Мадраасский, число индийских университетов и колледжей с преподаванием на английском языке и по английским программам обучения неуклонно растет; одновременно все большее число индийцев, прежде всего, выходцев из местной кастовой аристократии, получали образование в самой Англии, в том числе в ее лучших университетах - Кембридже и Оксфорде. Оглядываясь назад, следует признать полный успех языковой и образовательной реформы: Т.Маколей и У.Бентинк совер-

шенно по наитию нащупали ту самую реперную точку, которая оказалась никак не менее, а в чем-то и более определяющей, чем основополагающие изменения в социально-экономическом укладе. Всеобщее распространение английского языка оказало колоссальное влияние на централизацию и сплочение страны, некогда напоминавшей лоскутное одеяло княжеств и укладов. А пережившая своих британских творцов новая индийская элита стала одним из двух (наряду с одновременно сотворенной местной буржуазией) главных элементов становления и последующего сохранения оригинальнейшей индийской демократической системы.

Бенгальский Ренессанс. На протяжении всего предколониального и колониального (с 1858 года) периода особое, едва ли не центральное место в истории Индии принадлежало Бенгалии: это была одна из наиболее развитых и густонаселенных (свыше 50% от общего числа жителей субконтинента) областей страны, избранная форпостом АОИК, где вплоть до 1911 года располагалась и столица всей Британской Индии - Калькутта. Именно здесь образовательная и реформаторская деятельность англичан дала наиболее пышные всходы в XIX-XX веках, вызвав к жизни беспрецедентный всплеск как автохтонных, так и синтетических (европейско-индийских) течений в философии, живописи и литературе, объединенных идеей просвещения и межкультурной конвергенции. Достаточно вспомнить имена Рам Мохан Роя (выступал со своего рода экуменической концепцией единого Бога, за реформацию индуизма и переустройство индийского общества по образцу западной цивилизации), Рамакришны и Вивекананды, и, наконец, выходцев из брахманского рода Тагоров - от деда (Дварканатха: одного из первых индийских промышленников и соратника Роя), к отцу (Дебендранатху) и внуку, Рабиндранту, создавшему бенгальский литературный язык и бенгальскую литературу и первым среди неевропейцев удостоенному Нобелевской премии. Позже влияние «брахмоистов»¹² распространилось среди образованных слоев населения в Мадрасе и Бомбее, причем везде просветители активно сотрудничали с

англичанами, которые под их влиянием издавали законы против «сати» и в защиту гражданских браков...

Личностный фактор (генерал-губернаторы). Как это часто бывает в истории, немалое влияние на ход и направленность английской колониальной политики в Индии оказывал и личностный фактор. Коррупционность и жестокость Р.Клайва или У.Гастингса уравновешивалась благотворными реформаторскими нововведениями У.Бентинка или централизаторскими усилиями Дж.Дальхузи.

Вспомним наиболее значимые гражданские преобразования шестого по счету генерал-губернатора Индии (1828-1835) лорда Уильяма Бентинка: он привёл в порядок финансы, ввел законодательный запрет на варварский обычай сжигания вдов - «сати» и очистил страну от секты вешателей-«тхагов». Его усилиями в 1835 году в Калькутте была открыта медицинская коллегия, а также введена свободы печати. Человек порядочный, он честно докладывал о злоупотреблениях и существующих проблемах. Своим знаменитым высказыванием 1834 года («Равнины Индии белеют костями ткачей») именно он впервые привлек внимание Лондона к тяжелым социальным последствиям масштабного проникновения на индийский рынок дешевых английских промышленных (прежде всего текстильных) товаров.

Главной исторической заслугой одиннадцатого генерал-губернатора Индии (1848-1856) Первого маркиза Джеймса Дальхузи стала проведенная им централизация прежде раздробленной Индии, по итогам которой были фактически окончательно сформированы её современные границы и административное деление. При нём были проложены первые в Южной Азии железные дороги, учреждены дешевая почта, электрический телеграф и пароходное сообщение с Англией через Красное море, создана сеть межрегиональных оросительных каналов (в частности, Гангский канал); наконец, был достроен и модернизирован проходивший по северной части индийского субконтинента древний «Великий колесный путь». Вслед за своим предшественником У.Бентинком он активно боролся против убийства девочек и человеческих жертвоприношений.

Подводить окончательные итоги британской колониальной политики в Индии по-прежнему представляется преждевременным: начатая англичанами всеобъемлющая трансформация индийской социально-экономической и цивилизационной матрицы все еще не завершена. Внедрение структурообразующего и юридически защищенного частнособственнического уклада, хотя и стало своего рода первой революцией во всей многотысячелетней истории Индии, не обеспечило, тем не менее, полномасштабную системную модернизацию численно довлеющей традиционной деревенской общины и не сломало освященные индуизмом кастовые перегородки. Запущенный англичанами процесс преодоления многовековой региональной раздробленности и синтеза единого централизованного пространства, основанного на принципах правого государства, в целом, дал позитивные результаты. Однозначно успешным следует считать создание ориентированной на синтетические ценности новой индийской элиты, национальной буржуазии и растущего среднего класса. Не беда, что потенциально реформаторская часть общества все еще составляет абсолютное меньшинство: преобразования никогда и не требуют сознательную включенность в них широких слоев населения. Другое дело: сохраняющаяся инерционность массового мышления, способная периодически блокировать любые чуждые исконным ценностям начинания. С этой точки зрения сохранение, казалось бы, выпадающих из современности кастовых перегородок представляется скорее фактором оправданным и стабилизирующим: ведь принадлежащим преимущественно к высшим кастам политикам тем легче вести страну по пути модернизации, опираясь на свой особый статус, неизменно сплывающий под их началом простолюдинов. Права была королева Виктория, когда в 1858 году обещала со вниманием отнестись к существованию в Индии традиционной кастовой системы...

¹Как и любое лапидарное определение, высказывание К.Маркса характеризует главную тенденцию, намеренно сглаживая детали: частная собственность на

Востоке, в Индии, в частности, разумеется, существовала - и в Древности, и в Средневековье, и в условное Новое время. Вопрос в другом: она практически никогда не играла, да и не могла играть там системообразующую и определяющую роль, как на Западе, будучи неизменно в приниженном и юридически бесправном состоянии, существуя от экспроприации до экспроприации, но при этом подпитывая периодически ржавеющий часовой механизм азиатского (государственного) способа производства.

²Так, например, успешно монополизировавшая торговлю пряностями АОИК получала прибыль в размере 2000-2500%.

³Португальская торговая монополия в Индийском океане была подорвана голландцами и англичанами уже к концу XVII века. С этого времени заканчивается и процветание Гоа, Диу и Дамана, единственных португальских колониальных анклавов в Индии, оставшихся под управлением Лиссабона вплоть до 1962 года. Одна из главных португальских жемчужин в Индии - семь островов с расположенным на них Бомбеем - были подарены английскому королю Карлу II в качестве приданого за португальскую принцессу Екатерину де Браганса в 1661 году. Не прошло и 7 лет, и Карл II сдал острова в аренду АОИК за символическую сумму в 10 фунтов золотом в год. С 1687 г. в Бомбей будет перенесена штаб-квартира Компании в Западной Азии.

⁴В целом голландцы благополучно избежали жесткой конкуренции с англичанами в Индии: в любом случае вероятность победы в этом состязании потомков гёзов была более чем сомнительна (случившийся несколько позже успешный захват Великобританией владений буров в Южной Африке стал тому наглядным доказательством).

⁵Победа при Плесси стала, по сути, первым значимым эпизодом на восточном театре Семилетней войны. Спустя 4 года французы потеряют свой административный центр в Индии - крепость Пондишери, которая будет разрушена англичанами до основания. Парижский мирный договор 1763 года, правда, вернет Франции ее владения в Индии, но лишит ее права воздвигать там укрепления, а также держать войска в Бенгалии.

⁶Находившийся в тайных сношениях с французской Директорией Типу-султан всячески подчеркивал свои франкофонские настроения: дошло до того, что абсолютный монарх позволил посадить в своих владениях «дерево свободы» и даже записался в один республиканский парижский клуб как «citoyen Tipou» («гражданин Типу»).

⁷В немалой степени именно это нововведение генерал-губернатора (в целом, весьма успешного и просвещенного администратора) спровоцировало серьезнейшую волну недовольства (особенно после аннексии Ауда), наложившуюся на известную историю с «неправильными» патронами и вылившуюся в кровавое сипайское восстание, начавшееся вскоре после отставки Дж.Дальхузи.

⁸В основе своей это была бенгальская армия, на две трети набранная из представителей высоких каст раджпутов, брахманов и джатвов Ауда, а на одну треть - из мусульман Бенгалии. Первыми отряды наемников-сипаев под командованием офицеров-европейцев начали создавать французы, а англи-

чане просто переняли успешный опыт. Впоследствии руководство АОИК ухитрялось регулярно сдавать прекрасно обученные и хорошо вооруженные подразделения сипаев в наем любым заинтересованным индийским князьям в обмен на право практически бесконтрольного сбора налогов с тех или иных княжеских наделов.

⁹Колониальные войска гуркхов, набиравшиеся из непальских добровольцев, появились как результат непальской войны 1814-1815 годов, в ходе которой горцы отстаивали свою независимость от численно превосходивших их войск АОИК. Наемники-гуркхи приняли самое деятельное участие в подавлении антиколониальных восстаний сикхов, сипаев и афганцев. Отличавшиеся фантастической выносливостью, легендарным бесстрашием, строжайшей дисциплиной и верностью присяге элитные подразделения гуркхов успешно воевали под английскими знаменами на фронтах Первой и Второй мировой войны, а также на Фолклендах в 1982 году. Действующая британская бригада гуркхов насчитывает сегодня свыше 3600 человек. Шесть батальонов гуркхов остались инкорпорированы и в состав независимой индийской армии.

¹⁰Активно пополнять ряды наемных войск равно воинственными и свободолюбивыми сикхами британцы начинают после окончательного покорения Пенджаба в 1849 году. Прирожденные воины (напоминанием о чем служит обязательная для всех сикхов-мужчин фамильное имя «сингх», в переводе с санскрита означающее «лев») они и по сей день пропорционально доминируют в вооруженных силах Индии, где занимают 20 % всех должностей, составляя при этом менее 2 % населения страны; исключительное место сикхи занимают и в политической элите Индии. Такое положение, несомненно, является прямым следствием британской колониальной политики XIX-XX веков.

¹¹Индийский (прежде всего, бенгальский) опиум сыграл ключевую роль в попытках колониального закабаления Великобританией восточных районов императорского Китая: так называемые «опиумные войны».

¹²Речь идет о членах и последователях просветительского общества «Брахмо Самадж», созданного Рам Мохан Роем в 1830 году.

СЕРБСКИЙ ДНЕВНИК

Николай Бурляев

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ. БЕЛГРАД, ФЕВРАЛЬ 2000 ГОДА

Так случилось, что министр культуры Сербии Желько Симич пригласил меня и Никиту Михалкова в Белград в одно и то же время. Никиту - для представления его ретроспективы, меня - для вручения государственной премии «Вуковой награды».

13 февраля, едва наш самолет начал выруливать на взлетную полосу, по трансляции на весь салон раздался голос замечательной сербской актрисы Ивана Жигон: «Дорогой Никита Сергеевич...» и далее - очень трепетные слова признательности за труды Никиты и за то, что он летит в Белград. Потом Ивана столь же нежно обратилась ко мне и моей жене, растрогав нас всех основательно. Когда ее голос стих, я обернулся на Никиту, сидящего за мной, и он ответил мне таким же потрясенным взглядом. Много приходится Никите летать по миру, но вряд ли его прежние перелеты начинались таким сердечным образом. И в моей жизни подобного не было.

*Николай Бурляев - советский и российский актер, кинорежиссер.
Народный артист РФ, член Союза писателей России.*

В Белградском аэропорту нас встречало множество знакомых и незнакомых лиц...

В этот же вечер нас ожидали около 5000 людей в Русском центре и на улице возле него, куда из-за несогласованности действий наших хозяев нам не суждено было попасть.

Нас повезли обозреть последствия бомбардировок НАТО. Многие из разрушенных зданий я уже видел, когда в апреле прошлого года неделю жил в уничтожаемом натовской авиацией Белграде, но многие разбомбленные уже после моего отъезда здания я видел впервые.

«Экскурсия» была почти молчаливой. То, что мы лицемерили, говорило само за себя. Лишь иногда Желько Симич, Ивана Жигон или Йован Маркович рассказывали фрагменты из своей жизни под градом ракет, начиненных ураном. Последствия облучения уже начали сказываться на сербах. Удар по иммунной системе был настолько велик, что статистика зарегистрировала невиданное до сего количество заболеваний гриппом и прочими болезнями.

Мы брели по вечернему Белграду, смотрели, молчали, и каждый думал о своем. Мы не могли говорить - настолько ошеломляли виды современной «Герники», сознательно устроенной «цивилизованным миром» на территории избранного ими для публичного распятия маленького, гордого народа.

В одном из храмов настоятель подарил нам по иконе Богородицы. И наконец, нас ввели в самый высокий храм Европы - собор святого Саввы Сербского. Я давно мечтал попасть в этот собор, который отовсюду виден в центре Белграда, но он постоянно был закрыт, поскольку из-за нескончаемых тягот сербской жизни до сих пор не достроен. В соборе не было электрического освещения, но кто-то предусмотрительно принес переносную лампу, и свет ее вырывал из темноты стены, величественные своды храма, земляной пол...

В этот же вечер мы побывали в Народном театре на «Пигмалионе», где в роли Элизы Дулитл блистала Ивана Жигон. Ивана Жигон объявила о нашем присутствии. Зал горячо приветствовал Ни-

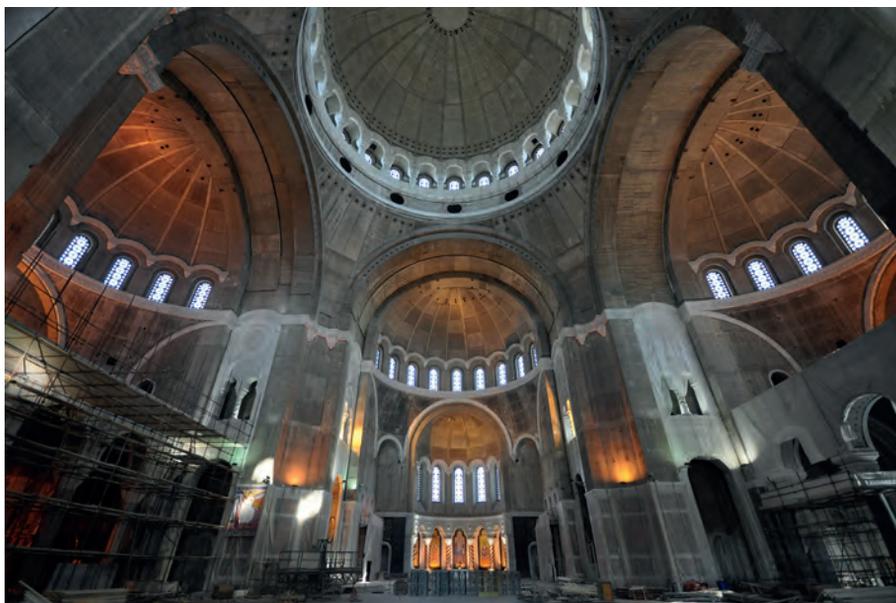
Последствия бомбардировок НАТО

киту, чья популярность в Югославии невероятно велика. Сербам известна позиция Никиты Михалкова по отношению к агрессии НАТО против Югославии. Известно, что он, находясь во время этой агрессии в Каннах, дал пресс-конференцию, осудив это варварство, после чего Америка блокировала попадание «Сибирского цирюльника» на ее киноэкраны.

Разве не достоин уважения принципиальный и мужской характер друга моего светлого детства, Никиты Михалкова, всегда говорящего прямо, часто в ущерб своему престижу, идущего наперекор толпе, но не предающего друзей и своей чести?

Утро 14 февраля началось с посещения первой репетиции выдающегося режиссера Югославии академика Стево Жигона. На сцене Народного театра он приступил к постановке «Чайки». Актеры с большим интересом слушали мысли Никиты Михалкова, делившегося с ними своим пониманием «Чайки» и Чехова, с которым его связывают давние творческие отношения.

После этой встречи, нас принял Президент Сербии Слободан Милошевич. После речи президента начал говорить Никита

Собор Св. Саввы в процессе реставрации

Михалков. Он рассказал о нашем вчерашнем посещении собора святого Саввы Сербского и тактично высказал свое пожелание завершить строительство Храма, который станет великим духовным православным магнитом в центре Европы. Когда настала очередь говорить мне, я поддержал пожелание Никиты достроить собор. Встреча проходила сердечно. Президент трижды подавал сигнал помощникам вносить традиционный сербский напиток.

Вечером в переполненном зале Белградской кинотеки, самом мощном кинохранилище Европы (которое пытался защитить от ракет НАТО своим обращением Союз кинематографистов России в апреле 1990 года), состоялась встреча с ведущими кинематографистами Белграда. 600-местный зал был переполнен, люди стояли в проходах. Нас щедро одарили наградами - Никите был вручен диплом почетного профессора Киноакадемии братьев Каричей, мне - «Вуковская награда».

Но на этом день не закончился. Как апофеоз состоялась встреча в Савва-центре. Все пять тысяч мест были заполнены. Зрители встречали нас стоя продолжительной овацией. Обращаясь к залу, я сказал о том, что сегодня сербов и русских хотят считать последними из всех народов, но Евангелие говорит: «Последние будут первыми».

Метеором, в течение полутора суток, промчался Никита по белградскому небосклону и умчался в Москву, а я продолжил свою программу уже в одиночестве.

Второй раз суждено мне было встретиться со Святейшим Патриархом Сербским Павлом. Аудиенция длилась около часа. Патриарх Павел разговаривал со мной, но было понятно, что он обращается ко всей России. Несколько раз он повторил: «Самое главное сейчас - беречь свою душу»; он привел евангельские слова: «Что пользы в том, если ты приобретешь весь мир, а душе своей повредишь...» Попрощавшись, я оглянулся и увидел одинокую маленькую фигурку старца-патриарха, медленно удаляющуюся во внутренние покои. Лишь в это утро патриарх Павел с приключениями, через снежные горы прибыл в Белград из своей косовской резиденции монастыря Печская Патриархия, где он молится о Сербии и России, живя под охраной оккупационных войск НАТО. На небольшой косовской земле около 3000 храмов и монастырей XII - XIX веков. Нет на планете такой плотности памятников духовной архитектуры на столь малом пространстве земной поверхности. Около 100 храмов разрушено варварами, под опекой «нового мирового порядка», и мир молчит об этих беспрецедентных злодеяниях...

Резонанс в югославских СМИ о нашем визите был невероятный. Сербы говорят, что о приезде Марлона Брандо и Элизабет Тейлор к Тито не было написано и показано столько, сколько о нас. Перед моим отлетом Йован Маркович вручил мне подборку из 30 газет, освещавших наш визит (и это лишь то, что попало в поле его зрения).

Сербы едва ли не единственный народ в Европе, никогда не воювавший против России. Сербы генетически любят, а точнее боготворят Россию...

Сербы щедро одарили своей любовью нас, двух кинематографистов из России, которым выпало принять эту любовь, адресованную ко всей нашей великой стране.

РАСПЯТОЕ КОСОВО. МАРТ 2002 ГОДА

Наша делегация - известный белорусский кинорежиссер Михаил Пташук, публицист Дмитрий Достоевский (правнук великого русского писателя) и я - направлялась в Сербию для проведения «Эха международного кинофорума «Золотой Витязь». В течение недели мы намеревались показать сербским зрителям фильмы «Андрей Рублев», «Сибирский цирюльник», «Лермонтов», «В августе 44-го...», «Кооператив политбюро», фильмы по роману Ф.М.Достоевского - «Мальчики» и «Игрок», а также программу документальных фильмов киностудии «Отечество» - «На поле Куликовом», «Дума о поле Куликовом» и «Непокоренная Россия».

Я не раскрывал своим коллегам все подробности нашего «турне», организованного Международным кинофорумом «Золотой Витязь», Министерством культуры РФ и белградским Обществом сербско-русской дружбы. Лишь в общих чертах сообщил, что поездка будет необыкновенно интересной, и мы побываем не только в Белграде, но и в Косове, куда до нас не ступала нога не только российских, но и сербских кинематографистов, во всяком случае, последние три года.

Уже подлетая к Белграду, мы увидели в иллюминаторе разбомбленные мосты - словно гигантские птицы, разметававшие свои переломанные крылья в водах голубого Дуная. Проезжая по улицам Белграда, вглядывались в обезображенные, разрушенные ракетными взрывами здания, узнавали о демографической и социальной катастрофе, идущей параллельно с чудовищной экологической катастрофой, последовавшей после бомбардировок с урановой начинкой, о резком возрастании онкологических заболеваний, особенно среди молодежи.

И все это - следствие варварской агрессии, недавнего бесчинства в Югославии двух десятков «цивилизованных» стран НАТО.

Невольно вспоминались слова Лермонтова: «...Жалкий человек! Чего он хочет? - Небо ясно. Под небом место есть для всех, но непрестанно и напрасно один враждует он. Зачем?!»

Зачем было нужно столь циничное и необоснованное надругательство, насилие над «отдельно взятым» народом?..

Из аэропорта, где нас встретила молодая, но уже, можно сказать, выдающаяся актриса сербского театра Ивана Жигон, недавно избранная на пост председателя Общества сербско-русской дружбы, сразу же направились в Черногорию, через которую мы должны были попасть в Косовский край. Ехали быстро, торопились. Путь предстоял нешуточный: километров 600 до того места в горах, в нейтральной зоне между Черногорией и Косовом, куда мы должны были прибыть без опоздания, ровно в 24.00 - время встречи с военным конвоем итальянских солдат контингента миротворческих сил КФОР, которые взяли на себя ответственность сопровождения нашей киноделегации по Косову. Российское посольство в Белграде и наши военные представители не решились взять подобную ответственность на себя. Итальянцы решили эскортировать нас ночью, так как днем это было небезопасно.

Около 22 часов на промежуточной остановке в монастыре Джурджеви-Ступови (на русский язык переводится, как Георгиевы башни), построенном в 1171 году, соединились с сербскими кинематографистами, прибывшими для подкрепления нашей международной, полувоенной акции, вице-президентом МКФ «Золотой Витязь», президентом кинокомпании «Филм и тон», кинодраматургом Йованом Марковичем, популярной сербской актрисой Еленой Жигон (мать Иваны Жигон), кинодраматургом Божидаром Зечевичем, фотокорреспондентом и советником сербского Министерства по делам религии. После быстротечной постной, но вкусной трапезы в тепле у высокорослого, молодого игумена отца Петра - снова в путь.

Мы, три россиянина, оделись весьма легкомысленно, надеясь на южный югославский, мартовский климат и прогноз погоды, со-

общавший накануне, что в Белграде +20. Однако, уже в белградском аэропорту было +7, а в горах – холод и пронизывающий ветер за бортом машины.

По дороге наш водитель, родом из Косова, но три года не бывавший на родине, ставшей оккупированной зоной, рассказывал нам о том, что в Дечанах (первом городке, с которого мы должны начать путешествие по Косову), несколько дней тому назад албанцы убили двух последних сербов - мать и дочь. Теперь сербское присутствие в Дечанах - это 30 монахов в монастыре Високи Дечани, живущих под охраной итальянских войск и не выходящих за пределы монастыря уже три года. Вдоль по дороге видим десятки дальнобойных машин с контрабандой (свободно курсирующих в Косово), припаркованных на ночлег. Ночью даже контрабандисты не рискуют двигаться дальше.

На условленное место в нейтральной зоне прибыли почти вовремя: в 00.03, в ночь с 23 на 24 марта. Только здесь осознали, что не преднамеренно, но символично пересекли границу с Косово именно 24 марта: в этот день три года назад НАТО начало бомбардировку Югославии.

Мы-то приехали вовремя, а итальянцев... нет...

Ждем 10, 20, 30 минут, час, час тридцать, а конвоя все нет...

Ночь, холод, снегопад и абсолютная неизвестность впереди.

Вдруг с косовской албанской стороны забрезжили фары. Все обрадовались - итальянцы...!? Нет... Албанская легковая машина медленно проехала в гору мимо нас и встала в двухстах метрах выше, развернувшись фарами в нашу сторону. Спустя пять минут вернулась и пристроилась позади нас.

На двух наших машинах были белградские номера. Теперь наш визит в Косово для албанцев уже перестал быть секретом. Албанец на машине вновь объезжает нас и занимает ту же позицию в двухстах метрах вверх.

Решаем возвращаться назад в Черногорию. Обе наши машины срываются с места. Пролетаем мимо албанца, но чем выше в гору, тем меньше наша скорость... Через 300 метров застреваем, буксуем по гололеду... Все. Приехали. Возвращение в Чер-

Мужской монастырь Високи Дечани

ногорию невозможно. Двигаться на Косово... к албанцам... без конвоя?

Выхода нет. Возвращаемся мимо албанца на место предполагаемой встречи с конвоем... Ждем... Проходит еще 10 минут... С албанской стороны вновь засветилось горное пространство. Вглядываемся в завьюженную ночь с надеждой и вопросом, кто же это... Медленно надвигались на нас три пары фар. Долгожданные итальянцы!..

Боже, как все перевернуто и противоречиво в этом мире: итальянцы, три года назад воевавшие как члены НАТО против Югославии, бывшие ее врагами, а значит, и нашими врагами, сейчас, появившись из снежной ночи, как тати в камуфляже, воспринимаются нами спасителями. Еще час итальянцы по своей связи решали вопрос с командованием, что делать с доставившими нас

машинами. По первоначальному плану конвой принимал под охрану лишь кинематографистов, а машины должны были вернуться в Черногорию. Наконец свинтили с машин белградские номера и караваном в окружении бронетранспортеров двинулись в сторону Дечан. По гололеду двигались медленно, 5 километров в час. Дорогу в 20 верст до монастыря преодолели за 2 часа. И все это время, высунувшись по пояс из бойниц на крышах БТРов, подле своих пулеметов, на пронизывающем ветру, на холоде всматривались в горы и окружающий недобрый мир два солдата.

В шестом часу утра добрались, наконец, до монастыря Високи Дечани, где нас встретил, не сомкнувший в эту ночь глаз, отец Феодосий, сорокалетний чернородый игумен с иконописным аскетичным лицом.

Высокий, спокойный и ласковый, он прежде всего провел нас в трапезную, покормил и пригласил на литургию в храм. Отдохнув два часа, а кто и вовсе не спав, мы все собрались в храме.

Литургия на пороге смерти, в предощущении своего собственного распятия - особая литургия. Рослые и прекрасные, в белом облачении, похожие на светоносных ангелов монахи сосредоточенно и несуетливо они совершали свою службу пред Господом. В полумраке величественного храма XIV века мерцали разноцветные огоньки лампад, и неяркими падающими из высоких окон столпами струился утренний свет. Стены на десятки метров вверх расписаны бесценными фресками. Пение пятнадцати монахов и мерный ритмичный звук позвякивающего паникадила окутывал пространство. Немногие прихожане из соседних местечек, добравшиеся на утреннюю службу под охраной испанских КФОРовцев, совершали тихое причастие. Три года монахи монастыря Високи Дечани не покидают стен своей обители, охраняемой итальянским КФОР в количестве 600 солдат. У них нет сообщения с другими монастырями и теми немногими сербами, что еще остались на территории Косова. Некоторые итальянские солдаты стоят на богослужении вместе с сербами, прикладываются к иконам и мощам православных святых, подставляют свой лоб для помазания игумену,

прикладываются к его благословляющей руке. Кое-кто из солдат крестился в православную веру.

Поэтому их недолго задерживают в Косово: четыре месяца - и домой, в Италию (российские солдаты служат здесь больше года). Но многие итальянцы уезжают домой другими людьми. Кто-то не возвращается совсем. Уже 21 итальянский солдат погиб здесь: кто-то подорвался на минах, кого-то выкосили снайперы.

Мы задали вопрос итальянцам указывая на окрестные горы:

- Там есть снайперы?

- Есть.

- Они могут выстрелить в нас?

- Могут.

Таких творческих встреч в нашей жизни не было никогда. Мы выступали под охраной бронетехники и пулеметчиков, в трапезной монастыря перед тридцатью монахами и пятьюдесятью прихожанами, среди которых были и неизвестно как попавшие сюда три профессора итальянского университета, поклонники фильмов Тарковского «Иваново детство» и «Андрей Рублев», пораженные тем, что в Косове встретили героя этих картин.

Собравшиеся жадно ловили каждое слово Дмитрия Андреевича Достоевского и Михаила Николаевича Пташука, стихи о Косове в исполнении выдающихся сербских актрис Иваны и Елены Жигон, поэзию бесстрашной сербской женщины, режиссера Елены Бойович, снявшей о косовской трагедии уже не один фильм...

В этот же день под конвоем итальянской бронетехники в предоставленном нам военном автобусе с зашторенными окнами, которые нам запрещено было открывать, мы передислоцировались в женский монастырь Печская Патриархия, где показали фильм «Мальчики» по Достоевскому и документальную дилогию «На поле Куликовом» и «Дума о поле Куликовом» выдающегося русского режиссера Б.Л.Карпова. Все наши фильмы смотрятся здесь иными глазами, ибо чувства и эмоции наших косовских зрителей обострены до предела.

Только вокруг монастыря Печская Патриархия уничтожено около 28 монастырей и храмов мирового исторического значения.

Печский патриарший монастырь

Нет второго такого места на планете, как Косово, где на столь небольшом пространстве сосредоточено около 3000 уникальных монастырей и храмов XI - XIX веков, памятников мирового культурного значения. Более 130 из них уже разрушены. Эти святыни вселенской культуры уже не обозначают на картах Европы. Стереть с лица земли культуру и память народную значит уничтожить и сам народ.

- Настанут ли в Косове лучшие времена? - спросила меня одна из монахинь.

Я ответил ей словами легендарного сербского воеводы:

- Нам нет спасения - мы победим!

- У меня нет ненависти ни к одному албанцу, - сказала она. - Нельзя, ненавидя кого-то, любить Христа. Это дает нам силу... всем сестрам... Албанцев готовят к независимому Косову, ими

умело манипулируют. Беда, что некоторые сербы тоже пятнали свои руки их кровью. Это дает повод албанцам для их жестокости и мстительности...

И снова в путь. Вдоль дорог албанцы сняли все прежние сербские указатели селений и городков, разрушили кладбища и все красивые сербские дома. На их фундаментах поспешно воздвигаются примитивные красные кирпичные коробки. Некогда цветущий, опрятный и прекрасный Косовский край превращен в свалку. Всюду грязь и разруха. Наши сербы, много раз бывавшие здесь в былые времена, ничего не могли узнать.

Албанцам дана команда уничтожать прежнее, строиться и размножаться. Из миллиона трехсот албанцев, наводнивших сегодня Косово, триста тысяч доставлены сюда из Албании. Сегодня в Косове - царство вора. Вора, осознавшего, что пришел его час. Миг, когда при поддержке Запада он может предаться вожделенной вседозволенности. Я вглядывался в лица албанцев мелькавшие в лобовом стекле, проплывавшие мимо зашторенных окон нашего автобуса. У всех поголовно, у взрослых и детей, единое испуганно-агрессивное, вопрошающе-суетливое выражение лица, словно их застали врасплох на месте преступления.

Нет сегодня на нашей планете второго подобного места, где столь цинично и жестоко попираются все права и свобода человека-сербя. Даже при апартеиде у обитателей африканского гетто была возможность свободно дышать и передвигаться внутри оно-го. В Косово сербы не могут сделать свободно ни единого шага, не подвергая себя смертельной опасности. Старуху - за лекарством и в храм, ребенка - в школу и домой водят под охраной два-три автоматчика. Даже Святейшего Патриарха Сербского Павла на богослужение в его резиденцию монастырь Печская Патриархия доставляют в бронетранспортере, унижая многочасовыми задержками на блокпостах.

Сегодня сербы в Косове не могут свободно дышать. В Косове для сербов - двойное гетто, двойной геноцид: албанский и КФОРовский. Правильно было бы назвать всю эту кровавую косовскую вакханалию безумием. Царство вора под прикрытием КФОР.

Как корабль, от монастыря к монастырю, словно от острова к острову, переправлялся кино-караван «Золотого Витязя», укрепляя души осажденных в них людей. Творцы «нового мирового порядка» хотят спрятать от мира свой Косовский позор - оккупированное, арестованное православие. Они лгут ничего не ведающим людям планеты о том, что творится в Косове. Впрочем, еще 150 лет тому назад поэт Ф.И. Тютчев писал «Славянам»:

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них - закон и равноправность,
Для нас - насилье и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.

В местечке Осояны в полуразрушенной школе собрались 180 сербов - первые возвращенцы в родные места. Они решились на это, доверяя испанским войскам, охраняющим этот сектор Косова. Сербы выделяют испанских военных из всех КФОРовцев, надеются, что те смогут их защитить. Живут сербы в крохотных пластиковых контейнерах, словно в собачьих будках. У стариков и детей в глазах - страдание и немой, но кричащий вопрос: «Что ожидает нас завтра?!...»

Мы раздали детям сладости, игрушки, учебники - скромный дар Общества сербско-русской дружбы. Они молча вертели в руках игрушки, словно видели их впервые.

Наше выступление - перед суроволицей, но необыкновенно горячо, как-то ожесточенно, аплодирующей аудиторией... Сербская поэзия о Косовской трагедии в исполнении Елены и Ивана Жигон вызывала слезы. Зрители с окаменелыми лицами терли свои глаза, казалось выплакавшие весь запас слез. Когда мы все вместе запели «Тамо далеко...», зрители встали со своих мест, словно это зазвучал сербский гимн. Солдаты из нашей итальянской охраны, пораженные, смотрели на это славянское священнодействие.

Когда тронулись дальше, Михаил Пташук угостил итальянцев белорусской водкой. Солдаты с удовольствием хлебали из горлышка, и мы вместе пели «О соли мио», «Тамо далеко» и «Ах, зачем ты меня целовала, Дуня?..». Итальянцы радовались, как дети, аплодировали, кричали: «Достоевский!..» Контакт был налажен полный - позировали с удовольствием перед нашими видеокамерами, позволили открывать шторы на окнах, когда угодно...

Итальянцы благополучно проконвоировали нас через все Косово с юга на север. Въехали в город Косовская Митровица, разделенный мостом на две части: албанскую и сербскую. Едва въехали на сербскую территорию, пейзаж разительно изменился. Даже в этой беднейшей части Сербии - чистота и порядок рачительных хозяев своей земли.

В придорожном кафе прощались с нашими итальянскими друзьями. Заказали для них 23 рюмки ракии. Поблагодарили за заботу о нас на протяжении этих двух суток. Каждый из солдат подошел к каждому из нас: и с каждым из итальянцев мы трижды по-русски, сердечно лобызались.

Вечером в Косовской Митровице, в Приштинском университете состоялось открытие киноклуба «Золотой Витязь». Четырехсотместный зал был заполнен битком, стояли вдоль стен и лестниц. Снимали видеокамеры, записывали для радио, было много журналистов - это означало, что наше нелегальное положение закончилось.

Мы подарили новому киноклубу видеопроектор и заложили основу клубного видеофонда двадцатью видеокассетами: «Лермонтов», «Сибирский цирюльник», «В августе 44-го...», «Кооператив политбюро», «Мальчики», «Игрок», документальный фильм «Непокоренная Россия» и 15 сербских документальных фильмов от кинокомпании «Филм и тон» Йована Марковича.

Все, что последовало за пределами Косовского края, - путешествие по живописной Сербии, встречи, просмотры, пресс-конференции, киноакадемия, кинотека, горы, комфортабельная жизнь - воспринималось как сон. Все наши мысли были о Косове...

В белградском Русском доме, в переполненном зале в присутствии послов России, Украины и Белоруссии и большого количества журналистов, мы рассказали о своей военно-полевой кинематографической акции, правду о Косове. Все каналы телевидения и все газеты дали об этом информацию. На открытии 49-го Белградского кинофестиваля документального фильма Международному Кинофоруму «Золотой Витязь» была вручена специальная грамота с формулировкой «За великую поддержку и помощь в наитяжелейшие годы для сербского народа и сербской культуры». Показанный на фестивале документальный фильм Татьяны Карповой «Видимое и сокровенное» вызвал восторженный прием зрителей. А потом в рамках фестиваля прошел День МКФ «Золотой Витязь» и были показаны 10 сербских фильмов, премированных на Всеславянском кинофоруме за 10 лет... Много было приятного, но все это уже не веселило сердца. И Пташук, и Достоевский, и я постоянно думали о Косове.

Там - было наше *пробуждение*. Ибо вся жизнь человеческая - сплошной сон, и пробуждаемся мы только при соприкосновении с Истиной.

В распятом Косове живет Истина.

ВЛАДИМИР НАЛИВКИН

ЖИЗНЬ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. СУДЬБА.

Борис Лунин

*«Существует лишь один способ
правильного понимания и правильного
изображения исторических личностей.
Врасти самому в образ, который создаешь».*

Ромен Роллан

*«Кто помнит о таком крупном и
своеобразном человеке, как В.П.Наливкин»*

Академик В.В.Бартольд

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ вниманию читателей очерк призван вызвать из забвения имя и деятельность Владимира Петровича Наливкина - одного из тех русских людей, без данных о которых далеко не будет полна летопись примечательных событий и явлений общественно-политической, культурной и научной жизни Средней Азии конца XIX - начала XX столетия...

Воспроизведем канву его жизни.

Родился Наливкин в городе Калуге 25 февраля 1852 года в семье военного. В 1871 году окончил 1 Кадетский корпус в Петер-

Борис Лунин - доктор исторических наук.

бурге, затем с отличием Павловское военное училище и был направлен в Оренбург с зачислением в 6-й Казачий полк.

Все казалось бы предвещало успешную военную карьеру Наливкина. По словам современника, это был «красивый, стройный, исполнительный и энергичный офицер Оренбургского казачьего войска».

Но на самом деле все обернулось во многом иначе.

На военной службе Наливкину довелось участвовать в так называемом хивинском походе 1873 года. В нем он действовал в составе ракетного дивизиона под начальством М.Д.Скобелева, уже тогда проявлявшего себя в качестве активного проводника колониальной политики правительственных кругов России в Средней Азии. Однако при этом личностные качества Скобелева - храброго и смелого, решительного и умелого военачальника - создавали ему популярность в среде офицерства, видевшего в нем пример и образец, достойный подражания. Это идеализированное отношение к Скобелеву разделял и Наливкин (по воспоминаниям современников, он даже и внешне стремился тогда подражать Скобелеву, отпустив расчесанную на обе стороны пышную бороду).

Однако практические действия Скобелева в Средней Азии вызвали у Наливкина чувство глубокого разочарования, несогласия и осуждения. Приходилось быть свидетелем фактов его жестоких действий и хладнокровных расправ и с мирной частью коренного населения края. Тяжелое и бедственное положение которого и своеобразная жизнь вызывали у Наливкина сочувственное отношение и даже возрастающее желание поближе ознакомиться с их повседневным бытием.

Как писал потом сам Наливкин, он, следуя по пути движения войск Скобелева, «видел везде трупы зарубленных или застреленных безоружных мужчин, женщин и детей... Под крутым отвесным берегом арыка лежал целый ворох женских и детских трупов. Какой ужас, какой позор!.. Я решил уйти из строя и подал рапорт о болезни»¹.

Летом 1876 года отставка Наливкина была принята и 24-летний кавалерийский офицер, он прибыл с женой в Наманган, где его ожи-

дала должность помощника уездного начальника. Но верх взял его по-прежнему неослабевавший интерес к познанию прошлого и настоящего Туркестана, стремление к практическому ознакомлению с жизнью и овладению языками местного населения. Это находило живейший отклик и у его супруги Марии Владимировны Наливкиной².

И уже оставлен новый служебный пост и чета Наливкиных принимает решение поселиться на время в небольшом и глухом горном кишлаке Нанае (123 семейства), чтобы воочию наблюдать и изучать повседневный быт его населения, овладеть разговорным языком живших здесь узбеков, киргизов, таджиков. Здесь Наливкины приобрели участок земли, скот. Хозяйство велось личным трудом без найма со стороны.

Шесть лет прожили Наливкины в Нанае, снискав уважение и любовь его жителей, которому они оказывали при случае и элементарную медицинскую помощь. Воспитывали они здесь и двух своих детей, мальчиков-погодков.

Один из биографов Наливкина (Ю.О.Крачковский) с полным основанием констатировал, что то была «беспримерная в истории Туркестанского края деятельность Наливкина и его супруги по изучению языков, земельного и семейного быта, религии и обычаев коренного населения Ферганы, не по книжным источникам, а из самих источников жизни народной»³.

Владимир Петрович Наливкин

Эти годы не были бесплодными и для науки. По тому времени едва ли не уникальным являлся подготовленный Наливкиными «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (1886 г.), написанный (говоря их же словами) «в обстановке их жизни, которая была тоже вполне местной».

О богатстве и разнообразии «Очерка» говорят его разделы: «Жилище и утварь», «Одежда женщины», «Занятия и пища», «Характер», «Сватовство и брак», «Беременность и роды», «Суеверия и предрассудки» и т. п.

Книгу заключали слова узбекской народной поговорки: «Все люди - люди».

Сугубо одобрительными были отзывы на «Очерк» таких виднейших востоковедов, как Н.И.Веселовский, В.В.Бартольд, венгерский ориенталист Арминий Вамбери. Русское географическое общество удостоило труд Наливкиных большой золотой медали. А за Марией Владимировной Наливкиной закрепилась репутация первой в Средней Азии русской женщины-этнографа.

По возвращении из кишлака в Ташкент (детей нужно было определять в школу) Наливкин и здесь продолжал устанавливать живые связи и контакты с населением. По свидетельству современников, и тогда, и в последующем Наливкин в свободное от работы время любил вести простые и душевные разговоры с коренными жителями городов и деревень.

В Ташкенте Наливкин работал в должности чиновника для поручений при генерал-губернаторе края и на других постах.

В 1896 году Наливкин по должности областного инспектора школ переехал на жительство в Самарканд. Здесь им по общественной линии был образован успешно действующий «Кружок народных чтений», привлекавший немалое число представителей местной любознательной аудитории.

Вскоре Наливкин был вновь отозван в Ташкент. А в 1901 году энергичный и деятельный Наливкин принял должность помощника губернатора Ферганской области, но уже спустя два года был отозван с этого поста. Властям пришлось не по душе настойчивая борьба Наливкина с незаконными денежными отложениями коренного населения и злоупотреблениями ряда чиновников.

В 1907 году Наливкин был избран депутатом II Государственной Думы от Туркестана. Во время проводов Наливкина в речи на ташкентском вокзале Наливкин говорил, что он, дворянин по происхождению, идет в Думу как солдат, верный делу борьбы с теми, «кто давит и угнетает народ и за народного благо и свободу».

В Думе Наливкин выступил с нагнетавшей речью о «правосудии при существующем режиме», в которой резко и эмоционально бичевал ее пороки и по сути антинародный характер. И хотя после этого последовало утверждение Наливкина в составе думского комитета по вопросу об отмене военно-полевых судов, сама речь Наливкина была воспринята неоднозначно. Ее «расширительные» рамки и обличительный тон сказались и на положительных сторонах судебной реформы второй половины XIX века, набрасывая тень на всех ее деятелей. Это вызвало возражения со стороны ряда депутатов и в печати.

В то же время речь Наливкина была восторженно встречена в среде студенчества, на руках внесших Наливкина на следующее заседание Думы.

При всем том мировоззрение Наливкина отнюдь не было нужно взглядам, убеждениям и учению Л.Н.Толстого. Идеология толстовства пронизывает и сохранившуюся в рукописи его работу «Мое мировоззрение» (1908 г.). В нем, правда, немало и суждений Наливкина о наступлении «фабричного периода», о социализме, призванном освободить человека от рабства и «золотого тельца». Но лейтмотивом служат рассуждения о переходе к отказу от собственности, о праведной жизни по принципу «все мое ношу с собой», об отказе от «стезей наживы», об абстрактной вере в торжество «добра и справедливости» и т.п. В том же духе была написана и вышедшая в свет в 1917 году статья Наливкина «Надо опроститься».

Дружил Наливкин с группой толстовцев, организовывавших под Ташкентом свою колонию.

Характерно, что всю жизнь, и в том числе в последние годы жизни в Ташкенте, Наливкин не чуждался физического труда. На земельных участках своих сыновей (когда ему было уже под

шестьдесят) обрабатывал огороды, сажал ягодники, ухаживал за фруктовыми деревьями, занимался столярным делом.

Особо примечательной и неотъемлемой страницей жизни Наливкина являлось его ярко выраженное и неизменное тяготение к научной работе. Сам он никогда не причислял себя к числу ученых, да в строго смысле этого слова, быть может, им и не был.

И тем не менее, есть все основания говорить о реальности его сильного и весомого вклада в науку. В этом убеждают сами факты.

Выше уже говорилось о его трудах, связанных с пребыванием Наливкина в кишлаке Нанай и о высокой оценке этих трудов в научном мире.

Но труды эти не были случайными и преходящими.

И последующие годы подтвердили репутацию Наливкина как энергичного и эрудированного туркестановеда, автора многих публикаций по истории, археологии, этнографии, экономике Средней Азии.

Так, например, этнографы не пройдут мимо таких, безусловно, ценных для своего времени работ Наливкина, как «Киргизы Наманганского уезда», «Очерки земледелия в Наманганском уезде», «Виды топлива у населения Туркестана», «Особенности охоты у туземцев Туркестанского края», «Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края», «О поездке в Горную Бухару и на Западный Памир» и др.

Историки со своей стороны не преминут отметить обилие фактического материала и метких наблюдений в публикациях Наливкина - «Школы у туземцев Средней Азии», «О состоянии туземных мадраса Сырдарьинской области», «Туземный пролетариат», «Туземцы раньше и теперь». И, конечно же, принадлежащий перу Наливкина труд «История Кокандского ханства» (1886 г., Казань, 215 с.), который, кстати сказать, был издан также Школой живых восточных языков на французском языке (Париж, 1889 г., 272 с.).

Академик В.Р.Розен полагал, что этот труд Наливкина «вполне заслужил чести перевода ввиду большого интереса, который он представляет для столь малознакомой с историей Средней Азии европейской публики».

В этом труде помимо печатных пособий Наливкин привлекал к делу и старинные восточные рукописи и документальные материалы ферганских правителей и эмиров Бухары. В печати фиксировались и недостатки работы Наливкина, но в целом все рецензенты констатировали, что «История Кокандского ханства», несомненно, «полезное приобретение для истории Средней Азии». А в наши дни (1973 г.) востоковед В.А.Ромодин подчеркивал, что этот труд Наливкина хотя и устарел, но «не потерял еще полностью научного значения»⁴.

И, конечно же, не случайно, а закономерно, что за научные заслуги Наливкин был удостоен также медали Академии наук Франции.

Единственной в своем роде явилась работа В.П.Наливкина «Положение вакуфного дела в Туркестанском крае» (1904 г.), в которой он пытался глубоко разобраться в существе сложного и запутанного вопроса. И это с тем, чтобы помочь пресечь сложившуюся вокруг вакуфов практику «всевозможных проявлений самоуправства и отступлений от шариата». Поскольку многие вакуфы «ожесточенно вырывались лицами и учреждениями из рук друг от друга под покровительством власть имевших лиц», а главным образом, из-за «беспросветной тьмы того бесправия, которое царило в области вакуфного дела» и шло в ущерб интересам населения края.

В специфических природных условиях Туркестана внимание исследователей неминуемо обращалось и к проблеме борьбы с песчаными заносами, покрывавшими часть плодородных земель и расширявших площадь пустынь. Вставал вопрос о возможностях закрепления песчаных массивов.

Свою общепризнанную долю в изучение этой проблемы внес и Наливкин. По своей инициативе он приступил к обследованию песков Ферганы. Результаты его наблюдений и выводы из них нашли свое отражение в труде «Опыт исследования песков Ферганской долины».

Его компетентная оценка учеными наших дней принадлежала перу видного почвоведом профессора В.П.Дробова (1956 г.). По его словам, Наливкин выполнил «вполне самостоятельную» ра-

боту, сумев дать «в основном верную характеристику песчаных массивов, зафиксировать их расположение, их генезис и процесс формирования, их движение и вред, причиняемый растительности». По существу речь идет о настоящей «монографии, охватившей все вопросы песковедения. В то время пескам Ферганы был посвящен только один труд академика А.Ф.Миддердорфа - «Очерки Ферганской долины». В.П.Наливкин обстоятельно осветил вопрос о «площадах развеивания песков» как следствие ветровой эрозии. Впервые им было обращено внимание на наличие в барханах «глыб висячих влажных горизонтов», лежащих на сухом песке. Наливкину принадлежало и обоснование причин таких образований и это «тогда, когда почвоведы еще не знал таких водных свойств почвы. Зорко подметил Наливкин и «значение порубок и выпасов скота в образовании подвижных песков». Дробов приходил к выводу, что и «через десятилетия после опубликования труда Наливкина (1887 г.) он может служить образцом того, как нужно подходить к изучению песков».

Примечателен в новаторском плане и труд Наливкина «Туземцы раньше и теперь» (1913 г.). Он был написан (это необходимо учитывать) по личной просьбе к нему генерал-губернатора Тевяшова для него и его ближайшего окружения. Это, конечно, не могло не сказаться на форме и стиле текста Наливкина. Но вместе с тем это было еще одно свидетельство прекрасного знания Наливкиным жизни и быта, запросов и интересов коренного населения края второй половины XIX - начала XX в.

Более того, работа Наливкина отличалась не только богатством фактического материала («Этнографический состав населения», «Государственный строй ханств», «Народное образование», «Семейный быт» и др.), но и зоркими наблюдениями в сфере общественной и религиозной жизни коренного населения. При этом Наливкин не замалчивал и теневых сторон политики властей России в Средней Азии.

Он отмечал, что направление в Туркестан частей русской армии осуществлялось «без предварительного ознакомления с географией страны, с языком и бытом туземного населения, настроенного,

безусловно, враждебно к армии завоевателей и неверных». «Невежественными мы оказались и в отношении культурной Ферганы, с которой были связаны постоянными официальными и торговыми отношениями». Население испытывало стран «не только к одной нашей военной силе, но и к нашей административной власти, водворившейся здесь вслед за тем, как смолкли последние выстрелы».

Осуждал Наливкин и фигурировавшие в русской печати презрительные и унижительные отзывы о сартах («полудиких азиатах»), возникавших «на почве наших собственных - невежества, малой культурности и самомнения». Не замалчивал он и фактов «казнокрадства и грабежей» в среде колониального аппарата. Русская колонизация Туркестана («переселенческий вопрос») осуществлялась с нарушением прав коренного населения.

Не обошел вниманием Наливкин и Андижанское восстание 1898 года, связывая его с необходимостью «задуматься над нашими недугами, в особенности в Фергане» и пытаясь объяснить истоки восстания.

Заключительные строки гласили: «Я предложил вашему вниманию результаты моих сорокалетних наблюдений над местной жизнью и только для того, чтобы легче было избавить будущее от повторения темных пятен прожитого, чтобы сделать это будущее возможно более светлым», идущим «по широкому пути общественного прогресса».

Особое место в научном наследии Наливкина занимают составлявшиеся им при участии жены русско-сартовские и сартовско-русские словари⁵. Помимо своего большого практического значения они не случайно обращали на себя внимание и представителей ученого мира.

Так, например, академик А.Н.Кононов относит эти словари (как и сопутствующие им «Руководство к практическому изучению сартовского языка» и «Краткую грамматику по наречиям Туркестанского края» к числу словарей, «составляющих эпоху в истории тюркской лексикографии, не имеющих себе равных в западноевропейской тюркологии». А впоследствии законченный Наливкиным (не опубликованный при его жизни) полный словарь

узбекского языка был использован как один из источников составления многотомного узбекско-русского словаря.

Известный филолог-тюрколог профессор К.К.Юдахин также считал «Русско-сартовский словарь» Наливкиных одним «из главнейших трудов по узбекской диалектологии, продолжающим до сих пор оставаться лучшим из узбекских словарей»...

...Февральскую революцию 1917 года Наливкин воспринял восторженно. Его внук Иван (тогда гимназист) вспоминал, что, наблюдая за колоннами демонстрантов, «дедушка сказал ему: «Запомни эти дни, Иван, они являются началом новой, прекрасной и свободной жизни»⁶.

При этом Наливкину была свойственна убежденная вера в то, что осуществление идеалов свершившейся в России революции должно идти по пути мирного развития и общественного согласия. «Мы, - писал он, - люди 20 века и не учиться же нам у одной французской революции. Гуманные средства много сильнее гильотины и массовых казней».

И совершенно естественно, что «резкий и грубый» (его слова) радикализм рвущихся к власти большевиков с митинговыми выступлениями, пронизанными духом непримиримости, озлобленности, очернительства не согласных с ними не могли не настораживать и не тревожить Наливкина, очевидно, усугубляя его опасения касательно возможности наступления времен «насилия и крови».

С приходом к власти Временного правительства на местах стали создаваться его Исполнительные комитеты и в их числе Туркестанский комитет, возглавить который было поручено видному деятелю кадетской партии Щепкину. К этому времени в Туркестане уже стали возникать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Ход событий складывался не в пользу Туркестанского комитета и маловлиятельного и недостаточно известного в массах его руководителя Щепкина, и он был отставлен от должности.

Решением Временного правительства на пост Председателя Туркестанского комитета был назначен В.П.Наливкин в надежде, что такой видный и влиятельный общественный деятель сумеет восстановить и обеспечить «спокойствие и порядок» и предотвратить возможные эксцессы⁷.

Однако весь дальнейший ход событий уже как бы предвещал трагический исход жизни и деятельности Наливкина.

Тучи на политическом небосклоне продолжали сгущаться. По его собственным словам, то были дни, «когда он терялся, метался из стороны в сторону, не зная, как примирить противоречия переживаемого бурного переходного момента... старался удержаться на краешке уже рухнувших подмоستков, разрушенных ураганом революции».

Тем временем усиливалось брожение в сфере коренного населения Туркестана, активизировались «автономистские» настроения части его национальной интеллигенции. Это продолжало беспокоить Временное правительство, тем более с учетом экстремистских настроений и действий местных русских коммунистов.

Кульминацией событий стали «сентябрьские» дни 1917 года в Ташкенте. 11 (24) сентября, воспользовавшись созывом совещания демократических организаций, большевики предложили наделить его функциями всевластного Революционного комитета. Это предложение было отклонено, но уже на следующий день оно было одобрено на митинге рабочих и солдат, провозгласившим переход всей власти Советам. Временное правительство объявило эти события контрреволюционным мятежом и потребовало от Наливкина решительных действий.

Опустим подробности. Прекраснодушные настроения Наливкина столкнулись с суровой реальной действительностью. Объявленное им временно запрещение митингов, демонстраций, забастовок не возымело действия. А в сентябре в Ташкент для подавления мятежа прибыл воинский отряд Временного правительства. Большевистское руководство не замедлило провозгласить «измену Наливкина делу революции» и наделяло его самыми оскорбительными эпитетами.

В октябре 1917 года в России свершился насильственно осуществленный переход власти в руки большевиков, что затем имело место и в Туркестане.

Мучительно и болезненно переживал Наливкин ход событий. Рушились его заветные мечты о беспечальном будущем народа, как он его себе представлял.

В руках пишущего эти строки находится редкий теперь номер газеты «Туркестанские ведомости» - органа Туркестанского комитета Временного правительства от 23 июля. В нем запечатлено выступление Наливкина на Туркестанском краевом съезде представителей Российской социал-демократической фракции II Государственной Думы (и под «долгие и бурные аплодисменты собравшихся») Наливкин говорил о том, что нет и не может быть сомнений, что «недалеки дни, когда соединятся воедино все трудящиеся» и «искусная рука жизни возведет величественную триумфальную арку, пройдя под сводами которой мировой пролетариат вступит наконец победоносно в заветные пределы демократической республики».

Реальная действительность если и не разбивала мечту об этом, то во всяком случае отодвигала ее на долгие, трудные и смутные времена...

...Утром 20 января 1918 года Наливкин незаметно вышел из дома. Придя на кладбище, где была похоронена в ноябре 1917 года скончавшаяся от рака его жена Мария Владимировна, Наливкин покончил с собой выстрелом из револьвера вблизи от могилы жены на ведущей к ней боковой дорожке.

В его фуражке была найдена записка, в которой он писал: «Не могу согласиться с тем, что делается» и просил «никого не винить в его смерти и сделать так, чтобы похороны были скромными и гражданскими».

Как сообщила ташкентская газета: «Вчера в 9 часов утра на местном кладбище, недалеко от кладбищенской церкви, выстрелом в правый висок покончил жизнь самоубийством известный всему Туркестану, всеми любимый и уважаемый общественный деятель Владимир Петрович Наливкин... Окончена еще одна большая жизнь... Кто из знавших его мог бы хоть на одно мгновение усомниться в его непреклонности и твердости убеждений, в чистоте и бескорыстности всех его помыслов... Похороны состоялись 24 января в 2 часа дня. Пришедших отдать покойному последний привет было до обидного мало».

А в дневнике идейного противника Наливкина, монархиста и видного деятеля колониального режима Остроумова мы находим и такую запись: «Так неожиданно и грустно окончил свою мятежную жизнь даровитый и выдающийся знаток Туркестана, научные труды которого признаются всеми туркестановедами»⁸.

...Таков был достойный доброй и долгой памяти и уважения сложный и трудный путь Владимира Петровича Наливкина.

¹Наливкин В.П. Мои воспоминания о Скобелеве. / Русский Туркестан. 1906. №№ 162, 163, 165, 170, 173.

²Урожденной Сартори, воспитанницей Института благородных девиц, владевшей французским и немецким языками, правилами «хорошего тона». Ее готовили к роли хозяйки уютного и добротного устроенного домашнего очага, и она была, вообще говоря, чужда физическому труду. И никто не ожила, что в ее лице Наливкин обретет своего верного друга, соратника, помощника, делившего с ним на протяжении более 40 лет все трудности, невзгоды и испытания его нелегкой жизни. Наливкин женился на ней в 1875 г. в Саратове, где она жила тогда, а он проводил свой отпуск.

³См.: Владимир Петрович Наливкин. Краткий биографический очерк. Составил Ю.О.Якубовский. Ташкент, 1907. 55 с.

⁴Много слабее общеисторические работы Наливкина («Ислам и закон Моисея» и оставшаяся в рукописи работа «Следы родства между арийцами и семитами»). Здесь, видимо, все же сказывалось отсутствие у него специального историко-востоковедческого образования в попытках решать большие и сложные и к тому же малоизученные проблемы.

⁵Об этом в цикле работ Наливкиных см.: Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-ое издание. Переработал и подготовил акад. А.Н.Кононов. М., 1981, с.170-172. Более подробный указатель публикаций Наливкина и литературы о нем см.: Владимир Петрович Наливкин. В кн.: Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Составитель Б.В.Лунин, Ташкент, 1974, с.255-258.

⁶При написании очерка о Наливкине автор обращался также к неопубликованным рукописям воспоминаний о нем его родных - дочери Наталии Владимировны, внука Ивана Наливкина и др.

⁷Напомним, что Наливкин был редактором газеты «Наджат» (органа Временного правительства в Туркестане), выходившей под девизом «Равенство, свобода, справедливость».

⁸ЦГА Узбекистана. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 66. Л. 14.

Руководитель проекта:

Главный редактор журнала «Международная жизнь»

А.Г.Оганесян

Ответственный редактор:

Заместитель главного редактора -

ответственный секретарь,

кандидат исторических наук

Е.Б.Пядышева

Выпускающий редактор и дизайнер:

И.Н.Знатнова

Технический редактор:

М.С.Тюрина

**Материалы, публикуемые в спецномере журнала «Международная жизнь»
«История без купюр», не обязательно отражают точку зрения редакции**

Адрес редакции: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71;

E-mail: journal@interaffairs.ru

Отпечатано в типографии ООО «Объединенный полиграфический комплекс»

г. Москва, Дербеневская набережная д.7 стр.2

тел. 8(499) 1306019 e-mail: info@opk.bz, www.opk.bz

Тираж 1000. Цена свободная.

Дата выхода в свет 30.12.2020.

© Редакция журнала «Международная жизнь». 2020.

WWW.INTERAFFAIRS.RU

X PULSAR

ЭНЕРГИЯ ДВИЖЕНИЯ